

241
172
Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучинскаго.

Изд. 21

О. И. УСПЕНСКІЙ. 241

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Издание Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

1901.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

О. И. УСПЕНСКІЙ.

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Бронгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1901.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература по всеобщей исторіи особенно бѣдна общими пособіями, приноровленными къ цѣлямъ самообразованія и къ потребности большой публики въ научныхъ, но въ то же время небольшихъ по объему и общедоступныхъ по изложенію историческихъ книгахъ. Особенно мало у насъ общихъ трудовъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, равно какъ по исторіи отдѣльныхъ эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и т. п.). Для устраненія этого важнаго недостатка многіе русскіе спеціалисты всеобщей исторіи, болышею частью университетскіе профессора и приватъ-доценты, предприняли составленіе цѣлой коллекціи небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ „Исторія Европы въ средніе вѣка и новое время по эпохамъ и странамъ“. Всѣхъ книжекъ предположено около сорока, причемъ все изданіе будетъ дѣлиться на двѣ серіи—эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ или странѣ предполагается посвятить по одной книжкѣ, за исключеніемъ главнѣйшихъ странъ (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи), которыя потребуютъ по двѣ и даже по три книжки. Отдѣльные томики этой коллекціи будутъ составлены учеными, болѣе спеціально занимавшимися тѣмъ или другимъ отдѣломъ всеобщей исторіи, и всѣми ими будетъ принято во вниманіе, что ихъ читателями явятся вообще лица, получившія образованіе не ниже средняго, но змѣстѣ съ тѣмъ желающія пополнить и расширить свои знанія. Поэтому въ предполагаемыхъ книжкахъ па первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и соціально-полити-

ческая исторія, и изъ изложенія будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для специалистовъ. Общее веденіе изданія приняли на себя нижеподписавшіеся, участвовать же въ составленіи отдѣльныхъ книжекъ будутъ: Г. Е. Аванасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, Н. И. Каръевъ, М. М. Ковалевскій, И. Б. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. О. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, О. И. Успенскій и др.

Настоящій выпускъ посвященъ исторіи крестовыхъ походовъ, по которой въ русской литературѣ нѣтъ ни одного оригинальнаго труда. Слѣдующій выпускъ, который уже печатается, составитъ второе изданіе книги покойнаго профессора московскаго университета М. С. Бореина „Паденіе античнаго міросозерцанія“ (Бультурный кризисъ въ Римской имперіи).

Н. Каръевъ.
И. Лучицкій.

Г Л А В А I.

Ближайшія обстоятельства, вызвавшія крестовые походы. Состояніе Византійской имперіи предъ крестовыми походами.

Крестовые походы имѣютъ не только общенсторическій интересъ, какъ выраженіе идей и настроенія умовъ въ извѣстный періодъ средневѣковой исторіи. По своимъ мотивамъ, а равно по ближайшимъ послѣдствіямъ, въ особенности же по разнообразнымъ и глубокимъ вліяніямъ на взаимныя отношенія Востока къ Западу, крестовые походы не лишены спеціальнаго значенія для исторіи восточно-европейскихъ народовъ. Составляя весьма важный отдѣлъ въ западно-европейской исторіи, крестовые походы обильны внѣшними фактами и богаты результатами, которые хотя и куплены были весьма дорогой цѣной, но могущественно повліяли на духовное развитіе европейскихъ народовъ. Тогда западно-европейцы въ первый разъ большими массами поднялись съ своихъ мѣсть и познакомились съ неизвѣстными имъ народами и странами, частію усвоили ихъ нравы и учрежденія, частію передали имъ свои понятія и воззрѣнія. На Востокъ передъ европейцами открылся новый міръ съ совершенно новыми и чуждыми ему понятіями, образомъ жизни и политическимъ устройствомъ. Разказы и описанія видѣннаго и слышаннаго составили богатую литературу, которая съ живымъ интересомъ читалась по монастырямъ и рыцарскимъ замкамъ. Западные народы вложили въ крестовые походы много своихъ силъ и матеріальныхъ и духовныхъ, потому нѣтъ ничего удивительнаго, что національная исторія французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ не можетъ не удѣлять значительнаго мѣста изложенію исторіи крестовыхъ походовъ.

Для восточно-европейской—въ частности для русской исторіи—крестовые походы представляютъ интересъ съ другой точки зрѣнія, именно по соображенію мотивовъ и результатовъ крестовыхъ походовъ. Весьма рельефно выступающій въ новой исторіи антагонизмъ между западной и восточной Европой, рѣзко выдвигающаяся противоположность интересовъ и культуръ романо-германской и греко-славянской—въ первый разъ обнаружилась въ эпоху крестовыхъ походовъ, а нынѣшнее политическое и религіозное вліяніе католическихъ странъ на Востокъ началами своими восходитъ къ той же эпохѣ. Религіозная и національная вражда къ мусульманству, одушевлявшая первыхъ крестоносцевъ и поддерживавшая ихъ въ поренесеніи громадныхъ лишеній и потерь, скоро уступила мѣсто другимъ побужденіямъ, которыя однако оказались нисколько не слабѣе первыхъ и продолжали увлекать на Востокъ новыя и новыя западныя ополченія. Когда первоначальная цѣль крестоноснаго движенія перестала быть руководящимъ мотивомъ, выдвинулись на первое мѣсто политическія соображенія. Не объ Іерусалимѣ и не объ освобожденіи Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ стали помышлять вожди крестоносцевъ, а объ основаніи независимыхъ княженій на Востокѣ, о завоеваніи Византіи, наконецъ, о торговыхъ преимуществахъ въ областяхъ византійскихъ и мусульманскихъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія восточно-европейской исторіи эпоха крестовыхъ походовъ представляетъ собой любопытнѣйшій эпизодъ борьбы между Западомъ и Востокомъ, борьбы, которая еще не окончилась и понынѣ и продолжается на нашихъ глазахъ, соединивъ разнообразныя интересы, какъ религіозные, такъ и политическіе и торговые, въ такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ. Въ виду указаннаго крестовые походы и съ точки зрѣнія русской исторіи получаютъ важное значеніе, какъ эпизодъ столкновенія двухъ міровъ, раздѣляющихъ и понынѣ господство въ Европѣ и Азіи и какъ вступительная глава въ исторію Восточнаго вопроса, въ разрѣшеніи котораго Россія суждено принять дѣятельное участіе.

Ближайшія обстоятельства, вызвавшія крестовые походы, остаются до сихъ поръ не вполне ясными. Сильное развитіе папской власти, мечтавшей въ концѣ XI вѣка обратить грековъ къ послу-

шанію римской церкви, глубокое вліяніе духовенства, подвинувшего западные народы къ исполненію воли римскаго первосвященника, тяжкое экономическое и социальное положеніе народныхъ массъ привычка къ войнѣ и жажда приключеній—вотъ причины, которыми объясняютъ начало крестовыхъ походовъ. Рѣшительнымъ и послѣднимъ побужденіемъ было обращеніе царя Алексѣя I Комнина къ папѣ Урбану II-му въ 1094 году съ просьбой о помощи противъ турокъ-сельджуковъ. Всѣ эти мотивы конечно имѣли значеніе при возбужденіи перваго крестоваго похода, но ни всѣ вмѣстѣ, ни каждый въ отлѣльности они недостаточно объясняютъ принятое крестовыми походами направленіе и на первыхъ же порахъ обнаружившіяся недоразумѣнія между крестоносными вождями и византійскимъ правительствомъ. Въ русской исторической литературѣ съ особенной силой выдвинуто то обстоятельство, что крестовые походы стоятъ въ тѣсной внутренней связи съ тогдашнимъ состояніемъ Византійской имперіи и что принятое ими направленіе можетъ быть выяснено изъ разсмотрѣнія политическихъ условій, въ какихъ находилась тогда Византія.

Оамо собой разумѣется, здѣсь подразумѣваются отношенія Византіи къ мусульманскому міру. Къ VIII вѣку мусульмане овладѣли Азіей и Африкой и утвердились на островахъ Средиземнаго моря и въ нѣкоторыхъ областяхъ Западной Европы. Въ 717 г. они осадили Константинополь съ суши и съ моря, семь разъ дѣлали приступъ на столицу восточнаго христіанскаго міра. Но царь Ловъ Исавръ успѣлъ соединить противъ магометанъ большія морскія и сухопутныя силы и нанесъ имъ сильное пораженіе подъ Константинополемъ; это была первая побѣда христіанъ, надолго приостановившая побѣдоносный напоръ мусульманскаго міра и спасшая отъ порабощенія имъ переднюю Малую Азію. Скоро затѣмъ (въ 732 г.) магометане потерпѣли большое пораженіе отъ Карла Мартела, заставившее ихъ надолго отказаться отъ попытокъ новыхъ завоеваній и въ Западной Европѣ. Не смотря на частные успѣхи магометанъ на островахъ Средиземнаго моря (Критъ и Сицилія), не смотря на опустошенія, производимыя ими въ Италіи и Южной Франціи, въ общемъ въ IX и X вв. они уже не были такъ страшны и побѣдоносны, какъ ранѣе. Это частію объясняется внутренними явленіями, наблюдаемыми въ самомъ мусуль-

манскомъ мірѣ. Когда ослабѣлъ первый религіозный пылъ, въ магометанской средѣ начались распри, выразившіяся въ политическомъ дробленіи калифата и въ религіозномъ сектаторствѣ. Мало-по-малу образовалось три калифата: Богдадскій, Египетскій или Фатимидскій и Испанскій или Омайядскій. Богдадскій калифатъ раздѣлился къ X вѣку на множество отдѣльныхъ княженій; пользуясь его раздробленіемъ, византійскіе императоры Никифоръ Фока и Іоаннъ Цимисхій отняли у него часть Сиріи съ городомъ Антохіей и островъ Критъ. Египетскій калифатъ дѣйствовалъ отдѣльно отъ другихъ и направлялъ свои силы противъ Сициліи и Южной Франціи. Что касается испанскихъ арабовъ, то они также заняты были внутренними войнами и борьбой съ вестъ-готами. Магометанство вновь становится опаснымъ для христіанъ въ XI вѣкѣ, и притомъ какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. На Востокѣ Магометане приобрѣли новыхъ прозелитовъ въ лицѣ туркменовъ, жившихъ около Каспійскаго и Аральскаго морей. Туркмены, получившіе потомъ имя турокъ-сельджуковъ, вторглись въ области Багдадскаго калифата, подчинили себѣ мелкихъ владѣтелей Ирана и Месопотаміи и начали принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ самого калифата, занимая мѣста приближенныхъ совѣтниковъ и администраторовъ калифа и составляя его военную стражу. Скоро турки-сельджуки перенесли на себя весь интересъ исторіи магометанскаго міра. Они завоевали почти всю Малую Азію, образовавъ могущественный султанатъ со столицей въ Иконіи и угрожая самому Константинополю. Одинъ изъ крупныхъ эпизодовъ этой эпохи сосредоточивается на событіяхъ 1071 года, когда султанъ Альпъ-Арсланъ одержалъ блестящую побѣду надъ византійскими войсками при Манцикертѣ, въ Арменіи, взявъ въ плѣнъ царя Романа Діогена. Это пораженіе имѣло важное значеніе не для одной Византіи, но и для всего христіанскаго міра. Для сельджуковъ теперь открывался свободный путь къ Мраморному морю и Босфору, они могли безъ особенныхъ затрудненій осадить Константинополь. Какъ бы ни были грубы и дики сельджуки, они и тогда уже понимали, что тотъ планъ дѣйствій, который впоследствии осуществленъ былъ османскими турками, могъ быть испробованъ и теперь. Что туркамъ-

селджукамъ была не чужда мысль о завоеваніи Константинополя, это доказывается нижеслѣдующими фактами.

Говоря о состояніи мусульманскаго міра наканунѣ крестовыхъ походовъ, нельзя оставлять безъ вниманія европейскихъ сородичей селджуковъ, хорошо извѣстныхъ изъ русской лѣтописи половцевъ и печенѣговъ, которые въ концѣ XI-го вѣка распространились по Южной Россіи и, переходя черезъ Дунай, не разъ тревожили Византійскую имперію. Не далѣе, какъ лѣтомъ 1088 г., печенѣги нанесли Алексѣю Комнину страшное пораженіе при Деретрѣ (Силистрія), захватили въ плѣнъ много знатныхъ византійцевъ и самого императора заставили искать спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. Богатая добыча, доставшаяся печенѣгамъ, пробудила алчную зависть въ ихъ союзникахъ — половцахъ, которые пришли къ нимъ на помощь. Откупившись золотомъ отъ хищныхъ сосѣдей и подданныхъ (печенѣги были уже приняты на византійскую землю), Алексѣй однако не могъ быть спокоенъ и за ближайшее будущее, пока печенѣги безъ страха переходили Балканы и нападали на византійскіе города Адрианополь и Филиппополь, доходя даже до стѣнъ столицы. На этотъ разъ опасеніе усиливалось еще и потому, что половцы, не получивъ себѣ части изъ византійской добычи, грозили двинуть всю половецкую орду за Дунай, чтобы отомстить печенѣгамъ. Правда, половцы въ этомъ отношеніи могли оказать услугу Византіи, но чего было ожидать потомъ отъ такого рода слугъ и союзниковъ?

Въ зиму 1089—90 года печенѣги расположились въ адрианопольской области, чтобы весной начать свои опустошительные набѣги въ самое сердце имперіи. Императоръ занимался обученіемъ войска для предстоящаго похода и наборомъ новыхъ отрядовъ. Лѣто (1090) принесло съ собою новыя затрудненія. Турецкій пиратъ Чаха, воспитанный въ Константинополѣ и хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ, снарядилъ собственный флотъ и составилъ планъ дѣйствій противъ Имперіи съ моря, когда печенѣги будутъ развлекать ея силы съ сухого пути. Все лѣто императоръ провелъ въ походѣ противъ печенѣговъ. Чтобы судить объ опасности, угрожавшей Константинополю, достаточно сказать, что военныя дѣйствія сосредоточивались около Чурля, т. е. въ разстояніи одного днев-

ного перехода отъ столицы. Съ наступленіемъ осени война прекращалась, но печенѣги не думали возвращаться въ свои кочевья, а расположились тутъ же, почти въ виду Константинополя. Зима 1090—91 г. прошла въ постоянныхъ схваткахъ, которыя впрочемъ не имѣли рѣшительнаго значенія ни для той, ни для другой стороны. Столица была заперта, изъ нея не выпускали жителей, потому что за стѣнами города рыскали печенѣжскіе набѣдники. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, какія могла помнить Византія изъ предшествовавшей исторіи, ее спасала возможность морскихъ сношеній. Но теперь Чаха замышлялъ отрѣзать отъ Константинополя и море. Располагая значительнымъ числомъ кораблей, онъ сдѣлался полновластнымъ господиномъ Босфора и Мраморнаго моря. Стало извѣстнымъ, что его послы переговариваются съ предводителями печенѣжской орды и условиваются объ общемъ планѣ дѣйствій. Вообще положеніе имперіи въ 1091 году представляется въ высшей степени безпомощнымъ. Едва ли ранѣе угрожала ей такая неминуемая и близкая гибель. Императоръ, говоритъ Анна Комнина, видя, что и съ моря, и съ суши наше положеніе весьма бѣдственно... посланіями, отправленными въ разныя стороны, спѣшилъ собрать наемное ополченіе. Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ назначены были въ полковкия вежи, другія—къ русскимъ князьямъ; безъ сомнѣнія, были посланія и на западъ, въ особенности къ друзьямъ, которые уже доказали разъ свое расположеніе къ императору, каковъ былъ Робертъ, графъ Фландрскій, приславшій Алексѣю вспомогательный отрядъ. До нашего времени сохранился одинъ экземпляръ посланія, отправленнаго Алексѣемъ Комниномъ къ графу Роберту Фландрскому. Вотъ въ главныхъ чертахъ его содержаніе: „Святѣйшая имперія христіанъ греческихъ сильно утѣняется печенѣгами и турками; они грабятъ ее ежедневно и отнимаютъ ея области. Убійства и поруганія христіанъ неисчислимы и такъ страшны для слуха, что способны возмутить самый воздухъ... Почти вся земля отъ Іерусалима до Греціи,—не исключая и Фракіи,—подверглась ихъ нашествію. Остается одинъ Константинополь, но они угрожаютъ въ самомъ скоромъ времени и его отнять у насъ, если не подоспѣетъ быстрая помощь вѣрныхъ христіанъ латинскихъ. Пропондита уже покрыта двумя

стами кораблей, которые принуждены были выстроить для своихъ угнетателей греки. Такимъ образомъ Константинополь подвергнется опасности не только съ суши, но и съ моря. Я самъ, облеченный саномъ императора, не вижу никакого исхода, не нахожу спасенія: я принужденъ бѣгать предъ лицомъ турокъ и печенѣговъ. Итакъ, именемъ Бога умоляемъ васъ, спѣшите на помощь мнѣ и греческимъ христіанамъ. Мы отдаемъ въ ваши руки; мы предпочитаемъ быть подъ властью вашихъ латинянъ, чѣмъ подъ игомъ язычниковъ. Пусть Константинополь достанется лучше вамъ, чѣмъ туркамъ и печенѣгамъ. Для васъ да будетъ также дорога та святыня, которая украшаетъ городъ Константина, какъ она дорога для насъ... Священные предметы не должны достаться во власть язычниковъ, ибо это будетъ великая потеря для христіанъ и ихъ осужденіе. Если, сверхъ ожиданія, васъ не одушевляетъ мысль объ этихъ христіанскихъ сокровищахъ, то я напомню вамъ о безчисленныхъ богатствахъ и драгоценностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей. Сокровища однихъ церквей въ Константинополь могутъ быть достаточны для украшенія всѣхъ церквей міра. Нечего говорить о той неисчислимой казнѣ, которая скрывается зъ кладовыхъ прежнихъ императоровъ и знатныхъ вельможъ греческихъ. Итакъ, спѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ, напрягите всѣ усилія, чтобы такія сокровища не достались въ руки турокъ и печенѣговъ. Ибо, кромѣ того безконечнаго числа, которое находится въ предѣлахъ имперіи, ожидается ежедневно прибытіе новой 60-ти-тысячной толпы. Мы не можемъ положиться и на тѣ воѣска, которыя у насъ остаются, такъ какъ и они могутъ быть соблазнены надеждой общаго расхищенія. Итакъ дѣйствуйте, пока есть время, дабы христіанское царство и что еще важнѣе — Гробъ Господень не были для васъ потеряны, дабы вы могли получить не осужденіе, но вѣчную награду на небесахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что для патріотическаго чувства тогдашнихъ греческихъ писателей прискорбно было вспоминать о тяжелыхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ посылкою на западъ подобныхъ посланій; чувство гордости и сознанія собственнаго достоинства не позволяло имъ приводить содержаніе грамотъ, посланныхъ Алексѣемъ Комнинымъ въ 1091 году. И вообще, обращеніе визан-

тійской имперіи за помощьюъ къ латинскому западу всегда знаменовало крайній упадокъ нравственныхъ силъ въ Константинополь и было выраженіемъ самаго безпомощнаго состоянія. Положеніе императора Алексѣя Комнина въ зиму 1090—91 года можетъ быть сравниваемо развѣ съ послѣдними годами имперіи, когда османскіе турки окружили Константинополь со всѣхъ сторонъ и отрѣзали его отъ внѣшнихъ сношеній.

Но только въ области дипломатической замѣчается склонность безусловно отдать себя въ распоряженіе латинствующаго запада: заведена была рѣчь о церковномъ раздѣленіи востока и запада, о мѣрахъ къ соединенію двухъ церквей. Пересылка посольствами по церковнымъ вопросамъ началась съ 1089 г.; что папа считалъ возможнымъ дружеское разрѣшеніе этихъ вопросовъ, свидѣтельствуется уже освобожденіемъ императора Алексѣя Комнина отъ церковнаго отлученія, которое лежало на немъ, какъ на схизматикѣ. Къ тому же времени (1091 г.) относится происхожденіе сочиненія Болгарскаго архіепископа Теофилакта о заблужденіяхъ латинянъ. Оно написано въ весьма миролюбивомъ духѣ и приводитъ къ заключенію, что ошибки латинянъ были не такъ многочисленны, чтобы считать неизбѣжнымъ раздѣленіе церквей. Перечисливъ обыкновенныя отступленія западной церкви: опрѣсноки, постъ субботній и безбрачіе духовенства, онъ говоритъ, что одни изъ нихъ не заслуживаютъ вниманія, другія нуждаются въ умѣренномъ исправленіи. Только одинъ вопросъ не допускаетъ никакой уступки—о прибавкѣ въ символѣ. Латиняне, продолжаетъ онъ, могутъ сослаться на скудость своего языка, и имъ можетъ быть предоставлено право пользоваться своимъ способомъ выраженій въ бесѣдахъ и церковныхъ поученіяхъ, но въ символѣ не должна быть допущена никакая неясность, никакое прибавленіе. Если такимъ образомъ западные и восточные богословы могли-бы согласиться между собой въ вопросѣ о догматѣ, тогда греческой церкви, говоритъ Теофилактъ, слѣдовало-бы сообразоваться съ примѣромъ ап. Павла, который для сущихъ подъ закономъ самъ являлся подзаконнымъ и участвовалъ въ жертвахъ очищенія. Такимъ образомъ, и въ церковномъ вопросѣ Византія склонна была въ это время къ уступкамъ. Если не состоялся тогда такъ желанный обѣ-

ими сторонами соборъ, это произошло отъ совершенно постороннихъ обстоятельствъ, и между прочимъ отъ того, что самому папѣ Урбану II угрожало низверженіе съ римскаго престола (антипапа Климентъ III).

Между тѣмъ воззваніе Алексѣя Комнина на Западъ должно было произвести сильное движеніе. Не безъ причины, конечно, первый крестовый походъ составилъ по преимуществу изъ владѣтельныхъ князей и рыцарей Франціи. Робертъ Фризъ, къ которому между прочимъ адресовано письмо Алексѣя Комнина, былъ авторитетнымъ глашатаемъ перваго похода именно въ средѣ высшихъ классовъ; при томъ и посланіе императора Алексѣя совершенно ясно и опредѣленно ставило вопросъ о цѣли похода, т. е. именно такъ, что могло возбуждать самыя заманчивыя надежды феодальныхъ рыцарей: берите имперію и Константинополь, богатствъ найдете вы много; пусть все будетъ ваше, лишь бы не доставалось печенѣгамъ и туркамъ. Гробъ-же Господень и Иерусалимъ, оскверняемый невѣрными, былъ достаточнымъ знаменемъ для вѣрующихъ въ простотѣ сердца, среди которыхъ дѣйствовали другіе проповѣдники, между которыми особенною извѣстностью пользовался Петръ Пустынникъ. Не забудемъ и того, что въ первомъ походѣ участвуютъ сынъ Роберта Фриза и два его племянника, также не мало близкихъ родственниковъ. Первый крестовый походъ такимъ образомъ состоялся бы и помимо папы и имѣлъ бы тогда совершенно иное значеніе и нѣсколько другія цѣли. Но въ октябрѣ 1093 года умеръ Робертъ Фризъ, чѣмъ нѣсколько замедлился ходъ начавшагося въ рыцарствѣ движенія. Въ латинскихъ лѣтописяхъ того времени сохранились нѣкоторыя указанія, что уже въ 1092 г. были рѣчи о крестовомъ походѣ, было движеніе умовъ въ этомъ направленіи.

Пока на Западѣ происходили переговоры и составлялись соображенія, скорому осуществленію которыхъ помѣшала смерть Роберта Фриза,—императоръ Алексѣй Комнинъ не только успѣлъ пережить мучительныя минуты отчаянія, внушившія ему малодушное посланіе, но и устранить опасность, которая угрожала его имперіи. На весну 1091 г. Чаха приготовлялъ высадку въ Галлиполи, сюда же потянулась печенѣжская орда. Но его отвлекли отъ своевременнаго прибытія къ мѣсту сбора Греческія морскія силы, а потомъ онъ

былъ убитъ никейскимъ султаномъ. 40 тысячъ половцевъ подъ предводительствомъ Тугоркана и Боняка и отрядъ русскаго князя Василька Ростиславича содѣйствовали тому, что печенѣги были уничтожены 29-го апрѣля 1091 года. Половецкіе предводители Тугорканъ и Бонякъ оказали громадную услугу Византіи. Печенѣжская орда была ими уничтожена, остатки ея не могли уже возбуждать опасеній, напротивъ, въ качествѣ легкихъ развѣдочныхъ отрядовъ, они съ пользою служили въ византійскомъ войскѣ. Не будь на службѣ императора этихъ печенѣжскихъ конниковъ, ему не такъ легко было бы тревожить крестоносные отряды неожиданными нападеніями, заставляя ихъ держаться въ тѣсномъ строѣ и не расходиться по окрестностямъ для грабежа мирнаго населенія. Съ побѣдой надъ печенѣгами Алексѣю перестала угрожать опасность соединенія азіатскихъ и европейскихъ турокъ (печенѣги и турки-сельджуки—одного происхожденія); раздробленные и враждующія между собой малоазіатскія княжества турокъ-сельджуковъ были для Алексѣя совсѣмъ не такъ опасны, какъ норманское нашествіе, какъ набѣгъ печенѣжскій, или какъ остроумный и дальновидный замыселъ пирата Чахи. Но къ 1092 году Алексѣй былъ уже свободенъ отъ томительнаго страха за судьбу имперіи, а на Западѣ только еще знакомился съ содержаніемъ его посланія и собирались въ походъ, который имѣлъ опредѣленную цѣль—спасти византійскую имперію отъ печенѣговъ и сельджуковъ. Здѣсь конечно слѣдуетъ искать причину къ объясненію взаимныхъ недоразумѣній и горькихъ обвиненій, которыя направлялись крестоносцами противъ византійцевъ и наоборотъ. Къ крайнему изумленію крестоносцевъ, печенѣги и турки оказывались на службѣ императора и всего чувствительнѣе вредили имъ быстрыми набѣгами; византійскій императоръ не только не сдавалъ имъ города и не унижался, но еще требовалъ себѣ ленной присяги и договаривался о городахъ, которые крестоносцы завоюютъ у турокъ. Но нужно помнить, что не меньше изумлены были движеніемъ крестоноснаго ополченія и византійцы: они утверждаютъ, что это движеніе на востокъ не вызвано было просьбами ихъ, а произошло самостоятельно и угрожало пагубными послѣдствіями для греческой имперіи.

ГЛАВА II.

Первый крестовый походъ.

Движеніе въ пользу крестовыхъ походовъ было уже довольно замѣтное въ рыцарскихъ замкахъ и въ деревняхъ, когда въ немъ принялъ непосредственное участіе папа Урбанъ II. Можно даже думать, что первый крестовый походъ осуществился бы и безъ знаменитой Клермонской рѣчи, какъ это показываетъ ходъ событій. Въ мартѣ 1095 года папа Урбанъ II присутствовалъ на соборѣ въ Пiacенцѣ, гдѣ рѣшались вопросы церковнаго благочинія—о строгости монашеской жизни, о мирѣ Божьемъ и проч. и гдѣ церковный авторитетъ обнаружился въ нѣкоторыхъ мѣрахъ по отношенію къ германскому императору и французскому королю. Говорятъ, что въ концѣ собранія была высказана мысль о крестовомъ походѣ. Лѣтомъ того же года папа былъ въ южной Франціи, 18 ноября состоялся соборъ въ Клермонѣ. Дѣйствія этого собора далеко не отличаются характеромъ военныхъ рѣшеній, напротивъ ограничиваются церковной сферой. Здѣсь снова выдвинуты были церковные вопросы: о прекращеніи феды, о мирѣ Божьемъ, произнесено отлученіе отъ церкви короля Филиппа. Въ концѣ засѣданія папа произнесъ ту рѣчь, съ которой обыкновенно начинаютъ исторію перваго крестоваго похода. Но о содержаніи этой рѣчи, сказанной подъ открытымъ небомъ, ибо огромное стеченіе народа не могло помѣститься ни въ одномъ городскомъ зданіи, нельзя составить точнаго представленія. Правда, рѣчь эта передана тремя писателями перваго похода, которые сами присутствовали на соборѣ и были свидѣтелями всего происходившаго, но содержаніе рѣчи у всѣхъ передано по памяти, съ значительными личными вставками и такими отличіями въ изложеніи, которыя спо-

собны внушить мысль, что всё они передають не одну мысль, а разныя. Само собой разумѣется, если бы рѣчь Урбана II имѣла дѣйствительно официальное значеніе, то она должна бы была сохраниться въ какомъ нибудь актѣ, а не въ случайномъ изложеніи писателей. Точно также и по отношенію къ организаціи крестоваго похода роль Урбана II сводится къ самымъ незначительнымъ иѣропріятіямъ. Правда, онъ обѣщалъ принять подъ защиту церкви имущество тѣхъ, кто отправится въ крестовый походъ, возобновилъ распоряженіе о прекращеніи внутреннихъ войнъ, поручилъ епископу Адемару произнести отпущеніе грѣховъ для всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, но этимъ въ сущности и ограничивалось участіе папы въ дѣлѣ такой важности для всего европейскаго человѣчества, какъ организація крестоваго похода. Нужно было имѣть мало политическаго такта и совсѣмъ не понимать готовящихся событій, чтобы оставаться до такой степени безучастнымъ къ организаціи и направлению похода, въ которомъ за отсутствіемъ церковнаго руководства должны были получить мѣсто несогласныя съ интересами церкви вліянія.

Если такимъ образомъ папѣ Урбану и его клермонской рѣчи нельзя приписывать рѣшительнаго значенія въ дѣлѣ перваго крестоваго похода, то остается рассмотреть составные элементы, изъ которыхъ составилаь крестоносная армія и въ нихъ поискать разгадки движенія.

Въ первомъ крестовомъ походѣ прежде всего выступаетъ на первый планъ народное движеніе, оно шло впереди и по всей вѣроятности вызвало движеніе высшихъ классовъ. Во главѣ воодушевленныхъ проповѣдниковъ, неотразимо дѣйствовавшихъ на простой народъ, преданіе ставитъ Петра Пустынника или Амьенскаго. Теперь уже доказано, что сага о Петрѣ Амьенскомъ не имѣетъ фактической достовѣрности, ибо стало извѣстно, что онъ не былъ въ Іерусалимѣ и что рассказъ объ его видѣніи въ храмѣ Гроба Господня есть позднѣйшій вымыселъ. Тѣмъ не менѣе, участіе Петра и подобныхъ ему лицъ, краснорѣчиво обращававшихся къ массамъ простого народа съ проповѣдью о борьбѣ съ невѣрными, болѣе всего содѣйствовало тому, что идея крестоваго похода стала популярной въ народныхъ массахъ.

Петръ пустынный проповѣдовалъ о походѣ въ сѣверной Франціи; вокругъ него собралось множество народа съ полнымъ довѣріемъ къ нему, какъ пророку Божію. Въ то же время нѣкто Вальтеръ изъ рыцарскаго сословія собралъ массы народа въ другихъ мѣстахъ. Къ концу зимы онъ уже имѣлъ до 15.000. Готшалкъ сначала ведетъ дѣло вмѣстѣ съ Петромъ, потомъ отдѣляется отъ него и самъ собираетъ огромную толпу изъ франковъ, швабовъ и лотарингцевъ. Проходя Германіей, эти толпы нападали на сельскихъ жителей, производили грабежъ и вообще не хотѣли соблюдать приказаній своихъ мало уважаемыхъ вождей. Въ прирейнскихъ городахъ Триръ, Майнцъ, Шпейеръ и Вормсъ толпы крестоносцевъ напали на евреевъ, многихъ перебили и разграбили ихъ имущество. Означенные вожди и сподвижники ихъ, выступившіе въ походъ весной 1096 году, стояли во главѣ хотя и многочисленнаго, но самаго жалкаго сброда, къ которому приставали преступники, бѣглецы крестьяне и не ужившіеся въ монастыряхъ монахи. Эти первыя крестоносныя толпы не имѣли съ собою ни запасовъ, ни обоза, не признавали никакой дисциплины и позволяли себѣ невообразимыя насилія на пути, оставляя по себѣ самую дурную память. Съ подобными нестройными массами въ первый разъ знакомятся греки и турки-сельджуки и по нимъ составляютъ понятіе о дѣляхъ, средствахъ и силахъ крестоносцевъ.

Когда крестоносное ополченіе приблизилось къ границамъ Венгріи тамъ уже знали, съ кѣмъ приходится имѣть дѣло, и приняли мѣры предосторожности. Король Каломанъ стоялъ съ войскомъ на границѣ и поджидалъ крестоносцевъ. Онъ соглашался не только пропустить ихъ, но и снабдить съѣстными припасами, если они не будутъ позволять себѣ насилій и безпорядковъ. Первая толпа, пришедшая въ Венгрію, имѣла во главѣ Готшалка. Здѣсь услышала она, что другой отрядъ, предводимый графомъ Эмикономъ Лейнингенъ, былъ почти весь уничтоженъ въ Чехіи княземъ Брячиславомъ. Тогда ополченіе Готшалка, считая своимъ долгомъ отомстить за своихъ собратьевъ, начало опустошать страну, по которой оно проходило. Каломанъ напалъ на крестоносцевъ и однимъ дѣломъ рѣшилъ участь всего отряда. Позже этой же дорогой идутъ

толпы, предводимыя Петромъ и Вальтеромъ. Наученныя опытомъ, онѣ прошли черезъ Венгрію въ должномъ порядкѣ и безъ особенныхъ приключеній. Но на границѣ Болгаріи ждалъ ихъ враждебный пріемъ. Петръ проходилъ Болгаріей какъ непріятельской землей и весьма ослабленный добрался до границъ византійской имперіи. Численность крестоносцевъ, послѣ всѣхъ потерь, доходила до 180.000.

Когда ополченіе Петра достигло границы Византійской имперіи, царь Алексѣй Комнинъ послалъ на встрѣчу ему пословъ и обѣщалъ снабжать Петра всѣми продовольственными средствами, если онъ безъ замедленія поспѣшитъ къ Константинополю. На мѣстахъ остановокъ крестоносцы дѣйствительно находили припасы, и греческое населеніе относилось къ нимъ съ довѣрчивостью и не разбѣгалось при появленіи ихъ. Только два дня Петръ остановился въ Адрианополѣ и перваго августа 1096 года прибылъ къ столицѣ. Здѣсь присоединились къ нему остатки отряда Вальтера, императорскіе чиновники указали имъ мѣсто остановки и расположенія. Императоръ отнесся къ этой крестоносной толпѣ со всюю гуманностью и состраданіемъ. Онъ уговаривалъ Петра переждать на европейскомъ берегу пролива, пока подойдутъ рыцарскіе отряды, ибо плохо вооруженная толпа, каково было почти 200 тысячное войско Петра, не въ состояніи вести дѣла съ турками. Призвавъ къ себѣ Петра и разспросивъ его, императоръ понялъ, что онъ имѣетъ дѣло съ мечтателемъ, совсѣмъ не знакомымъ съ принятыми имъ на себя обязанностями предводителя. Алексѣй выразилъ однако полное расположеніе къ Петру, сдѣлалъ ему подарокъ, приказалъ раздать деньги и припасы его отряду и просилъ лишь наблюдать порядокъ и не допускать насильственныхъ дѣйствій. Крестоносцы бродили по городу, удивлялись роскоши и богатствамъ; бѣднякамъ нельзя было брать на деньги всего, что имъ нравилось, они начали брать силой. Послѣдовали неизбежныя столкновенія съ полиціей, пожары и опустошенія. Благочестивые крестоносцы стали жаловаться, что ихъ удерживаютъ противъ воли на европейскомъ берегу и не позволяютъ вступить въ борьбу съ врагами креста Христова. Что оставалось дѣлать византійскому правительству? Не безъ удо-

волестьи оно вняло ропоту толпы и дало ей возможность переправиться на азіатскій берегъ. Здѣсь при Еленополѣ, на сѣверо-западѣ отъ Никеи, крестоносцы расположились лагеремъ. На непріятельской землѣ, въ виду турокъ-сельджуковъ, владѣнія которыхъ простирались тогда почти до самаго берега моря, крестоносцамъ нужно было держаться со всею осторожностью и въ полномъ подчиненіи одному вождю. Но Петръ не сумѣлъ сохранить своего вліянія: толпы распозались по окрестностямъ, грабили селенія и опустошали страну, одной удалось даже близъ Никеи одержать верхъ надъ турецкимъ отрядомъ. Съ киченіемъ и самонадѣянностью удалцы рассказывали въ лагерѣ о своихъ подвигахъ: составилаь другая толпа охотниковъ, пожелавшая повторить набѣгъ. Все это дѣлалось помимо Петра пустынноика, противъ его совѣтовъ и предостереженій. Съ огорченіемъ оставилъ онъ лагерь крестоносцевъ и возвратился въ Константинополь поджидать рыцарскихъ ополченій. Затѣмъ все крестоносное войско постигла самая жалкая участь. Между тѣмъ какъ толпа охотниковъ, запертая въ одномъ укрѣпленіи, была уничтожена турками, въ Еленопольскомъ лагерѣ распушенъ былъ ложный слухъ, что Никея взята крестоносцами. Всѣ пожелали участвовать въ добычѣ и шумно, безъ всякаго порядка, снялись съ лагеря. Путь лежалъ по гористой мѣстности, которую заняли турки. Нестройная и безпорядочная толпа крестоносцевъ перебита была въ одинъ день, немногіе спаслись бѣгствомъ къ Босфору и перевезены на греческихъ лодкахъ въ Константинополь. Это было въ первыхъ числахъ октября 1096 г.

Разсказанныя событія составляютъ введеніе въ первый крестовый походъ. Большинство участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ были люди, которые не возвышались до политическихъ цѣлей и соображеній, и дѣйствовали только подъ вліяніемъ фанатическаго чувства: насилія и убійства, совершенныя ими въ тѣхъ странахъ, чрезъ которыя они только проходили, стремясь къ своей цѣли—въ Венгрію, Болгарію и Константинополь, казались имъ вполне благочестивыми подвигами, прямо относившимися къ дѣлу. Несчастныи опытъ, сдѣланный первыми крестоносцами, послужилъ урокомъ для послѣдующихъ крестоносныхъ войскъ. Какъ венгры, болгары, такъ

и сами греки стали недоувѣрчиво относиться къ дѣйствию крестоносцевъ и ихъ цѣлямъ; по первымъ толпамъ они судили вообще о всѣхъ крестоносцахъ. Но кромѣ этого обстоятельства весьма невыгодно отозвалось на крестоносцахъ и то, что несчастный исходъ октябрьской катастрофы, уничтоживъ сотни тысячъ крестоносцевъ, вслабилъ увѣренность въ турокъ. Какъ у грековъ, такъ и у турокъ возникли новые планы относительно крестоносцевъ.

Событія 1096 г. должны были ускорить движеніе рыцарей. Проповѣдь о крестовомъ походѣ нашла приверженцевъ и среди высшихъ слоевъ общества; но она не коснулась тѣхъ лицъ, которыя могли направить движеніе по одному плану и къ одной цѣли. Ни французскій, ни англійскій, ни нѣмецкій короли не могли принять и не приняли участія въ этомъ движеніи. Это объясняется тѣмъ, что, какъ король французскій, такъ и германскій императоръ стояли въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ римскому престолу. Филиппъ I, король французскій, навлекъ на себя гнѣвъ св. престола своимъ бракоразводнымъ дѣломъ. Германскій король Генрихъ IV находился въ самомъ критическомъ положеніи; онъ вовлеченъ былъ въ трудную и опасную борьбу за инвеституру и готовился въ это время смирить съ себя поворъ каносскаго свиданія. Но не принимая личнаго участія, никто изъ нихъ не могъ и остановить начавшагося движенія. Среднее и высшее сословія—рыцари, бароны, графы, герцоги—были увлечены сильнымъ движеніемъ низшихъ классовъ, къ которымъ пристали также и города, и не могли не поддаться общему теченію. Видя массы народа, которыя безъ оружія, безъ провизіи стремились въ неизвѣстныя земли на неизвѣстное рискованное предпріятіе, военные люди считали безчестнымъ оставаться спокойными на своихъ мѣстахъ.

Лѣтомъ 1096 г. начинается движеніе графовъ, герцоговъ и князей. Въ срединѣ августа снаряжается въ походъ Готфридъ Бульонскій, герцогъ Нижнелотарингскій (племянникъ Готфрида Борода-таго, который въ борьбѣ за инвеституру былъ рѣшительнымъ врагомъ Григорія VII). Готфридъ Бульонскій имѣлъ качества феодальнаго государя, который хотѣлъ провести въ своихъ владѣніяхъ мѣры, противоположныя интересамъ св. престола, и далеко не сочув-

ствовавъ недавней побѣдѣ папства надъ свѣтской властью. Но какъ скоро Готфридъ Бульонскій принялъ участіе въ крестоносномъ движеніи, народная сага придала ему церковный характеръ. Въ этомъ обликѣ для историка трудно отличить настоящаго Готфрида, отдѣлить дѣйствительность отъ фантазіи, истину отъ вымысла. По позднѣйшимъ преданіямъ, свой родъ Готфридъ ведетъ отъ Карла Великаго. Онъ находится въ прямой связи съ папами, онъ ихъ помощникъ и слуга, онъ строитъ, обогащаетъ церкви... Но если отнять отъ Готфрида весь фантастическій элементъ, то онъ представляется намъ въ высшей степени не симпатичнымъ, не идеальнымъ. Онъ желаетъ на востокъ вознаградить себя за тѣ потери, которыя онъ понесъ въ собственныхъ владѣніяхъ. Чтобы имѣть средства для похода, онъ заложилъ свои владѣнія епископу Лютиха и Вердюна. Получивъ за это значительную сумму денегъ, онъ собралъ вокругъ себя многочисленный отрядъ (до 70 тыс.) изъ хорошо вооруженныхъ рыцарей и снабдилъ его провіантомъ и всѣмъ необходимымъ для дальняго похода.

Къ нему пристають его братья Евстаѣій и Балдуинъ, впоследствии король іерусалимскій. Готфридъ не былъ главнымъ начальникомъ всего похода, но во многихъ случаяхъ князья и бароны спрашивали его совѣта и руководились его мнѣніями. Онъ держалъ путь къ Константинополю черезъ Венгрію и Болгарію, т. е. шелъ тою же дорогою, что и ополченіе Петра, Вальтера и другихъ.

Наслѣдственные земли тогдашней французской короны выставили отрядъ подъ предводительствомъ брата короля, Гуго графа Вермандау. Это былъ еще молодой человѣкъ, гордый своимъ происхожденіемъ и рыцарской славой, тщеславный и пустой, по свидѣтельству Анны Комнинной. Походъ былъ для него лишь средствомъ искать славы и новыхъ владѣній. Онъ спѣшилъ возможно скорѣе добраться до Константинополя и предпринялъ путь чрезъ Италію, чтобы отсюда переѣхать моремъ въ Византію. Поспѣшность много повредила ему; онъ дѣйствительно первымъ попалъ въ Константинополь, но въ печальномъ положеніи: буря прибила его судно къ берегу, и онъ долженъ былъ безъ особенныхъ почестей отправиться въ Константинополь по приглашенію императорскихъ чиновниковъ.

На сѣверѣ Франціи составилось два ополченія: Герцогъ Нормандіи Робертъ, сынъ Вильгельма Завоевателя, и братъ тогдашняго англійскаго короля Вильгельма Рыжаго предпринялъ походъ уже совсѣмъ не изъ религіозныхъ побужденій. Въ своемъ герцогствѣ онъ пользовался весьма ограниченной властью и располагалъ малыми доходами. Большая часть городовъ Нормандіи принадлежала англійскому королю; бароны не оказывали повиновенія своему герцогу. Для Роберта походъ въ Св. землю казался единственнымъ средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя въ Нормандіи. Заложивъ англійскому королю свое герцогство, Робертъ получилъ необходимую для предпріятія сумму и собралъ вокругъ себя рыцарей Нормандіи и Англійи. Другое ополченіе собралось во Фландріи подъ предводительствомъ Роберта Фриза, сына известнаго графа того-же имени, пилигрима въ Св. землю, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ съ царемъ Алексѣемъ Комниномъ.

Всѣ три ополченія сѣверной и средней Франціи направились черезъ Италію, гдѣ папа Урбанъ благословилъ ихъ предпріятіе, причемъ Гуго Вермандуа получилъ изъ рукъ римскаго епископа священную хоругвь.

Изъ южной Франціи составилось ополченіе подъ главенствомъ Раймунда, графа тулузскаго. Онъ уже ранѣе прославился въ войнахъ съ арабами и обладалъ всѣми качествами народнаго вождя. Стотысячный отрядъ и строгая дисциплина снискали уваженіе графу тулузскому въ Греціи и въ Азіи. Онъ шелъ черезъ Альпы къ Фріулу и потомъ берегомъ Адриатическаго моря черезъ Далмацію. Графъ Раймундъ С. Жиль играетъ странную роль среди другихъ предводителей крестоноснаго ополченія. Въ немъ мало энгеріи, мало предпримчивости; онъ какъ бы самъ упускалъ изъ рукъ свое главенство и отдавалъ его другимъ.

Французскіе крестоносцы, избравшіе путь чрезъ Италію, не успѣли всѣ переправиться въ Византію до наступленія зимы. Часть ихъ зимовала въ Италіи. Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать движеніе, появившееся въ южной Италіи въ началѣ 1097 года. Князь тарентскій Боэмундъ, сынъ Роберта Гвискара, владѣлъ малень-

кимъ княжествомъ, далеко не удовлетворившимъ его честолюбію и не соответствовавшимъ его военной славѣ. Онъ вошелъ въ переговоры съ оставшимися въ южной Италіи толпами крестоносцевъ и убѣдилъ ихъ примкнуть къ нему и подъ его начальствомъ начать походъ. Значеніе Боэмунда тарентскаго усилилось особенно тѣмъ, что съ нимъ соединился для похода племянникъ его Танкредъ, замѣчательнѣйшее лицо перваго похода. Южно-итальянскіе норманны, самые опасные враги Византіи, не одинъ разъ уже считавшіеся съ ней изъ-за обладанія Далмаціей, вносили, въ лицѣ своихъ предводителейъ Боэмунда и Танкреда, новый элементъ въ крестоносное движеніе—политическіе счеты и вражду къ Византіи. Силы норманновъ могли равняться по качеству съ силами французскихъ рыцарей. Но предводители ихъ были кромѣ того чрезвычайно коварны и корыстолюбивы. Въ особенности Танкредъ не могъ переносить совѣстливости, держался во всемъ походѣ недоувѣрчиво и не хотѣлъ подчиняться выгодамъ общей пользы. Зимой 1096 года норманны заняты были общимъ дѣломъ—войной съ Амальфи. Боэмундъ воспользовался случаемъ, сосредоточившимъ въ одной мѣстности норманнскихъ рыцарей, и убѣдилъ ихъ, что лучше искать счастья въ отдаленныхъ земляхъ, чѣмъ терять время въ осадѣ Амальфи. Такъ сталъ князь Боэмундъ во главѣ южно-итальянскихъ и сицилійскихъ норманновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ первый крестовый походъ вносился элементъ политическихъ счетовъ съ Византією. Всѣ перечисленные отряды преслѣдовали совершенно самостоятельныя задачи. Общаго плана дѣйствія и главнокомандующаго не было. Даже части отрядовъ и отдѣльные рыцари нерѣдко переходили отъ одного вождя къ другому.

Въ Константинополѣ благовременно получались свѣдѣнія о движеніи князей, о числѣ ихъ войска и направленіи, какого держались они на пути въ Азію. Само собой разумѣется, точныхъ извѣстій не могло быть: доносили, что крестоносцевъ болѣе, чѣмъ звѣздъ на небѣ и песку на берегу моря, подозрѣвали у нѣкоторыхъ вождей враждебныя намѣренія относительно самой столицы Византійской имперіи. Царевна Анна Комнина такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное крестоноснымъ движеніемъ: „разнеслась вѣсть о пашествѣи безчисленныхъ франкскихъ ополченій. Императоръ испугался, ибо

зналъ, каковъ былъ этотъ народъ—неудержимый въ порывахъ, невѣрный данному слову, измѣнчивый. Не безъ основанія, предвидя важныя затрудненія, онъ принялъ свои мѣры, чтобы быть готовымъ встрѣтить вождей крестоноснаго ополченія⁴.

Византійское правительство упрекаютъ въ томъ, что оно своимъ недоувѣремъ и интригами парализовало дѣйствія крестоносцевъ и одно должно нести отвѣтственность въ неуспѣшности всего предпріятія. Вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ въ вождями перваго похода идти противъ турокъ-селджуковъ, императоръ Алексѣй, говорятъ, довелъ до крайнихъ предѣловъ подозрительности и думалъ извлечь личные выгоды изъ крестоваго похода. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть возможность судить о взаимныхъ отношеніяхъ византійскаго правительства и вождей крестоваго похода; теперь же замѣтимъ, что византійцы и крестоносцы иначе понимали весь ходъ отношеній, изъ чего возникали крупныя недоразумѣнія и промахи со стороны тѣхъ и другихъ. На первыхъ порахъ Алексѣй остановился на мысли—пользуясь разобщеніемъ вождей и отсутствіемъ между ними такого руководителя, который бы заправлялъ всѣмъ походомъ—не допустить, чтобы всѣ отряды въ одно и то же время собрались около Константинополя; наблюдать особо за каждымъ вождемъ, какъ скоро явится онъ въ предѣлахъ Византіи, и стараться по возможности скорѣе переправить его на азіатскій берегъ. Знакомясь отдѣльно со свойствами и характеромъ cadaго предводителя, Алексѣй вступилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ пріязнь и завязалъ дружбу, вслѣдствіе чего долженъ былъ измѣниться и взглядъ его на походъ. Тогда открылась возможность поставить вопросъ, что всѣ завоеванія, которыя имѣютъ сдѣлать крестоносцы у турокъ, переходили къ византійскому императору и чтобы вожди предварительно дали къ этому присягу.

Первымъ, съ которымъ познакомился Алексѣй, былъ Гуго, графъ Вермандуа. Еще изъ Италіи онъ отправилъ къ императору два письма, извѣщая о своемъ рѣшеніи принять крестъ и о томъ, что высадится на византійскую землю въ Драчъ (Dyrrachium-Epidaurus). На основаніи этихъ писемъ въ Константинополь сдѣланы были соотвѣтствующія распоряженія. Мѣстныя власти получили приказаніе сейчасъ-же по прибытіи Гуго дать объ этомъ знать въ сто-

лицу и стараться безъ всякой медлительности препроводить его далѣе. Нѣсколько судовъ греческаго флота крейсировало около берега и наблюдало, когда придетъ Гуго. На бѣду, Гуго не могъ встрѣтить торжественнаго приѣма: буря выбросила его корабль на берегъ, византійская береговая стража нашла его въ жалкомъ положеніи. Сообразно полученнымъ приказаніямъ, Гуго препроводили въ Константинополь, гдѣ императоръ устроилъ ему почетную встрѣчу. Это было вскорѣ за пораженіемъ турками первой крестоносной толпы подъ Никеей, приблизительно въ декабрѣ 1096 года. Императоръ былъ къ нему весьма любезенъ, оказывалъ ему почетъ и вниманіе и безъ особенной борьбы убѣждалъ его дать вассальную присягу. За Гуго слѣдили и доносили императору обо всемъ, что онъ дѣлалъ и съ кѣмъ говорилъ; на Западѣ изъ этого распространилась молва, что Гуго находится въ плѣну и что императоръ вынуждалъ его дать ленную присягу.

Готфридъ, герцогъ нижне-лотарингскій, былъ уже въ византійскихъ предѣлахъ, когда узналъ, что сдѣлалось съ Гуго и какъ онъ далъ византійскому царю присягу на вѣрность. Онъ отправилъ изъ Филиппополя посольство въ Константинополь, требуя, чтобы Гуго дана была свобода, затѣмъ началъ опустошать область, по которой проходило его войско. За день до Рождества Готфридъ былъ уже подъ самымъ Константинополемъ. Императоръ Алексѣй просилъ его къ себѣ для переговоровъ; но Готфридъ боялся западни и не хотѣлъ войти въ столицу. Однако-же крестоносцамъ отведено было мѣсто для стоянки, такъ какъ Готфридъ желалъ дожидаться подъ Константинополемъ другихъ вождей. Алексѣю не хотѣлось имѣть въ герцогѣ лотарингскомъ врага себѣ и потому онъ употреблялъ всѣ мѣры предупредительности, чтобы вызвать его на личное свиданіе. Особенно, когда весной 1097 года стали подходить къ столицѣ остальные вожди, для византійскаго правительства были совершенно основательныя причины бояться единодушнаго нападенія ихъ на столицу. Пересылаясь посольствами съ Готфридомъ, Алексѣй оцѣпилъ его лагерь печенѣжскими и славянскими наѣздниками съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ изолировать его отъ сношеній съ вновь прибывавшими вождями. Между этими послѣдними особенныя опасенія воз-

буждалъ Боэмундъ, князь тарентскій. Алексѣй хорошо зналъ этого вождя по предъидущимъ войнамъ съ Робертомъ Гвискаромъ. Воззрѣніи на норманновъ у византійскихъ писателей выражаются такъ: „Боэмундъ имѣлъ старую вражду съ императоромъ и таилъ въ себѣ злобу за пораженіе, нанесенное ему подъ Лариссой; общимъ движеніемъ на востокъ онъ воспользовался съ тѣмъ, чтобы отомстить императору и отнять у него власть. Прочіе графы и по преимуществу Боэмундъ только для вида говорили о походѣ въ Іерусалимъ, на самомъ-же дѣлѣ имѣли намѣреніе завоевать имперію и овладѣть Константинополемъ“. Можно догадываться, въ какомъ тревожномъ состояніи было Византійское правительство, когда Готфридъ не подавалъ надежды на примиреніе, а Боэмундъ приближался къ Константинополю. Однако всю зиму Алексѣй честно выполнялъ свои обязательства, своевременно доставляя припасы и предупреждая столкновенія. 3-го апрѣля 1097 Алексѣй рѣшился понудить силой герцога Готфрида на уступки. Правда, соображенія византійскаго императора были весьма не гуманны, и византійцы первые начали дѣлать нападенія на отдѣлявшихся изъ лагеря крестоносцевъ. Алексѣй думалъ, что герцогъ не рѣшится на борьбу съ нимъ, что запертый съ одной стороны моремъ, а съ другой—цѣпью византійскаго войска, онъ пойметъ всю невыгоду своего положенія и согласится дать требуемую присягу. Но эти расчеты не оправдались: Готфридъ поднялъ весь лагерь и прорвался черезъ цѣпь византійскихъ войскъ. Къ вечеру того-же дня крестоносцы подступили къ стѣнамъ города. Большой опасности лотарингцы не могли внушать императору, но ему и то уже было непріятно, что дѣло зашло такъ далеко, что расчеты его оказались ложны. Къ тому-же получено было извѣстіе о приближеніи Боэмунда и желаніи его вступить съ императоромъ въ переговоры. И было чего опасаться: узнавъ Боэмундъ о раздорѣ между императоромъ и герцогомъ, тогда соединились-бы норманны и лотарингцы и дали ему весьма чувствительный урокъ. Алексѣй сдѣлалъ попытку повидаться съ Готфридомъ и поручилъ вести переговоры объ этомъ графу Гуго. Но герцогъ сурово обошелся съ Гуго и колько замѣтилъ ему: ты, сынъ королевскій, ставши рабомъ, хочешь и меня обратить въ

рабы! Не хочу я ни ленной присяги ѣдавать, ни въ Азію переправляться. Тогда императоръ приказалъ] вновь тѣснить крестоносцевъ. Ходъ событій прослѣдить весьма трудно, по послѣдующимъ событіямъ лишь можно заключить, что крестоносцы терпѣли пораженія, и что ни Готфридъ не узналъ о приближеніи норманновъ, ни Боэмундъ—о затруднительномъ положеніи лотарингцевъ. Герцогъ согласился наконецъ принять предложеніе императора о личномъ свиданіи и явился во дворецъ. Императоръ принялъ франкаго герцога сидя, окруженный толпою царедворцевъ. Готфридъ и его свита приблизились къ трону и колѣнопреклоненные цѣловали руку императора. Алексѣй поговорилъ съ каждымъ изъ свиты Готфрида и похвалилъ герцога за его благочестивую ревность, превозносилъ его военную славу. Затѣмъ Готфридъ далъ за себя и своихъ рыцарей ленную присягу, обѣщая возвратить императору всѣ города, которые удастся ему отвоевать у турокъ. Не позже 8 или 10-го апрѣля лотарингское войско переправлено было на азіатскій берегъ Босфора. Прииѣръ лотарингскаго герцога, давшаго Алексѣю ленную присягу, имѣлъ значительное вліяніе на сговорчивость послѣдующихъ вождей, а для императора Алексѣя служило это прецедентомъ—отъ каждаго вождя требовать подобной-же присяги.

Боэмундъ шелъ въ Азію съ другими намѣреніями, чѣмъ герцогъ лотарингскій. Онъ думалъ основать на востокъ независимое владѣніе, причѣмъ онъ рассчитывалъ не на норманскія только силы, но и на помощь императора. Боэмунду такимъ образомъ желательно было прикинуться другомъ Алексѣя, для чего онъ заранѣе готовъ былъ на всѣ уступки. Онъ отдѣлился отъ своего отряда, поручивъ его Танкреду, и поспѣшилъ въ первыхъ числахъ апрѣля къ Константинополю, чтобы переговорить съ императоромъ и войти съ нимъ въ соглашеніе. Переговоры съ Боэмундомъ были не продолжительны: какъ императоръ, такъ и тарентскій князь были лучшіе политики того времени и разсыпались другъ передъ другомъ въ любезностяхъ. Противъ ленной присяги Боэмундъ не нашелъ особенныхъ возраженій и спокойно назвалъ себя вассаломъ императора. Ему отведено было роскошное помѣщеніе въ Константинополѣ, и посылались кушанья съ царскаго стола. Боэмундъ боялся отравы и

отдавалъ приносимыя блюда приближеннымъ; тогда изъ дворца стали доставлять припасы въ сыромъ видѣ. Въ тотъ день, когда Боэмундъ далъ клятву, императоръ показалъ ему одну часть дворца, которая ради этого случая украшена была драгоцѣнностями. Золото и серебро лежало здѣсь кучами. У Боэмунда сорвались слова, при взглядѣ на эти сокровища: „если бы мнѣ владѣть такими богатствами, то давно-бы я повелѣвалъ многимъ землями“. Ему замѣтили, что эти сокровища назначены ему. Разъ Боэмундъ предложилъ императору назначить его великимъ „доместикомъ востока“. Хотя Алексѣй не далъ на это своего согласія, но и не сдѣлалъ рѣзкаго отказа, оставляя Боэмунда въ надеждѣ получить это важное званіе при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Остальные вожди прибыли въ Константинополь по большей части въ маѣ. Робертъ Фландрскій и другой Робертъ Нормандскій дали ленную присягу безъ особенныхъ колебаній. Только графъ тулузскій Раймундъ не уступилъ ни просьбамъ, ни угрозамъ, ни даже военной силѣ. Алексѣй могъ добиться отъ Раймунда только обѣщанія—не предпринимать ничего противъ жизни и чести императора. Всѣ отряды перевозимы были на другую сторону Босфора. Съ конца апрѣля лотарингцы и норманны двинулись къ Никее, другіе отряды пристали къ первымъ уже въ походѣ. Императоръ озаботился доставкой съѣстныхъ припасовъ и обѣщался лично присоединиться къ крестоносцамъ, какъ скоро сдѣлаетъ предварительныя къ тому распоряженія.

Алексѣй могъ находить весьма благопріятными для себя обязательства, какія дала ему большая часть вождей. Во всякомъ случаѣ важнѣйшія затрудненія устранялись, какъ скоро западныя дружины перевезены были въ Азію. Близжайшія сношенія византійцевъ съ латинянами не могли однако склонить ихъ къ взаимному уваженію и довѣрію. Императоръ потребовалъ еще разъ торжественной клятвы отъ крестоносцевъ, когда они уже переправились въ Азію, при чемъ случилось слѣдующее. Одинъ французскій рыцарь, принеши императору ленную присягу, сѣлъ на его тронъ, и императоръ ничего не осмѣлился замѣтить ему, „зная въсокомѣріе латинявъ“. Послѣ того какъ князь Балдуианъ взялъ рыцаря за

руку и указалъ на неприличіе такого поступка, рыцарь воскликнулъ, гнѣвно смотря на императора: „что за грубый человѣкъ, онъ сидитъ, когда столь многіе стоятъ передъ нимъ!“

Въ Малой Азіи крестоносцы должны были каждый почти шагъ брать съ бою. Византійское господство на востокъ, во второй половинѣ XI в., было уничтожено турками—сельджуками, которые сдѣлались повелителями всего магометанскаго и христіанскаго населенія въ Азіи. Широкія полномочія, которыми владѣли намѣстники провинцій, и отсутствіе закона о престолонаслѣдіи были однако причиною, что отдѣльныя части обширнаго султаната распались на независимыя одно отъ другого владѣнія. Для крестоносцевъ было весьма важно то, что иконійскій эмиръ, владѣвшій Малою Азіею, не могъ двинуть противъ нихъ большихъ турецкихъ массъ, такъ какъ стоялъ во враждѣ съ сосѣдними магометанскими владѣніями Сиріи и Арменіи, отъ султана же былъ въ полной независимости. Императоръ Алексѣй Комнинъ, угрожаемый норманнами и печенѣгами, не имѣлъ времени возстановить свою власть на востокъ, хотя внутренніе раздоры и усобицы турокъ не разъ давали ему случай безъ особеннаго напряженія отнять у нихъ по крайней мѣрѣ Малую Азію. Крестоносцамъ пришлось вести дѣло съ эмиромъ Килидж-Арсланомъ, который утвердилъ свою столицу въ Нигеѣ, на востокъ его эмиратъ простирался до рѣки Евфрата. Нужно имѣть въ виду, что магометанскаго населенія, сравнительно съ туземнымъ христіанскимъ, не могло быть много, что симпатіи малоазійскаго населенія всего скорѣе могли быть въ пользу крестоносцевъ, чѣмъ турокъ завоевателей.

Какъ ни искренно было желаніе крестоносцевъ добраться скорѣе до Іерусалима, но прошло два года, пока они прибыли въ Палестину. Событія этихъ двухъ лѣтъ показываютъ, какъ между предводителями различныхъ частей крестоноснаго ополченія развился духъ партій, какъ постепенно измѣнялись стремленія и цѣли предводителей.

Болѣе выдающуюся роль въ крестоносномъ ополченіи играютъ норманны, въ лицѣ ихъ предводителя Боэмунда, герцога тарентскаго, и провансальцы, предводимые Раймундомъ. Причины возвы-

шенія этихъ двухъ вождей среди крестоноснаго ополченія различны для каждаго изъ нихъ. Провансальцы были хорошо вооружены и вообще отличались всеми необходимыми качествами правильно устроеннаго войска. Самъ ихъ предводитель Раймундъ былъ чело-вѣкъ религіознаго направленія и принялъ крестъ, исключительно слѣдуя нравственнымъ влеченіямъ; для религіозныхъ цѣлей онъ готовъ былъ пожертвовать всеми политическими интересами и соображеніями. Совершенно противоположнаго направленія были Боэмундъ и Танкредъ, представители норманнскаго элемента, это были князья, видѣвши въ крестовомъ походѣ средство для достиженія политическихъ цѣлей. Все ихъ стремленія сосредоточивались теперь на Сиріи, гдѣ они хотѣли основать независимое княженіе. Боэмундъ былъ гениальный чело-вѣкъ какъ въ военномъ, такъ и въ полити-ческомъ отношеніи: гдѣ нужно было напряженіе силъ для побѣды надъ сильнѣйшимъ врагомъ, гдѣ нужны были серьезныя соображенія и умно составленные планы дѣйствій, тамъ крестоносные вожди обращались къ уму Боэмунда. Норманны шли впереди всего крестоноснаго ополченія; они первые испытывали натиски турокъ-сельджуковъ, они же первые подступили къ Никеѣ, тогда какъ другіе отряды крестоноснаго ополченія, оставшіеся назади, прибывали постепенно одинъ за другимъ. Мало есть данныхъ, по кото-рымъ можно было-бы судить о численности всего крестоноснаго ополченія. Можно думать, что изъ Константинополя отправилось всего до 300 тыс. военныхъ людей, кромѣ этого, судя по тому устройству войска, которое было въ обычаѣ того времени, нужно предположить, что въ ополченіи было еще около 300 тыс. черно-рабочихъ, женщинъ, дѣтей и другихъ лицъ, приставшихъ доброво-льно къ ополченію; слѣдовательно, численность крестоноснаго ополченія доходила во всякомъ случаѣ до полумилліона.

Обстоятельства, можно сказать, благоприятствовали крестонос-цамъ. Килиджъ-Арсланъ, уничтоживши толпы крестоносцевъ, пред-водимыя Петромъ, Фолькмаромъ и другими, не ожидалъ новой опасности, былъ вдали отъ Никеи, занимался наборомъ новыхъ войскъ. Городъ Никея расположенъ на берегу озера, вокругъ ко-торого возвышаются крутыя горы. Находясь въ выгодныхъ усло-

вѣяхъ, данныхъ самою природою для защиты отъ вѣшняго врага, и будучи окруженъ стѣной, городъ могъ-бы выдержать продолжительную осаду, но городской гарнизонъ былъ малочисленъ и слабъ. Населеніе, окружавшее городъ, было преимущественно христіанское—греки и армяне, которые, естественно, своими симпатіями были на сторонѣ крестоносцевъ. Послѣдніе могли тѣмъ легче приобрести эти симпатіи, что вмѣстѣ съ ними слѣдоваль маленькій греческій отрядъ, предводимый греческимъ-же стратигомъ. Первые подошли къ Никеѣ норманны и лотарингцы. Хотя народная сага выдвинула личность Готфрида Бульонскаго, какъ играющаго первенствующую роль въ дѣлахъ перваго похода, но не ему, не лотарингцамъ принадлежитъ главная заправляющая роль: направленіе дѣламъ даютъ Боэмундъ тарентскій и Раймундъ тулузскій, норманны и провансальцы.

Южная часть города, обращенная къ озеру, была плохо защищена; съ этой именно стороны крестоносцы и должны были начать свои военныя дѣйствія. Такъ какъ крестоносцы подходили къ Никеѣ отдѣльными отрядами, далеко недостаточными для того, чтобы окружить городъ со всѣхъ сторонъ, то они и не могли повести правильной осады. Подойди въ это время къ городу Килиджъ-Арсланъ, онъ могъ-бы нанести крестоносцамъ значительный уронъ, и ихъ ошибка осталась-бы надолго непоправимою. Боэмундъ уговорилъ вождей, не дожидаясь прихода Килиджъ-Арслана, дать сраженіе ему вдали отъ Никеи. Килиджъ-Арсланъ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ удалиться внутрь страны, предоставивъ Никею собственнымъ ея судьбамъ.

Послѣ пораженія Килиджъ-Арслана, крестоносцы воспользовались лодками, доставленными имъ по распоряженію греческаго императора, для военныхъ операцій противъ Никеи, со стороны Асканіева озера. На 18 или 19 іюня 1097 г. былъ назначенъ общій приступъ, которымъ заправляли Боэмундъ тарентскій и Раймундъ тулузскій. Утромъ того же дня ворота города были отворены, и въ городъ вошелъ византійскій отрядъ. Греческій стратигъ, стоя у стѣнъ Никеи, вошелъ во сношенія съ комендантомъ и отъ имени греческаго императора потребовалъ сдачи города. Крестоносцы были возмущены

такимъ ходомъ дѣла. Они рассчитывали на богатую добычу, между тѣмъ представитель греческаго правительства отнялъ у нихъ возможность грабежа. На ихъ заявленія, онъ отвѣтилъ напоминаніемъ о ленной присягѣ, и объяснилъ, что крестоносцы могутъ требовать удовлетворенія отъ царя, и онъ не откажетъ имъ, но что они обязаны исполнить обѣщаніе, скрѣпленное присягой, согласно которой всё отвоєванное у мусульманъ города переходятъ во власть греческаго императора и слѣдовательно не должны подвергаться разграбленію. Князья должны были уступить и еще разъ повторить ленную присягу, отъ которой на этотъ разъ не отказались и самые упорные, какъ напримѣръ Танкредъ. Императоръ съ своей стороны обѣщалъ впоследствии соединиться съ вождями, а въ ожиданіи этого крестоносцамъ сопутствовалъ византійскій уполномоченный Татикій. Истинная цѣль миссіи Татикія выясняется изъ дѣлъ подъ Антиохіей. Повидимому, онъ игралъ роль охранителя интересовъ византійскаго императора. Высшимъ образомъ его миссія мотивировалась тѣмъ, что онъ, какъ представитель греческаго правительства, могъ оказывать большое вліяніе на православное греческое и армянское населеніе страны, и такимъ образомъ крестоносцы, при его помощи, могли пользоваться всѣми тѣми удобствами, какихъ не могли-бы имѣть, еслибы имъ пришлось брать все вооруженной силою. Онъ обязанъ былъ вести крестоносцевъ къ Палестинѣ болѣе краткими и удобными дорогами.

Отъ Никеи путь крестоносцевъ шелъ черезъ Дорилей, Иконіи и Гереклею. Здѣсь они раздѣлились на два отряда: одни направились на югъ, къ Тарсу, другіе пошли на сѣверо-востокъ, чтобы, обойдя Таврскія горы, спуститься къ Антиохіи. Килиджъ-Арсланъ ожидалъ крестоносцевъ при Дорилеѣ, желая преградить дальнѣйшее ихъ движеніе. Впереди крестоноснаго ополченія шелъ Боэмундъ со своимъ отрядомъ. Ему и принадлежитъ честь побѣды надъ Килиджъ-Арсланомъ при Дорилеѣ. Позднѣйшіе писатели рассказываютъ, что Боэмундъ, отчаявшись въ успѣхѣ своего предпріятія при Дорилеѣ, послалъ гонцовъ къ крестоноснымъ вождямъ; гонцы, будто, пришли прямо къ Готфриду; послѣдній, посоветовавшись съ вождями, отправился лично на помощь Боэмунду и выручилъ его изъ бѣды. Но

дознано, что Готфридъ вовсе не участвовалъ въ дѣлѣ при Дорилеѣ; Боэмундъ разбилъ Килиджъ-Арслана, соединившись съ провансальцами. Дѣломъ при Дорилеѣ и заканчивается болѣе сильное сопротивленіе, которое турки оказывали крестоносцамъ; Килиджъ-Арсланъ удалился внутрь страны и ограничивался слабыми нападеніями на отдѣльные отряды крестоносцевъ. Теперь, когда турки оставили незанятыми области, прилегающія къ морю, императору Византійскому представилась полная возможность возстановить свою власть на всемъ побережьи Малой Азіи безъ особенныхъ жертвъ и затрудненій.

Крестоносцы обратили вниманіе на армянъ, которые, естественно, не были довольны магометанскимъ господствомъ. Армяне, ослабленные ударами турокъ-сельджуковъ, долго отстаивали свою независимость; но это удалось только той части ихъ, которые переселились въ Месопотамію, Каппадокію и сѣверо-восточную Сирію, по побережью Средиземнаго моря. Крестоносцы дали понять армянамъ, что, если они согласятся дѣйствовать за одно съ ними, то могутъ надѣяться на освобожденіе отъ турецкаго ига. Армяне съ готовностью приняли предложеніе крестоносцевъ: въ самое короткое время они выгнали изъ своихъ городовъ турецкіе гарнизоны и турецкое населеніе. Та часть крестоносцевъ, которая направилась на сѣверо-востокъ отъ Гераклеи, имѣла цѣлью поднять на своемъ пути христіанскія народности противъ турокъ и спуститься къ Антиохіи, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ крестоноснаго ополченія.

На югъ отъ Гераклеи въ Киликію направилась только Балдуинъ, братъ Готфрида и Танкредъ со своими отрядами; они держали путь къ Тарсу, занятому слабымъ турецкимъ отрядомъ. Крестоносцы и здѣсь подняли противъ турокъ христіанское населеніе, какъ въ странѣ прилегающей къ Тарсу, такъ и въ самомъ городѣ. Турецкій отрядъ долженъ былъ сдать крестоносцамъ. Здѣсь возникли пререканія между—Балдуиномъ и Танкредомъ изъ-за права на владѣніе Тарсомъ.—Честь побѣды была на сторонѣ Танкреда, между тѣмъ Балдуинъ присвоивалъ себѣ и побѣду, и право на городъ. Разсвирѣпѣвшій Танкредъ вырвалъ весь турецкій гарнизонъ и выгналъ Балдуина. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ,

что въ это время у норманскаго вождя уже созрѣвала идея основанія независимаго владѣнія. Съ своей стороны Балдуинъ, потерпѣвъ неудачу подъ Тарсомъ, отправился искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ сельджуками и приобрѣвъ расположеніе армянъ, Балдуинъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ княземъ Эдессы Торосомъ и такъ расположилъ его въ свою пользу, что вскорѣ былъ усыновленъ имъ и объявленъ наследникомъ княжества. Не довольствуясь этимъ, Балдуинъ убилъ Тороса и занялъ его престолъ. Такимъ образомъ съ 1098 г. въ Эдессѣ устраивается первое княженіе, во главѣ котораго стоитъ западный герцогъ. Это княженіе имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что оно составляло оплотъ для всѣхъ христіанскихъ народностей и защищало христіанскій элементъ Малой Азіи отъ ударовъ турецкихъ волнъ, которыя шли изъ середины Азіи.

Въ октябрѣ 1097 г. крестоносцы подступили къ Антиохіи, гдѣ провели цѣлый годъ (съ октября 1097 г. по ноябрь 1098 г.). Съ одной стороны осада города, съ другой внутренніе раздоры остановили дальнѣйшее движеніе. Этотъ годъ составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи крестовыхъ походовъ. Дѣло въ томъ, что Антиохія, поставленная самой природою въ весьма благопріятныя условія для защиты отъ внѣшняго врага, была укрѣплена еще и искусствомъ. Городъ окружали высокія и толстыя стѣны, по которымъ можно было свободно ѣхать экипажемъ въ 4 лошади; стѣны защищались башнями (450), снабженными гарнизонами. Укрѣпленія Антиохіи представляли такимъ образомъ страшную силу, преодолѣть которую, при недостаткѣ осадныхъ орудій, при отсутствіи дисциплины и неизмѣнн главкомандующаго, не представлялось никакой возможности. Но и оставить позади себя такой важный стратегическій пунктъ, какимъ была Антиохія, которая служила оплотомъ всего мусульманскаго міра, крестоносцы не могли. Правда въ самомъ мусульманскомъ мірѣ господствовала анархія, которая была весьма полезна для крестоносцевъ. Сирія находилась тогда подъ двойнымъ политическимъ вліяніемъ, исходившимъ изъ Египта и изъ Багдада. Фатимидскій калифатъ высылалъ толпы мусульманъ, которыя, завладѣвъ нѣкоторыми пунктами въ Сиріи и занявъ Іеруса-

лимъ, ослабили значительно калифатъ Багдадскій. Эмиръ Антиохіи Баги-Сіанъ ожидалъ помощи то отъ багдадскаго калифата, то отъ египетскаго. Всѣ другія мусульманскія владѣнія въ Сиріи находились также въ положеніи политической раздвоенности. Ожиданія Баги-Сіаномъ помощи со стороны египетскаго или багдадскаго калифата остались тщетны; правда, нѣсколько разъ мусульманскіе отряды показывались въ виду Антиохіи, но они были такъ незначительны, что не осмѣливались вступить въ бой съ крестоносцами и не принесли никакой пользы Баги-Сіану.

Осенью 1097 г. крестоносная армія оказалась въ весьма печальномъ состояніи. Грабежи, отсутствіе дисциплины и взаимная вражда замѣтно ослабляли крестоносное ополченіе. Вожди не успѣли ничего запасти для себя на осень и зиму, между тѣмъ въ крестоносномъ войскѣ начались болѣзни, проявилась смертность, и предъ страхомъ смерти цѣлыя толпы и даже отряды, во главѣ своихъ предводителей, обращались въ бѣгство.

Бозмундъ, князь тарентскій, который и прежде игралъ видную роль въ крестоносномъ ополченіи, какъ опытный вождь, какъ храбрый, неустрашимый рыцарь, какъ устроитель рядовъ, подъ Антиохіей отличается уже какъ искусный политикъ. Бозмундъ увидѣлъ, что Антиохія, со своими неприступными и несокрушимыми укрѣпленіями, со своимъ выгоднымъ положеніемъ (недалеко отъ Средиземнаго моря, на рѣкѣ Оронть, впадающемъ въ морь) представляетъ весьма удобный пунктъ для основанія въ ней независимаго княжества, что составляло главный предметъ всѣхъ стремленій и желаній его. Дѣла его въ Эдессѣ и Тарсѣ только разжигали честолюбіе тарентскаго князя. При достиженіи намѣченной цѣли ему могло мѣшать присутствіе въ крестоносномъ войскѣ уполномоченнаго греческаго императора.—Роль Татикія, правда, была двусмысленна, но важно то, что онъ въ походѣ былъ представителемъ и защитникомъ интересовъ греческой имперіи. Съ точки зрѣнія Татикія, и Антиохія, подобно Никоѣ, будучи взята крестоносцами, должна была принадлежать греческому императору и никому другому. Положеніе Татикія среди крестоноснаго ополченія было довольно вліятельное, онъ умѣрялъ честолюбивыя стремленія отдѣльныхъ вождей

Раймундъ Ажильскій, писатель крестовыхъ походовъ, обвиняетъ Татикиа въ томъ, что онъ, отчаявшись въ успѣхѣ осады, подговаривалъ князей снять осаду съ города и расположить войска по окрестнымъ селеніямъ, что онъ поселилъ между крестоносцами вражду и измѣну и скрылся изъ лагера. Обстоятельство это очень важно, но оно не вяжется вообще съ положеніемъ и ходомъ дѣлъ. Анна Комнина прямо обвиняетъ Боэмунда въ вынужденномъ бѣгствѣ Татикиа. Эти два противоположныя извѣстія возможно объяснить слѣдующимъ образомъ. Боэмундъ, преслѣдуя свои честолюбивыя цѣли, тяготится присутствіемъ Татикиа. Хотя намѣренія Боэмунда не были ни для кого тайной, крестоносцы всякій разъ, когда находились въ стѣсненномъ положеніи, вручали ему командованіе надъ союзными войсками, вынуждаемые къ этому во первыхъ необходимостью, во вторыхъ насильственными дѣйствіями со стороны самого Боэмунда; Татикии-же, представитель византійскаго императора, былъ вполне независимъ и самостоятеленъ въ средѣ крестоносцевъ и въ то-же время пользовался весьма большимъ авторитетомъ и могъ оказывать вліяніе на весь ходъ дѣлъ. Боэмунду нужно было во чтобы то ни стало устранить это вліяніе. Когда разнеслась вѣсть о приближеніи 300 тысячной арміи Мосульскаго эмира Кербуги, который шелъ на выручку Антиохіи, Боэмундъ началъ доказывать вождямъ, что Кербуга подосланъ византійскимъ императоромъ, что цѣль участія Татикиа въ ихъ войскѣ состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать мусульманъ противъ крестоносцевъ. Все это возбудило въ крестоносцахъ такую неприязнь противъ Татикиа, что онъ принужденъ былъ бѣжать. Бѣгство Татикиа имѣло важное значеніе для всего хода событій. Крестоносцы нарушили клятву, данную византійскому императору, устранили греческій элементъ изъ своего ополченія и начали дѣйствовать на свой собственный страхъ. Послѣ бѣгства Татикиа Боэмунду открылось свободное поле для его честолюбивыхъ замысловъ. Боэмундъ сыгралъ здѣсь роль Ахиллеса подъ Троей. Обижанный Ахиллесъ оставляетъ станъ грековъ, проводитъ въ бездѣйствіи цѣлыя мѣсяцы, пока, наконецъ, греки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ троянцами, не были вынуждены просить его выручить ихъ изъ

бѣды. Увлекаемый честолюбіемъ Боэмундъ, видя, что при той деморализаціи, которая господствовала среди крестоносцевъ, нельзя поддержать осаду и ожидая въ тоже время съ часу на часъ прибытія сильнаго мусульманскаго ополченія, подъ начальствомъ Кербуги, сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Онъ занялъ крестоносцамъ, что если они не предоставятъ ему главнаго начальства надъ всѣмъ войскомъ, если не пообѣщаютъ оставить за нимъ это главенство и на будущее время для веденія дѣла крестоваго похода, если, наконецъ, не предоставятъ въ его власть Антиохію въ случаѣ ея завоеванія, то онъ умываетъ руки и не отвѣчаетъ ни за что и вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ оставить ихъ. Между тѣмъ среди крестоносцевъ дѣнь ото дня увеличивалась смертность, бѣгство цѣлыхъ отрядовъ и вождей. Находясь въ такомъ положеніи, крестоносцы порѣшили предоставить Боэмунду всѣ полномочія для веденія дѣла и обѣщали исполнить все, что онъ требовалъ.

Боэмундъ еще раньше вошелъ въ соглашеніе съ однимъ изъ офицеровъ, защищавшихъ антиохійскія стѣны. Это былъ Фирузъ, армянинъ по происхожденію. Фирузъ, какъ христіанинъ, не могъ не питать симпатіи къ крестоносцамъ, освободителямъ всего мало-азіатскаго христіанства; кромѣ того, онъ имѣлъ личную вражду къ Баги-Сіану, эмиру Антиохіи. Сношенія Фируза и Боэмунда держались въ тайнѣ и никто не зналъ о нихъ. Боэмундъ назначилъ на 2-ое іюня общій приступъ на Антиохію. Въ ночь съ 1-го на 2-ое іюня онъ подвелъ свой отрядъ къ башнѣ, которую защищалъ Фирузъ; башня была сдана. Съ другой стороны въ Антиохію ворвались другіе крестоносцы, и въ городѣ началась рѣзня; большая часть мусульманскаго гарнизона, не успѣвшая спастись бѣгствомъ, была перерѣзана и перебита. Самъ Баги-Сіанъ едва спасся бѣгствомъ, но всего только на нѣсколько дней; его поймали и убили. Такимъ образомъ, 2-го іюня 1098 г. Антиохія была взята. Но немного выиграли крестоносцы, занявши городъ обнищавшій, изнуренный голодомъ, ослабленный продолжительностью предшествовавшей осады.

На другой дѣнь (3-го іюня) къ городу подошелъ эмиръ Мосульскій Кербуга съ 300-тысячною турецкой арміей. Кербуга зналъ и о слабости крестоноснаго войска, и о томъ бѣдственномъ положеніи,

въ которомъ оно находилось: крестоносное ополченіе простиралось теперь не болѣе, какъ до 120 тыс., остальные 180 тыс. частью погибли въ битвахъ мусульманами и въ трудномъ переходѣ по опустошеннымъ областямъ послѣ Никейскаго дѣла, частью-же были разсѣяны въ различныхъ городахъ Малой Азіи, въ видѣ гарнизоновъ. Но и эти 120 тысячъ вошли въ городъ, лишенный всякихъ средствъ къ пропитанію, при томъ они были утомлены продолжительною осадой и длинными переходами. Бербуга зная это и твердо рѣшился голодомъ заставить крестоносцевъ сдаться. Крестоносцы очутились въ самомъ ужасномъ, безвыходномъ положеніи. Три недѣли они сидѣли запертыми въ городѣ, нрѣдка дѣлая незначительныя и по имѣвшимъ никакихъ послѣдствій вылазки, пользуясь тѣмъ, что городъ не вполне тѣсно окруженъ былъ врагами. Для крестоносцевъ оставалось одно средство къ спасенію: по рѣкѣ Оронту спуститься къ Средиземному морю, въ гаваняхъ котораго были венеціанскіе торговые корабли. Но этотъ путь представлялъ много опасностей, имъ пользовались, однако, сначала по одиночкѣ, а потомъ цѣлыми отрядами, были даже случаи, что князья и знатные рыцари сдавались на милость мусульманъ или спасались бѣгствомъ къ морю.

Къ этому тяжкому для крестоносцевъ времени относятся появленіе сагъ и народныхъ сказаній, которыя были продуктомъ болѣзненного, фантастическаго настроенія народныхъ массъ. Къ этому времени относится и происхожденіе саги о Петрѣ Пустынникѣ. Историческій Петръ Пустынникъ, спасшійся послѣ уничтоженія его арміи, участвовалъ, правда, въ первомъ крестовомъ походѣ, но не какъ вождь, а какъ простой пилигримъ, безъ особенной силы, авторитета и вліянія. Только въ весьма немногочисленномъ кружкѣ простого народа Петръ Пустынникъ пользовался нѣкоторымъ почетомъ и уваженіемъ, что выражалось въ томъ, что его избирали казначеемъ. Онъ былъ между прочимъ однимъ изъ первыхъ, которые рѣшились бѣжать изъ Антиохіи, и только Бозмундъ остановилъ его. Въ это-же время составилось сказаніе о св. копьѣ. Раймундъ тулузскій, отличавшійся религиознымъ настроеніемъ между остальными крестоносными вождями, вполне искренно вѣрилъ въ св. копье. Но уже Бозмундъ, находясь подъ Іерусалимомъ, подсмѣивался надъ Раймундомъ, дока-

зывая ему, что рассказъ о св. копѣ былъ вымысломъ для поддержанія упавшаго духа и для возбужденія мужества народныхъ массъ. Преданіе о св. копѣ появилось слѣдующимъ образомъ. Однажды приходитъ къ Раймунду Тулузскому одинъ монахъ и рассказываетъ, что во время молитвы ему явился св. Андрей и сказалъ, что въ городѣ есть мѣсто, гдѣ скрыто копье, которымъ было прободено ребро Спасителя, что въ этомъ именно копѣ крестоносцы должны искать свое спасеніе. Добродушный Раймундъ повѣрилъ этому; объявили народу, начали искать, нашли дѣйствительно заржавленное копье; толпы крестоносцевъ были воодушевлены этой находкой. Боэмундъ, назначенный главнымъ предводителемъ крестоноснаго ополченія, рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы освободить Антиохію отъ осады. Въ мусульманскомъ войскѣ между тѣмъ происходили раздоры между предводителями, въ продолженіе трехъ недѣль многіе изъ нихъ оставили отрядъ Кербуги, такъ что осаждающая армія значительно ослабѣла. 28 іюня 1098 г. крестоносцы сдѣлали вылазку, прогнали мусульманъ и завладѣли всѣмъ ихъ лагеремъ. Спасеніе Антиохіи и славная побѣда надъ Кербугой приписана была чудесной помощи св. копья, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось палладіумомъ крестоносцевъ.

Когда крестоносцы овладѣли Антиохіей, религіозный энтузіазмъ ихъ вождей значительно ослабѣлъ. Цѣлый годъ они проводятъ въ бездѣйствіи, во взаимныхъ спорахъ и распряхъ изъ за обладанія Антиохіей; они какъ бы совсѣмъ забыли о главной цѣли своего предпріятія—объ освобожденіи отъ невѣрныхъ Гроба Господня. Какъ только миновала опасность отъ Кербуги, тотчасъ между сильнѣйшими вождями—Боэмундомъ Тарентскимъ и Раймундомъ Тулузскимъ возникъ довольно крупный споръ, характеризующій обоихъ предводителей. Боэмундъ напоминалъ теперь крестоносцамъ объ ихъ обѣщаніи, данномъ ему до взятія Антиохіи, и требовалъ исключительнаго господства въ городѣ. Но у Раймунда тулузскаго, представителя законности и рыцарской вѣрности долгу, была многочисленная партія, которая въ силу чисто матеріальныхъ выгодъ находила требованія Боэмунда вполне несогласными съ положеніемъ крестоносцевъ. Раймундъ и его партія настаивали, въ виду данныхъ ви-

зантійскому императору обязательствъ, на томъ, что Антиохія должна быть передана во власть византійскаго правительства. Партія Раймунда взяла верхъ, и въ Константинополь было отправлено для переговоровъ посольство, во главѣ котораго стоялъ братъ французскаго короля Гуго Вермандуа. О результатахъ переговоровъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ Гуго не возвращался болѣе въ лагерь, онъ сѣлъ на корабль и удалился въ отечество. То же сдѣлалъ и другой вождь Стефанъ Блуа, который, правда, не игралъ выдающейся роли въ ополченіи, но участвовалъ въ немъ съ значительнымъ военнымъ отрядомъ, такъ что его удаление не могло не ослабить крестоносное войско. Боэмундъ, чтобы отстоять свое право на господство въ Антиохіи, обратилъ вниманіе вождей на поведеніе византійскаго императора, свидѣтельствовавшее о враждебныхъ его чувствахъ къ крестоносцамъ. Въ то самое время, когда крестоносцы, лишенные средствъ къ пропитанію, изнемогали подъ Антиохіей, взятіе которой замедлялось еще и тѣмъ, что они не имѣли осадныхъ снарядовъ, византійскій императоръ находился вблизи Антиохіи съ значительными военными силами и осадными машинами и не захотѣлъ оказать крестоносцамъ никакой помощи; между тѣмъ при переправѣ крестоносцевъ черезъ Босфоръ, онъ далъ слово лично участвовать въ ихъ походѣ. Теперь же, занимая безъ особенныхъ усилій Эфесъ, Милеть и другіе города, безъ особенныхъ жертвъ, одерживая побѣды надъ турками, ослабленными крестоносцами, императоръ покупаетъ цѣною крови крестоносцевъ легкія побѣды и расширяетъ свои владѣнія. На это именно обстоятельство указывалъ Боэмундъ, какъ на безчестный поступокъ со стороны византійскаго императора, и ему удалось убѣдить князей въ томъ, что передача Антиохіи византійскому правительству принесла бы вредъ дѣлу крестовыхъ походовъ. Такимъ образомъ Антиохія предоставлена была во власть тарентскаго князя.

Въ Антиохіи распространилась смертность, которая похитила многихъ знатныхъ, въ томъ числѣ и папскаго легата, духовнаго представителя въ первомъ крестовомъ походѣ. Крестоносное ополченіе терпѣло большой недостатокъ и въ пищѣ и въ одеждѣ. Лишенія приводили въ экстазъ простой народъ, который приписывалъ

свои несчастія небесной карѣ за то, что медлили освобожденіемъ Гроба Господня. Выведенный изъ терпѣнія народъ угрожалъ сечь Антиохію, если его не поведутъ дальше. Честолюбивый Боэмундъ устоялъ противъ искушенія и не внялъ побужденіямъ долга, — Раймундъ же Тулузскій и другіе вожди двинулись дальше. Они направились къ Іерусалиму береговою полосою и не теряли надежды вознаградить себя другими земельными приобрѣтеніями. Легкія побѣды надъ ослабленнымъ турецкимъ населеніемъ не вознаграждали ихъ болѣе. Они съ завистью вспоминали объ Эдессѣ, Тарсѣ и Антиохіи. Въ особенности честолюбивыми желаніями горѣлъ теперь Раймундъ, всего болѣе обиженный судьбой. Онъ былъ изъ сильнѣйшихъ вождей крестоноснаго ополченія, онъ всѣхъ теплѣе относился къ дѣлу крестовыхъ походовъ и однако до сихъ поръ онъ не владѣлъ ничѣмъ; между тѣмъ и менѣе знатные и менѣе сочувствовавшіе дѣлу похода имѣютъ уже независимыя владѣнія. Раймундъ остановился у Триполи. Уже все было готово для взятія города, какъ вдругъ Боэмундъ зорко и ревниво слѣдившій за тѣмъ, чтобы вблизи его княжества не появилось другого самостоятельнаго владѣнія подъ главенствомъ западнаго князя, прислалъ къ Триполи коварнаго Танкреда, который и помѣшалъ плану Раймунда. Въ крестоносномъ лагерѣ начались громкія жалобы на князей, простой народъ требовалъ немедленнаго движенія къ Іерусалиму. Тогда Раймундъ, находя невозможнымъ противиться далѣе общему желанію, принужденъ былъ оставить Триполи (въ срединѣ мая 1099 г.).

Крестоносцы очень много потеряли въ спорахъ изъ-за Антиохіи и Триполи. Лѣтомъ 1098 г. Іерусалимъ, находившійся во власти слабого багдадскаго калифа, былъ завоеванъ сильнымъ египетскимъ калифомъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ приближенія крестоносцевъ къ Іерусалиму, предъ ними выросли новыя и сильныя преграды. Іерусалимъ оказался весьма укрѣпленнымъ, снабженнымъ сильнымъ гарнизономъ. Между тѣмъ крестоносная армія, пришедшая къ Іерусалиму, представляла одни жалкіе остатки того блестящаго ополченія, которое два года назадъ переправилось черезъ Босфоръ. Всѣхъ крестоносцевъ было теперь не болѣе 20 тысячъ, и тѣ были изнурены, обезсилены длинными переходами, битвами и всякаго

рода лишеніями. Въ этомъ ополченіи не доставало уже многихъ знатныхъ; часть погибла отъ эпидемическихъ болѣзней, часть осталась въ различныхъ завоеванныхъ городахъ, часть воротилась въ отечество. Къ Іерусалиму пришли изъ главныхъ вождей только три: Раймундъ Тулузскій, Робертъ Нормандскій и Готфридъ Булонскій, послѣ присоединился Танкредъ. Но у нихъ не было ни средствъ, ни матеріаловъ для предстоявшихъ осадныхъ работъ. Крестоносцамъ помогли въ этомъ отношеніи Генуэзцы и Пизанцы; они доставили все необходимое для осады и средства къ пропитанію. 15-го іюля 1099 г. Іерусалимъ былъ взятъ приступомъ.

Итакъ, цѣль была достигнута, крестъ восторжествовалъ надъ исламомъ. Городъ былъ наполненъ враждебнымъ мусульманскимъ населеніемъ, завоеватели обошлись съ нимъ въ высшей степени жестоко. Какъ бы въ отомщеніе за свои продолжительныя страданія, они предали мечу и огню все, что было въ городѣ мусульманскаго. Лѣтописцы съ удовольствіемъ рассказываютъ о лужахъ крови, по которымъ ходили воины христовы. Кровожадностью и хищностью отличился Танкредъ, удовлетворившій на этотъ разъ, сколько возможно было, своей жестокости и ненасытной скупости. Первымъ дѣломъ, которое должны были рѣшить крестоносцы, былъ вопросъ объ устройствѣ административной власти въ Іерусалимѣ. Но здѣсь снова они опять раздѣлились на двѣ партіи: одна стояла за то, чтобы устроить въ Іерусалимѣ церковную республику съ патриархомъ во главѣ, — это партія духовнаго господства; другая партія выдвигала свѣтскій принципъ, это послѣдняя взяла перевѣсъ. Предложили Раймунду Тулузскому принять на себя управленіе Іерусалимомъ, но онъ въ силу своихъ личныхъ нравственныхъ принциповъ отказался; предложили Роберту Нормандскому, и тотъ отказался. Остался одинъ Готфридъ Булонскій, который и согласился на предложеніе, заявивъ, однако, что будетъ носить титулъ не Іерусалимскаго короля, а „защитника Гроба Господня“. Такимъ образомъ Іерусалимъ былъ предоставленъ во власть герцога ниже-лотарингскаго Готфрида Булонскаго. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе для послѣдующей исторіи государствъ, основанныхъ западными князьями. Въ Малой Азіи было другое княжество — Эдесса, принадлежавшее брату

Готфрида Бульонскаго—Балдуиу; такимъ образомъ въ рукахъ одного дома были два владѣнія, которыя при необходимости могли соединиться и оказывать сильное вліяніе на политику и положеніе другихъ княжествъ. Врученіе власти надъ Іерусалимомъ Готфриду Бульонскому обусловливало собою усиленіе лотарингскаго дома на Востокъ. Готфридъ Бульонскій былъ человекъ добрый, уступчивый, но въ то же время весьма недалекій. Онъ едва не упустилъ изъ рукъ и той незначительной доли власти, которая ему досталась. Въ первый-же годъ княженія Готфрида духовенство Іерусалимское въ высшей степени систематично начинаеть его стѣснять, доводя его власть до минимума.

Самый желательный, естественный ходъ событій вслѣдъ за окончаніемъ перваго крестоваго похода долженъ былъ бы заключаться въ дальнѣйшемъ проведеніи того принципа, который поставили себѣ крестоносцы,—принципа укрѣпленія христіанскаго элемента въ Азіи и ослабленія мусульманскаго. Такой именно ходъ событій былъ желаемъ и ожидаемъ всѣмъ христіанскимъ населеніемъ какъ Европы, такъ и Азіи. Но такъ какъ усиленіе христіанскаго элемента въ Азіи обусловливало собою въ то же время усиленіе тѣхъ княжествъ, которыя были основаны крестоносцами и такъ какъ это послѣднее обстоятельство было противно видамъ и интересамъ византійской имперіи, то ходъ событій принялъ совершенно иное направленіе. Византійскіе цари съ этихъ поръ всегда стояли на стражѣ своихъ собственныхъ интересовъ и препятствовали дѣлу усиленія христіанскаго элемента въ Малой Азіи; этимъ обстоятельствомъ объясняется все негодованіе, всѣ обвиненія, которыя направлены противъ Византіи со стороны западно-европейцевъ.

Турецкій султанъ Килиджъ-Арсланъ, выгнанный изъ Никои, стѣсненный въ Иконіи, предоставившій всю переднюю Азію ея собственнымъ судьбамъ, не былъ уже болѣе серьезнымъ врагомъ для Византіи, которая и послѣдила восстановить свои права въ Малой Азіи. Но разъ передняя Азія перешла во владѣніе Византіи, политика византійскаго императора пошла дальше; онъ началъ подумы-

вать о томъ, чтобы подчинить своей власти и Сирію, Палестину и владѣнія, основанныя крестоносцами. Вотъ почему въ событіяхъ XII ст. мы встрѣчаемся съ явленіемъ въ высшей степени любопытнымъ. Византійскій императоръ, объявляя войну крестоносцамъ, часто заключаетъ союзы съ тѣмъ самымъ народомъ, который такъ недавно еще готовъ былъ разрушить византійскую имперію,—заключаетъ союзы съ турками. Тоже самое дѣлаютъ и западные князья: угрожаемые со стороны византійской имперіи, они видя въ ослабленныхъ туркахъ менѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ были для нихъ теперь греки, заключаютъ съ турками союзы, чтобы общими силами выжить изъ Азіи безпокойный греческій элементъ. Въ этомъ именно обстоятельстве и заключается весь трагизмъ положенія дѣлъ и интересъ изученія эпохи.

Между всѣми князьями выдающееся положеніе занялъ Боэмундъ. Онъ, устроившись въ Антиохіи, сохранилъ сношенія съ западной Европой, что доставило ему весьма благопріятныя условія и выгодное положеніе для предстоящей ему дѣятельности. Боэмундъ рѣшился округлить свои антиохійскія владѣнія; это и было вполнѣ осуществимо, такъ какъ тѣ незначительные и слабыя представители мусульманскаго элемента, которые еще остались вокругъ Антиохіи, не могли оказать большого сопротивленія. Но Боэмундъ въ 1099 г. встрѣчается съ неожиданнымъ для него противодѣйствіемъ. Императоръ Алексій, такъ часто обѣщавшій прислать войско и лично участвовать въ походѣ послѣ занятія Іерусалима крестоносцами, поднимаетъ оружіе противъ самихъ крестоносцевъ, направивъ свои дѣйствія на первый разъ противъ самаго опаснаго своего сосѣда князя антиохійскаго. Онъ снарядилъ флотъ и приказалъ осаждать приморскій городъ Лаодикею, занятый отрядомъ Роберта Нормандскаго. Отдать Лаодикею греческому императору было далеко не въ интересахъ антиохійскаго князя, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ всегда былъ бы подверженъ непріятному сосѣдству и наблюденію со стороны грековъ. Поэтому взаимныя отношенія норманновъ и грековъ въ 1099 г., принимая все болѣе рѣзкій характеръ, дошли наконецъ до полнаго разрыва. Борьба между противниками возгорѣлась и привлекла къ участію посто-

ронныя силы. Къ малоазійскимъ берегамъ въ это время прибыли корабли генуэзцевъ и визанцевъ, привезшіе свѣжія, хотя немногочисленныя военныя силы, направлявшіяся въ св. землю. Имъ Боэмундъ и указалъ, что опасность грозитъ въ настоящее время не отъ мусульманъ, а отъ грековъ, и легко привлекъ ихъ къ участию въ борьбѣ. Такимъ образомъ Боэмундъ, свой личный интересъ сдѣлавъ общимъ дѣломъ, выгналъ греческій гарнизонъ изъ Лаодиконъ, а визанцы начали дѣлать нападенія на приморскіе города.

Сила Боэмунда была въ высшей степени серьезна, другіе князья сравнительно съ нимъ не имѣли значенія. У Готфрида, князя Іерусалимскаго, было не болѣе 200 рыцарей и до двухъ тысячъ мало дисциплинированнаго войска. При такой малочисленности дружины положеніе „защитника Гроба Господня“ было весьма незавидное. Боэмундъ понималъ это, и желалъ распространить свое вліяніе на Іерусалимъ. Для этого отправился въ столицу Готфрида какъ-бы для того, чтобы исполнить тотъ нравственный долгъ, который лежалъ на немъ—поклониться Гробу Господню. Его сопровождаетъ довольно значительная армія, простиравшаяся до 20 тысячъ. Боэмундъ оказалъ такое вліяніе на дѣла въ Іерусалимѣ, что патріархомъ Іерусалима былъ выбранъ архіепископъ визанскій Адальбертъ, человѣкъ вполнѣ преданный Боэмунду. Новый патріархъ, честолюбивый и ловкій политикъ, направилъ свои дѣйствія къ тому, чтобы отнять у Готфрида и ту тѣнь власти, которую тотъ еще имѣлъ. Адальбертъ хотѣлъ основать на востокѣ святой престолъ, подобно римскому, ввести въ Іерусалимѣ духовный абсолютизмъ и подчинить себѣ всѣ свѣтскія княжества.

Если мы припомнимъ характеръ норманнскихъ завоевателей, какъ Роллонъ, основавшій свои владѣнія въ Нормандіи, какъ Робертъ Гвискаръ, утвердившійся въ Италіи; если примемъ во вниманіе политику и средства, какими пользовались эти князья для достиженія своихъ цѣлей, то мы будемъ имѣть возможность понять и оцѣнить дѣйствія Боэмунда. Боэмундъ считалъ себя ничѣмъ не ниже Роллона и Роберта Гвискара и хотѣлъ повторить въ Азіи дѣла, которыя его предки совершили въ Европѣ. Боэмундъ былъ уже близокъ къ осуществленію исторической задачи нормандскаго народа. Владѣя

сильной арміей, онъ округляетъ свое антиохійское княжество; здѣсь были мелкія государства, принадлежавшія турецкихъ эмирамъ; но эти эмиры не могли оказать Боэмунду сильнаго сопротивленія, такъ какъ они были ослаблены войной съ крестоносцами, къ тому-же ихъ силы были разъединены внутренними раздорами. Но стремленія Боэмунда имѣли трагическій исходъ, отразившійся неблагоприятнымъ образомъ на всемъ христіанскомъ дѣлѣ. Боэмундъ началъ на опаснаго соперника въ лицѣ Данишменда Мелика-Гази, эмира Сивасскаго (на Галіисѣ). Оставшіе позади крестоносцевъ, Данишменды успѣли настолько усилиться, что послѣ окончательнаго ослабленія иконійскаго султана, выступили къ 1101 году главнымъ оплотомъ мусульманскаго элемента въ Азіи. Появленіе этой силы было вполне ново и неожиданно для Боэмунда.

Когда Боэмундъ, по просьбѣ армянскаго князя Гавріила, въ Малатіи, пошелъ войной на Мелика-Гази, то противъ ожиданія встрѣтился съ сильнымъ турецкимъ отрядомъ, потерпѣлъ полное пораженіе, захваченъ со многими рыцарями въ плѣнъ и отвезенъ въ Неокесарію, гдѣ содержался около четырехъ лѣтъ (1101 — 1104 г.). Этотъ плѣнъ имѣлъ важное значеніе для всѣхъ христіанскихъ земель въ Азіи: христіане остались безъ своего главы, были предоставлены собственнымъ силамъ среди враждебнаго магометанскаго населенія. Боэмундъ, находясь въ плѣну у Мелика-Гази, очень можетъ быть, сдѣлался его политическимъ наставникомъ и учителемъ. Какъ ни былъ грубъ Данишмендъ, онъ понялъ цѣну своего плѣнника. Когда византійскій императоръ пожелаалъ выкупить Боэмунда, Меликъ-Гази потребовалъ огромную сумму денегъ. Греческое правительство готово было на всѣ жертвы, лишь-бы избавиться отъ грознаго норманна. Но тутъ спасло Боэмунда совершенно случайное обстоятельство: Меликъ-Гази и Билалджъ-Арсланъ поссорились между собою изъ за того, какъ должна была быть раздѣлена между ними выкупная сумма за Боэмунда. Боэмундъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы выставить имъ на видъ опасность со стороны византійскаго императора. Онъ выяснилъ имъ, что царь Алексѣй, завладѣвши имъ, избавится отъ сильнаго и грознаго врага и направитъ тогда свои силы противъ нихъ, что если они дорожатъ

собственно выкупной суммой, то ее выплачивать имъ друзья его— князья Иерусалима и Эдессы, что въ данномъ случаѣ важнѣе не деньги, а политическіе интересы, въ достиженіи которыхъ онъ можетъ оказать большую услугу всему турецкому народу, соединившись въ нимъ противъ византійскаго императора. Боэмундъ обѣщаль турецкимъ вождямъ всю переднюю Азію, а себя выговаривалъ только Антиохію. Уполномоченный византійскій Григорій Таронитъ, который велъ съ турецкими князьями переговоры о выкупѣ Боэмунда, былъ вовлеченъ въ обманъ и потому не донесъ византійскому императору, что переговоры приняли неблагопріятный для Византіи оборотъ. Меликъ-Гази, получивъ за Боэмунда выкупъ отъ одного армянскаго князя, освободилъ его на волю и препроводилъ въ Тарсъ *).

Возвратившись въ Антиохію, Боэмундъ собралъ въ свои руки всѣ нити политическаго движенія. Онъ составилъ большой союзъ, съ которымъ участвовали какъ магометанскія, такъ и христіанскія силы и прежде всего направилъ свой ударъ противъ эмира Моссула и Алеппо, который наиболѣе тѣснилъ христіанъ во время нахождения его въ плѣну. Хотя средства, собранныя Боэмундомъ, и были значительны, но результатъ далеко не соответствовалъ его ожиданіямъ: христіанскіе князья потерпѣли полное пораженіе въ битвѣ при Гарранѣ (1104 г.). Это пораженіе имѣло весьма важное значеніе для судьбы христіанскихъ княжествъ на Востоцѣ, оно возбуждало новыя надежды въ мусульманахъ в грекахъ и поставило на край гибели самое существованіе крестоносцевъ. Къ тому-же и въ

*) Нѣсколько монетъ, сохранившихся отъ этого времени, даютъ намъ весьма любопытный и въ высшей степени драгоценный матеріалъ для выясненія положенія дѣлъ въ эту эпоху. Монеты принадлежатъ царству Данишмендовъ; на одной сторонѣ изображенъ Иисусъ Христосъ, на другой сторонѣ греческими литерами выбито: «Меликъ-Гази, царь Романіи и Анатолиіи»—явленіе въ высшей степени знаменательное; оно прямо характеризуетъ намъ Мелика-Гази. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ дивихъ турецкихъ завоевателей, которые жгли, опустошали, и уничтожали все, что было внѣ ислама. Меликъ-Гази проводитъ принципъ вѣротерпимости, предоставляетъ подчиненнымъ народамъ политическую свободу, оставляя неприкосновеннымъ греческій языкъ и греческое письмо. Въ этихъ монетахъ въ настоящее время имѣется единственное указаніе на ту политическую роль, какую игралъ въ передней Азіи Данишменды и которая была усвоена имъ, безъ всякаго сомнѣнія, по внушенію такого умнаго политика, какъ Боэмундъ.

будущемъ не предвидѣлось благоприятной перемены обстоятельствъ, потому что христіане не сохранили между собою солидарности; между вождями двухъ племенъ норманновъ и провансальцевъ продолжала расти вражда и недобъріе. Провансальцы въ отсутствіи Боэмунда, при помощи греческаго императора, завладѣли Триполи, обстоятельство, которое было весьма нежелательно для Боэмунда, такъ какъ близкое сосѣдство провансальцевъ могло серьезно угрожать судьбамъ антиохійскаго княжества. Кромѣ того, Боэмундъ имѣлъ основаніе недобърчиво относиться къ провансальцамъ еще и потому, что они въ продолженіе всего крестоваго похода отстаивали интересы византійскаго края, заклятаго врага Боэмунда. Послѣ роковаго для христіанъ пораженія при Гарранѣ, всякая попытка со стороны Боэмунда, въ смыслѣ ослабленія византійской или мусульманской силы въ Азію казалась уже неосуществимой и несвоевременной, ибо силы христіанъ были въ высшей степени ослаблены. Король Іерусалимскій, который по своему положенію долженъ былъ-бы играть передовую роль среди христіанскаго элемента и стоять въ челѣ всякаго предпріятія, направленнаго для ослабленія враговъ Христовыхъ, Іерусалимскій король, „защитникъ Гроба Господня“, лишенъ былъ всякой силы, всякаго авторитета. Если и оставались у кого средства для борьбы, то онѣ сосредоточивались въ рукахъ антиохійскаго князя. Но онъ мало заботился объ общихъ интересахъ, онъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли. Такимъ образомъ политическій горизонтъ христіанъ былъ мраченъ; ихъ выручало случайное обстоятельство.

Для исполненія своей завѣтной мечты, Боэмундъ составляетъ обширный и дальновидный планъ. Находя наличныя средства христіанъ недостаточными для борьбы съ двумя силами, мусульманской и греческой, онъ рѣшилъ вызвать для этой борьбы новыя силы изъ Европы. Онъ сообщилъ князьямъ, что они переживаютъ въ данную минуту весьма опасное для себя время. „Но опасное время“, утѣшалъ онъ, „возбуждаетъ къ великимъ планамъ и предпріятіямъ. Я полагаю, что въ Антиохіи можете оставаться вы одни; я же отправлюсь въ Европу и привлеку новыя силы для борьбы“. Но Боэмундъ былъ далекъ отъ мысли составить второй крестовый походъ; честолюбивый и себялюбивый князь преслѣдовалъ одну личную

цѣль—уничтожить византійскаго императора въ Азіи. Этотъ планъ выясняется изъ дѣйствій Боэмунда, когда онъ былъ въ плѣну у мусульманъ, а равно и изъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Для выполненія этого плана представлялось немаловажное затрудненіе. Греческій императоръ, какъ-бы предчувствуя, что подобный планъ могъ зародиться въ умѣ предприимчиваго норманна, приказалъ греческимъ военнымъ судамъ крейсировать у береговъ малой Азіи. Существуетъ легенда, которую повторяетъ и Анна Комнина: чтобы обмануть бдительность грековъ, Боэмундъ будто-бы, приказалъ положить себя въ гробъ и такимъ образомъ удалось кораблю, везшему живаго мертвеца, пройти безпрепятственно ту оберегательную линію, которую составили греческія суда у береговъ малой Азіи. Съ острова Корфу Боэмундъ послалъ письмо, полное сильныхъ угрозъ, греческому императору.

Въ Италіи Боэмунда ожидала восторженная встрѣча какъ героя и борца за святое дѣло. Папа Пасхалисъ II — человекъ добрый и довѣрчивый вошелъ въ виды Боэмунда, далъ ему рекомендательныя письма къ королямъ французскому и пфемцкому и разрѣшилъ проповѣдовать походъ противъ схизматическихъ грековъ. Боэмундъ проваля въ Европѣ три года, и не даромъ. Его вполне заслуженная слава, какъ лучшаго предводителя крестовыхъ походовъ, выросла на глазахъ Европейцевъ и доставила ему желанный успѣхъ. Король французскій женилъ его на одной изъ своихъ дочерей (Констанція), а другую выдалъ за Такреда, чѣмъ Боэмундъ завязывалъ связи съ коронованными европейскими особами. Его проповѣдь имѣла полный успѣхъ въ Ломбардіи, Франціи и Германіи. Къ началу 1107 г. возвратившись въ южную Италію, онъ сталъ выжидать соединенія намербованныхъ имъ силъ. Приморскія города—Генуя, Венеція и Пиза предложили къ услугамъ его флотъ. Весною 1107 г. въ южной Италіи собралось многочисленное (свыше 30 тысячъ) ополченіе, снабженное въ изобиліи оружіемъ и съѣстными припасами. Эта эскадра должна была внушать серьезныя опасенія грекамъ. Такимъ образомъ, во имя идеи, уничтоженія византійскаго господства и завоеванія греческой импе-

ріи подъ знаменами Боэмунда соединились Германія, Франція, съ-верь и югъ Италиі.

Ополченіе, во главѣ котораго стоялъ норманскій вождь, направилось прямо къ византійскимъ владѣніямъ и осадило городъ Драчь (Dugachium). Въ 1081 г. Робертъ Гвискаръ нападалъ на византійскія владѣнія, но съ тѣхъ поръ обстоятельства во многомъ измѣнились въ пользу Имперіи. Вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ крестоносцами на востокѣ, Византія избавилась отъ врага, угрожавшаго ей въ Азіи и императоръ Алексѣй, располагая значительными морскими и сухопутными силами, имѣлъ полную возможность защищать свои западныя владѣнія. Драчь оказался очень сильнымъ и укрѣпленнымъ городомъ, для взятія котораго нужно было сдѣлать еще большія приготовленія: построить лѣстницы, стѣнобитныя машины, башни, а лѣсу у крестоносцевъ не было. Къ этому присоединилось еще то, что греческій флотъ отнялъ у крестоносцевъ возможность подвоза съѣстныхъ припасовъ. Крестоносцы начали терять лишенія; поднялся ропотъ среди войска; отъ Боэмунда требовали, чтобы онъ не тратилъ бесполезно времени въ осадѣ одного города, а велъ бы войско дальше. Подобное внутреннее и внѣшнее положеніе дѣлъ заставило Боэмунда прекратить осаду и начать переговоры съ византійскимъ императоромъ. Царь Алексѣй хорошо зналъ своего противника и потому въ переговорахъ употребилъ всю осторожность и настойчивость. Въ 1108 году былъ заключенъ миръ, унижительный для честолюбія норманскаго князя. Онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ, отъ притязаній на Киликію, Лаодикію и провансальскія владѣнія, обязался передать Антиохію византійскому царю, если не оставитъ послѣ себя мужскаго поколѣнія, и, что еще унижительнѣе, даже употребитъ силу противъ своего брата, если бы онъ не согласился на эти условія. Этими и оканчивается дѣятельность Боэмунда. Съ 1108 г. онъ не играетъ уже никакой роли. Можетъ быть, онъ и хотѣлъ еще разъ повторить свою попытку, но на этотъ разъ не встрѣтилъ болѣе того одушевленія въ Европѣ, какое нашелъ раньше. Да и обстоятельства были совсѣмъ иныя. Папа Пасхалисъ былъ въ борьбѣ съ германскимъ императоромъ Генрихомъ V, заня-

тый тяжелою и рискованною борьбою, папа на этотъ разъ иначе взглянулъ на дѣло Боэмунда и не только не оказалъ ему поддержки, но даже вошелъ въ сношенія съ византійскимъ царемъ и былъ готовъ сдѣлать ему крупныя уступки относительно южной Италіи, чтобы получить отъ него помощь въ борьбѣ съ императоромъ. Боэмундъ умеръ въ 1111-мъ году.

Оцѣнивая дѣятельность Боэмунда, мы должны признать, что онъ принесъ много вреда всему христіанскому дѣлу на востокѣ, что онъ есть главный виновникъ всѣхъ бѣдствій, неудачъ и потерь крестоносцевъ. Христіане на востокѣ должны были преслѣдовать одну цѣль: твердо сохраняя солидарность между собою, они должны были заключить въ тоже время прочный союзъ съ византійскою имперіей и направить всѣ силы на мусульманъ. Между тѣмъ роковая ошибка христіанъ заключалась въ ихъ соревнованіи между собою и во враждѣ съ Византіей, самая сильная отвѣтственность въ этомъ отношеніи падаетъ на Боэмунда. Онъ своимъ честолюбіемъ поселилъ антагонизмъ между византійскою имперіей и крестоносцами. Онъ первый ввелъ въ практику тотъ странный пріемъ, къ которому впослѣдствіи прибѣгали и византійскіе императоры; онъ первый началъ заключать дружественныя союзы съ тѣмъ народомъ, противъ котораго было направлено все крестоносное движеніе.

Въ виду ложнаго направленія, даннаго крестовому походу по винѣ Боэмунда, и принимая во вниманіе слишкомъ незначительныя силы, какими располагали оставшіеся на Востокѣ вожди, естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же держались основанныя крестоносцами княжества антиохійское, іерусалимское и эдесское?

Главная волна крестоносцевъ, отхлынувшая на западъ, питала тамъ чувство соревнованія своими разсказами о подвигахъ и успѣхахъ, которые имѣли крестоносцы въ Азіи. Правда, эти же разсказы говорили объ опасностяхъ и лишеніяхъ, которымъ подвергались крестоносцы; но рыцарскіе роды, не владѣвшіе землями на западѣ, и не имѣвшіе надежды на пріобрѣтеніе военной славы и добычи на родинѣ, охотно поддавались мечтамъ прославить себя военными подвигами и пріобрѣсти независимыя владѣнія. Такимъ

образомъ возвратившіеся на родину изъ Азіи крестоносцы оживляли въ своихъ европейскихъ соотечественникахъ релігіозный энтузіазмъ и чувство военной чести. Результатъ этого—приливъ новыхъ волнъ западныхъ народовъ на востокъ. Въ 1101 г. послѣдовало первое движеніе. Бароны Италіи, Франціи и отчасти Германіи составили сильное ополченіе, которое только отчасти въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ весьма немногочисленныхъ вождей было проникнуто релігіознымъ энтузіазмомъ; большинство же рыцарей питали честолюбивыя цѣли. Отрядъ этотъ, простиравшійся до 300 тысячъ человекъ, направился въ Азію обычнымъ путемъ, которымъ шли всѣ крестоносцы черезъ Константинополь. Участъ этого ополченія весьма печальна; его вожди, узнавъ, что главная опора восточныхъ христіанъ—Бозмундъ находится въ плѣну у мусульманъ, хотѣли силою освободить Бозмунда. Въ стычкахъ съ Килиджъ-Арсланомъ и султаномъ Каппадокійскимъ Данишмендомъ, они были почти всѣ уничтожены; только весьма незначительная часть ихъ достигла Антиохіи и Іерусалима и поддержала ослабленныя силы Танкреда и Балдуина.

Другое большое движеніе произошло въ 1107 г., подъ предводительствомъ Бозмунда; какъ мы видѣли выше, отрядъ Бозмунда потерпѣлъ полную неудачу при Дрэтъ, и только часть его достигла Сиріи.

Итальянскіе торговые города: Генуя, Венеція и Пиза—увидѣли въ крестовыхъ походахъ средство распространенія своей торговли. Эти города владѣли уже торговыми факторіями на многихъ островахъ Средиземнаго моря; теперь, пользуясь крестоноснымъ движеніемъ, они основываютъ свои факторіи въ Сиріи и Палестинѣ, и снабжаютъ крестоносцевъ военными кораблями. Лучшими своими успѣхами крестоносцы обязаны военнымъ силамъ и помощи итальянскихъ городовъ. Особенно сильный энтузіазмъ охватилъ въ это время сѣверную Италію и южную Францію, которыя и высылали многочисленные отряды. Такимъ образомъ въ теченіи всего XII столѣтія происходитъ движеніе рыцарей съ запада на востокъ и послѣдовательно продолжается приливъ новыхъ силъ, который оказалъ большую поддержку христіанамъ, пріобрѣтшимъ независимыя владѣнія на во-

стокъ. Это и было первымъ средствомъ, которымъ держались христіанскія княжества.

Второе средство, поддерживавшее восточныхъ христіанъ противъ напора мусульманъ, заключалось въ рыцарскихъ орденахъ религіозно-военнаго характера. Происхожденіе этихъ орденовъ слѣдующее. Благочестивые люди устраивали въ Іерусалимѣ благотворительныя заведенія—богадѣльни, госпитали, цѣль которыхъ была оказывать помощь какъ бѣднымъ паллигримамъ, такъ и туземному христіанскому населенію: здѣсь находили пріемъ всѣ бѣдные, не имѣвшіе собственныхъ средствъ къ жизни, и всѣ тѣ, которые нуждались въ пріемѣ и уходѣ. Такова была цѣль этихъ учрежденій еще въ XI ст.; въ XII ст. они ставятъ себѣ новыя задачи и новыя цѣли.

Одному изъ такихъ монашескихъ братствъ Баллуинъ отвѣлъ мѣсто по близости къ Соломонову храму. Это братство, владѣвшее значительными средствами, расширило свои первоначальныя задачи, поставивши себѣ цѣлью поддержать падающія христіанскія княжества на востокъ; такимъ образомъ это братство получило чисто военный характеръ «*Milites templi*», Тамплиеры. Одинъ изъ членовъ этого братства, Гуго Пайенскій отправился на западъ и, запасшись письмами папы, набиралъ прозелитовъ въ орденъ. Германскій императоръ и англійскій король сдѣлали богатыя пожертвованія, которыя дали возможность ордену тамплиеровъ составить значительныя военныя силы. Рыцари этого ордена, отличавшіеся хорошимъ вооруженіемъ, составляли лучшее христіанское войско на востокъ. Ихъ отличительная одежда—бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ, навели ужасъ на мусульманъ.

Рядомъ съ орденомъ Тамплиеровъ образовался и другой военный монашескій орденъ—Госпиталистовъ. Первою цѣлью этого братства была благотворительность. Когда Тамплиеры преобразовали свой орденъ въ монашествующее рыцарство, то ихъ примѣру послѣдовали и Госпиталисты (иначе называемые—Іоанниты); отличительная одежда ихъ—черный плащъ съ бѣлымъ крестомъ. Эти ордена получили рѣшительное преобладаніе въ дѣлахъ и судьбахъ іерусалимскаго королевства и были могучими факторами въ борьбѣ христіанъ съ мусульманами.

Еще значительнѣе было третье средство, которое поддерживало христіанскія королевства на востокъ. Провансальскіе бароны не могли забыть того, что сюзеренъ ихъ, тулузскій герцогъ былъ княземъ въ Триполи; точно въ такомъ же доложеніи относительно востока находились князья и бароны лотарингскіе: двое изъ лотарингскихъ князей имѣли на востокъ княжества — одинъ Эдесское, другой — Іерусалимское. Связь Лотарингіи и Прованса съ тремя упомянутыми малоземскими княжествами была жива и поддерживалась общими отношеніями. Особенное значеніе имѣло событіе 1131 года, когда прекратилась въ Іерусалимѣ лотарингская линія. Балдуинъ, король іерусалимскій, предъ смертію сдѣлалъ весьма умный шагъ: онъ связалъ родственными узами линію лотарингскаго дома съ одной изъ самыхъ сильныхъ графскихъ фамилій на западѣ; онъ обручилъ свою дочь Мелизиду съ Фулькомъ, графомъ Анжу и Мена. Графства Анжу и Мень, окружающія родовыя владѣнія французскаго королевскаго дома (Капетинговъ), были гораздо обширнѣе королевскихъ владѣній; графы Анжу и Мена далеко превосходили своимъ могуществомъ Капетинговъ. Балдуинъ, предложивши руку своей дочери одному изъ самыхъ сильныхъ феодальныхъ французскихъ владѣтелей, связалъ интересы іерусалимскаго королевства съ интересами анжуйскаго дома, владѣвшаго всей средней Франціей; теперь въ дѣлахъ іерусалимскаго княжества была заинтересована не только южная Франція, но и средняя. Но этотъ союзъ обѣщалъ еще громадную политическія выгоды для всего христіанскаго востока въ ближайшее время. Именно, послѣ прекращенія въ Англіи линіи Вильгельма завоевателя, англійская корона была предложена анжуйскому дому и сынъ Фулька сдѣлался королемъ Англіи. Когда такимъ образомъ во власти одного дома сосредоточились половина Франціи, вся Великобританія и іерусалимское королевство, домъ анжуйскій заявилъ свои претензіи на норманскую корону. Важность этого союза для христіанскихъ княжествъ на Востокъ будетъ вполнѣ ясна, если скажемъ, что благодаря лишь ему въ половинѣ XII столѣтія могъ состояться второй крестовый походъ.

Переходъ іерусалимскаго княжества во власть анжуйскаго дома имѣлъ и внутреннее значеніе для самого Іерусалима. Фулькъ хотѣлъ

дать іерусалимскому княжеству то устройство, которое было въ его земляхъ. Основные законы Іерусалимскаго королевства, извѣстны подъ именемъ Ассизовъ (*Les assises de Jérusalem*). Обыкновенно устройство іерусалимскаго королевства и происхождение Ассизовъ приписывается Балдуинамъ. Но Ассизы носятъ на себѣ чисто-феодальный характеръ; они—копія съ феодальныхъ хартій западной Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что такое устройство Іерусалиму могъ дать только тотъ князь, который былъ знакомъ вполне съ феодальнымъ строемъ западной Европы; Фулько именно имѣлъ свои владѣнія въ томъ государствѣ, гдѣ феодальный режимъ былъ лучше всего развитъ и поэтому „городское устройство и законы ленной системы“ должны быть отнесены къ его времени. Хотя существованіе христіанскихъ княжествъ было обезпечено приливомъ военныхъ силъ съ запада, вызываемымъ общностью интересовъ, но внутреннее положеніе ихъ далеко не соответствовало цѣлямъ и пользамъ европейскаго христіанства. Нельзя читать безъ сожалѣнія исторію этихъ княжествъ между первымъ и вторымъ крестовымъ походомъ. Между тѣмъ, какъ вся цѣль ихъ должна была направляться къ ослабленію сильныхъ центровъ мусульманскаго востока — Алеппо, Моссула и Багдада, христіанскія княжества раздѣлаемы были внутренней борьбой и мелкими интригами; въ каждомъ княжествѣ вассалы стоятъ въ раздорѣ со своими сюзеренами.

Серьезная опасность грозила восточнымъ христіанамъ со стороны византійской имперіи. Мы видѣли, что еще Алексѣй Комнинъ объявлялъ войну Антиохіи. Царствованіе его преемника Іоанна Комнина представляетъ рядъ завоеваній въ малой Азіи, имѣвшихъ цѣлью захватить Антиохію. Князь Антиохіи даетъ вассальную присягу Іоанну Комнину, направлявшемуся уже съ военными силами въ Іерусалиму. Въ то-же время эмиръ Моссула Имададдинъ Зенги, родственникъ Кербуги, взялъ приступомъ Эдессу (1144 г.). Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ угрожающимъ положеніемъ, принятымъ императоромъ Іоанномъ Комниномъ, поставило христіанъ въ такое отчаянное положеніе, что ихъ могла спасти только экстренная помощь со стороны западной Европы.

Г Л А В А III.

Второй крестовый походъ.

Политика христіанскихъ князей на Востокъ преслѣдовала ложную цѣль — уничтоженіе Византійскаго господства въ Азіи и ослабленіе того элемента, на который естественно нужно было рассчитывать въ дѣлѣ уничтоженія мусульманъ. Такая политика привела къ тому, что мусульмане, ослабленные и отодвинутые внутрь Азіи вслѣдствіе перваго крестоваго похода, снова усилились и начали изъ Месопотаміи угрожать христіанскимъ владѣніямъ. Одинъ изъ наиболѣе сильныхъ мусульманскихъ эмировъ, эмиръ Моссула-Имад-эд-динъ Зенги, началъ весьма серьезно угрожать передовымъ княжествамъ. Въ 1144 г. Зенги сдѣлалъ сильный натискъ, который окончился взятіемъ Эдессы и паденіемъ Эдесскаго княжества. Это наносило весьма чувствительный ударъ всему восточному христіанству: эдесское княжество составляло форпостъ, о который разбивались волны мусульманскихъ приливовъ, въ эдесскомъ княжествѣ былъ оплотъ, защищавшій весь христіанскій міръ. Въ то время, когда Эдесса пала подъ ударами мусульманъ, другія христіанскія княжества находились или въ стѣсненномъ положеніи, или были заняты вопросами чисто-эгонистическаго характера и поэтому какъ не могли подать помощи Эдесскому княжеству, такъ не въ состояніи были замѣнить для христіанъ его значенія. Въ Іерусалимѣ незадолго передъ тѣмъ умеръ король Фулько, тотъ самый, который соединилъ интересы іерусалимскаго княжества съ интересами своихъ французскихъ владѣній. Послѣ его смерти, во главѣ королевства стала вдова, королева Мелизинда, опекунша Балдуина III; непокорность вассальныхъ князей отняла у нея всякую возможность и средства даже для защиты собственныхъ владѣній — Іерусалимъ

находился въ опасности и не могъ подать помощи Эдессѣ. Что касается Антиохіи, то князь Раймундъ завязалъ несчастную войну съ Византіей, кончившуюся для него полною неудачею, — и такимъ образомъ также не могъ подать помощи Эдессѣ.

Слухъ о нападеніи Эдессою произвелъ сильное впечатлѣніе на Западѣ, и въ особенности во Франціи. Франція во весь періодъ крестовыхъ походовъ отличалась своею отзывчивостію къ интересамъ христіанъ на Востоку; изъ Франціи всего больше шло на Востокъ рыцарей; Франція болѣе [другихъ европейскихъ государствъ] чувствовала связи съ Востокомъ, ибо въ Эдессѣ, Іерусалимѣ, Триполи сидѣли князья французскаго происхожденія.

И тѣмъ не менѣе для поднятія новаго крестоваго похода въ западной Европѣ не представлялось благопріятныхъ условій. Прежде всего во главѣ римской церкви было лицо, которое далеко не могло равняться съ современникомъ перваго похода. Къ 1144 году на римскомъ престолѣ сидѣлъ Евгеній III, человекъ, не отличавшійся ни большою силой воли, ни энергіей, ни умомъ, не имѣвшій широкихъ политическихъ взглядовъ. Евгенію III предстояло бы, пользуясь властнымъ положеніемъ церкви, принять подъ свою руку дѣло защиты восточно-азиатскихъ княжествъ, но къ этому времени положеніе папы, даже въ самой Италіи, было далеко не властное, римскій престолъ былъ жертвою партій. Евгеній III недавно успѣлъ побѣдить антипапу, нуждался въ помощи Германскаго короля и настоятельными просьбами призывалъ его въ Италію. Кромѣ того ему угрожало въ Римѣ новое направленіе, въ конецъ низпровергавшее авторитетъ его. Въ Римѣ дѣйствовалъ проповѣдникъ, представитель философско-политическаго направленія, Арнольдъ Бревианскій, ученикъ Бернарда, аббата Клерво. Какъ Арнольдъ Бревианскій, такъ и его знаменитый учитель происходили изъ известной монашеской конгрегаціи монастыря Клуни и были выразителями идей, распространяемыхъ этимъ монастыремъ. Арнольдъ столько же былъ политикъ-философъ, сколько и проповѣдникъ. Его политическіе взгляды были основаны на демократическомъ принципѣ. Онъ боролся всѣми силами своего краснорѣчія и вліянія противъ свѣтской власти папы и противъ злоупотребленій, вкрапившихся въ

церковный строй того времени. За Арнольдомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ проповѣдниковъ-монаховъ, распространившихъ тѣ-же идеи. Проповѣдь Арнольда подняла цѣлую бурю противъ папы. Къ тому-же времени городовое движеніе, съ его демократическимъ характеромъ, особенно энергично охватило Италію. Во главѣ городовъ стоятъ не архіепископы, не свѣтскіе феодалы и дворяне, а народъ; воскресла и древняя форма правленія—советъ и народъ, воскресъ даже античный терминъ „senatus populusque Romanus“. Въмѣсто устарѣлаго устройства, вмѣсто вассалитета и сюзеренитета выдвигаются коммуны, которыя въ высшей степени неблагоклонно относятся къ духовнымъ князьямъ. Германскій король Конрадъ III поставленъ былъ также въ затруднительныя обстоятельства борьбою съ Вельфами; онъ въ свою очередь выжидалъ поддержки изъ Рима, надеясь, что папа приметъ ему корону и тѣмъ укрѣпитъ его шаткое положеніе на тронѣ. Такимъ образомъ нельзя было надѣяться, что папа или король приметъ на себя инициативу втораго крестоваго похода. Этой инициативы нужно было искать въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ разгрома Эдессы значительная часть свѣтскихъ и духовныхъ лицъ явилась съ Востока въ Италію и Францію; здѣсь они обрисовывали положеніе дѣлъ на Востокѣ и возбудили своими разсказами народныя массы. Во Франціи королемъ былъ Людовикъ VII; рыцарь въ душѣ, онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ Востокомъ и былъ склоненъ предпринять крестовый походъ. На короля, какъ и на всѣхъ его современниковъ, оказывало сильное вліяніе то литературное движеніе, которое глубоко проникло всю Францію и распространилось даже по Германіи. Подразумѣваемое здѣсь литературное движеніе составляетъ обширный циклъ поэтическихъ сказаній, заключающихся въ пѣсняхъ рыцарей и дворянства. Эта устная литература, обширная и разнообразная, воспѣвавшая подвиги борцовъ христіанства, облакая ихъ фантастическими образами, повѣствовала о бѣдствіяхъ христіанъ на Востокѣ, держала въ возбужденномъ состояніи народъ и разжигала его страсти. Не чужды были ея вліянія и высшіе слои—духовные и свѣтскіе князья. Людовикъ VII, прежде чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, какъ походъ въ Св. землю, спросилъ мнѣнія у аббата Сугерія,

своего воспитателя и совѣтника, который, не отговаривая короля отъ добраго намѣренія, посоветовалъ принять все мѣры, чтобы обезпечить должный успѣхъ предпріятію. Людовикъ пожелалъ узнать настроеніе народа и духовенства. Духовная политика XII стол. находилась въ рукахъ Св. Бернарда, аббата недавно основаннаго монастыря Клерво. Личность Бернарда въ высшей степени импозантная и авторитетная. Величественная фигура, возмужденное лицо, пылкая огненная рѣчь—все это доставляло ему непобѣдимую силу и громадное вліяніе, предъ которыми никто не могъ устоять. Бернардъ былъ уже хорошо извѣстенъ во всей Европѣ; онъ не разъ являлся въ Римѣ рѣшителемъ дѣла того или другого папы. Ему не разъ уже предлагали епископскія и архіепископскія мѣста, но онъ всегда отказывался отъ повышеній и этимъ еще болѣе выигрывалъ въ глазахъ современниковъ; онъ былъ самый рѣзкій противникъ Абелира, неблагоклонно относился къ проповѣдямъ и дѣйствіямъ своего ученика Арнольда Брешианскаго. Къ этому авторитету, какъ къ нравственной силѣ, обратилась французскій король, прося Бернарда принять участіе въ дѣлѣ поднятія Европы къ крестовому походу: Бернардъ не принялъ на свою отвѣтственность такого важнаго дѣла; онъ далъ совѣтъ обратиться къ папѣ. Евгений III одобрилъ планъ короля и поручилъ св. Бернарду проповѣдь о крестовомъ походѣ, снабдивъ его воззваніемъ къ французскому народу. Въ 1146 г. св. Бернардъ присутствовалъ на государственномъ собраніи въ Бургундіи (Везеле), онъ сѣлъ рядомъ съ королемъ Людовикомъ, надѣлъ на него крестъ и произнесъ рѣчь, въ которой приглашалъ вооружиться на защиту Гроба Господня противъ невѣрныхъ. Такимъ образомъ съ 1146 г. вопросъ о крестовомъ походѣ былъ рѣшенъ съ точки зрѣнія французовъ. Южная и средняя Франція двинула многочисленную армию, которая была вполне достаточна для того, чтобы дать отпоръ мусульманамъ.

Росовымъ шагомъ и большою ошибкой со стороны св. Бернарда было то, что онъ, усвоенный успѣхомъ, который имѣлъ во Франціи, рѣшился новости дѣла далѣе, возбудить идею крестоваго похода за предѣлами Франціи—въ Германіи. Движеніе и само по себѣ дошло до Рейна, гдѣ выразилось въ крайне рѣзкомъ

именно въ антисемитическомъ движеніи. Слухи объ этомъ дошли до св. Бернарда и были весьма неприятны для него и требовали, по его мнѣнію, его личнаго присутствія въ этой странѣ. Явившись за Рейнгъ, св. Бернардъ сурово порицалъ духовныхъ лицъ, не сдерживавшихъ своего авторитета отъ страстей народныхъ; но онъ не ограничился этимъ и пошелъ дальше. Онъ задумалъ привлечь къ крестовому походу Германію, которая могла внести въ это движеніе новые элементы, не гармонировавшіе съ тѣми, которые были во Франціи. Конрадъ III до прибытія св. Бернарда не обнаруживалъ склонности подняться на защиту св. мѣстъ. Аббатъ Клерво зналъ настроеніе Конрада и задался мыслью обратить его.

Обращеніе Конрада произошло при картинной обстановкѣ. Наканунѣ 1147 г. Бернардъ былъ приглашенъ отпраздновать вмѣстѣ съ Конрадомъ первый день Нового года. Послѣ торжественной мессы Бернардъ произнесъ рѣчь, которая обладала такою силою и вліяніемъ на умы, что для слушателей она казалась словомъ, исходящимъ изъ устъ Самого Спасителя. Очертивъ въ высшей степени яркими красками бѣдственное положеніе христіанъ на Востокъ, онъ отъ лица Самого Спасителя обратился со слѣдующей рѣчью къ Конраду: „О, человекъ! Я далъ тебѣ все, что я могъ дать: могущество, власть, всю полноту духовныхъ и физическихъ силъ; какое-же употребленіе ты сдѣлалъ изъ всѣхъ этихъ даровъ для службы Мнѣ? ты не защищаешь даже того мѣста, гдѣ Я умеръ, гдѣ Я далъ спасеніе душъ твоихъ; скоро язычники распространятся по всему міру, говоря, гдѣ ихъ Богъ“. — „Довольно! воскликнулъ король, проливая слезы: я буду служить Тому, Кто искупилъ меня“. Побѣда Бернарда была рѣшительна надъ неподатливостью нѣмцевъ, надъ нерѣшительностью Конрада.

Рѣшеніе Конрада III участвовать во второмъ крестовомъ походѣ отозвалось весьма живо во всей германской націи. Съ 1147 г. и въ Германіи началось такое-же удушевленное общее движеніе, какъ во Франціи. Само собою разумѣется, что это дѣло лично для славы Бернарда въ высшей степени было заманчиво; по всей Германіи ходили рассказы о силѣ и вліяніи слова его, о его рѣшительной побѣдѣ надъ кородемъ, увеличивая славу его подви-

говъ, поднимая его авторитетъ въ главахъ современниковъ. Но привлеченіе нѣмцевъ къ участию во второмъ крестовомъ походѣ было въ высшей степени вредно для исхода второго крестоваго похода. Участіе Германцевъ извѣстило дальнѣйшій ходъ всего дѣла и привело къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, которыми окончился второй крестовый походъ.

Въ XII стол. большое значеніе для успѣха всѣхъ внѣшнихъ политическихъ предпріятій имѣли союзы, симпатіи или антипатіи государствъ. Французская нація, во главѣ своего короля, выставила значительныя силы. Какъ самъ король Людовикъ VII, такъ и феодалы французскіе князья выказали много сочувствія дѣлу второго крестоваго похода; собрался отрядъ, численностью до 70 тысячъ. Цѣль, которую предстояло достигнуть второму крестовому походу, была ясно намѣчена и строго опредѣлена. Задача его состояла въ томъ, чтобы ослабить мусульскаго эмира Зенги и отвязать у него Эдессу. Эту задачу успѣшно выполнило бы и одно французское войско, состоявшее изъ хорошо вооруженной арміи, которая по пути увеличилась вдвойнѣ приставшими добровольцами. Если бы крестовосное ополченіе 1147 г. состояло изъ однихъ французовъ, оно направилось бы другимъ путемъ, болѣе краткимъ и болѣе безопаснымъ, чѣмъ тотъ, который оно избрало подъ вліяніемъ Германцевъ. Французы въ политической системѣ той эпохи представляли націю совершенно обособленную, которая своими ближайшими интересами склонялась къ Италіи. Сицилійскій король Рожеръ II и французскій король находились въ близкихъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого для французскаго короля всего естественнѣе было избрать путь черезъ Италію, откуда онъ могъ, воспользовавшись норманнскимъ флотомъ и также флотомъ торговыхъ городовъ, которые, какъ мы видѣли раньше, явились такими энергичными помощниками въ первомъ крестовомъ походѣ, удобно и скоро прибыть въ Сирію. Этотъ путь представлялся болѣе краткимъ и удобнымъ уже потому, что онъ приводилъ крестоносцевъ не во враждебныя владѣнія мусульманъ, а въ тѣ земли Сиріи и Палестины, которыя принадлежали уже христіанамъ, этотъ путь, слѣдовательно, не только не требовалъ бы отъ крестоносца никакихъ жертвъ, а напро-

тивъ обѣщаль ему вполне благопріятные результаты. Кроме того, путь черезъ южную Италію имѣлъ за собой еще то преимущество, что къ ополченію могъ присоединиться и Сицилійскій король. Лидовикъ VII, снесшись съ Рожеромъ II, готовъ былъ двинуться черезъ Италію.

Германскій король былъ носителемъ совершенно противоположныхъ политическихъ идей. Постоянное стремленіе германской націи завладѣть южной Италіей ставило каждого германскаго короля въ необходимость считать до тѣхъ поръ свою задачу неоконченною, пока онъ не побывалъ въ Италіи и въ Римѣ, не получилъ отъ папы императорской короны, а отъ итальянскаго населенія присяги на вѣрность. Съ этой стороны стремленія германскихъ королей угрожали прямо интересамъ норманнскаго элемента въ Южной Италіи и въ данную минуту интересамъ сицилійскаго короля Рожера II. Сила сицилійскаго короля была обусловлена слабымъ влияніемъ въ Италіи германскаго императора. Естественно, что Рожеръ II былъ далеко не въ благопріятныхъ отношеніяхъ съ императоромъ; между двумя народностями германской и норманнской не могло быть союза. Но въ разсматриваемую эпоху было дѣло гораздо хуже. Конрадъ менѣе всего задавался цѣлью заключать союзъ съ западно-европейскими державами; напротивъ, незадолго передъ тѣмъ, онъ заключилъ союзъ съ Византіей. Въ союзѣ германскаго короля съ византійскимъ императоромъ таилось осуществленіе той задачи, которую старался выполнить еще Алексѣй Комнинъ во время перваго крестоваго похода: германскому королю и византійскому царю представлялась полная возможность взять въ свои руки крестовое движеніе и повести его къ осуществленію своихъ задачъ. Участіе французскаго короля во второмъ крестовомъ походѣ усложняло и затрудняло разрѣшеніе этой задачи; но тѣмъ не менѣе у Конрада III и Мануила Комнина оставалась полная возможность сообща направить движеніе къ общехристіанской цѣли и играть въ этомъ движеніи главную направляющую роль.

Когда поднялся вопросъ о пути и средствахъ движенія, Германскій король предложилъ избрать тотъ путь, который шли и первые германскіе крестоносцы—на Венгрію, Болгарію, Сербію, Фракію и Македонію. Германцы настаивали на томъ, чтобы и

французскій король двинулся этимъ путемъ, мотивируя свое предположеніе тѣмъ, что лучше избѣгать раздѣленія силъ, что движеніе черезъ владѣнія союзнаго и даже родственнаго съ германскимъ королемъ государя вполне обезпечено отъ всякаго рода случайностей и неожиданностей и что съ византійскимъ царемъ начаты по этому вопросу переговоры, въ благопріятномъ результатѣ которыхъ Конрадъ не сомнѣвался.

Лѣтомъ 1147 г. началось движеніе черезъ Венгрію; Конрадъ шелъ впередъ, мѣсяцемъ позже шелъ за нимъ Людовикъ.

Рожеръ Сицилійскій, который ранѣе не заявлялъ намѣренія участвовать во второмъ крестовомъ походѣ, но который однако не могъ оставаться равнодушнымъ къ исходу его, потребовалъ отъ Людовика исполненія заключеннаго между ними договора — направить путь черезъ Италію. Людовикъ долго колебался, но уступилъ союзу съ германскимъ королемъ. Рожеръ понялъ, что если бы онъ теперь и принялъ участіе въ походѣ, то положеніе его было бы вполне изолированнымъ. Онъ снарядилъ корабли, вооружился, но не для того, чтобы оказать помощь общему движенію; онъ началъ дѣйствовать на собственный страхъ сообразно норманнской политикѣ относительно Востока; сицилійскій флотъ сталъ грабить острова и приморскія земли, принадлежащія Византіи, берега Иллирія, Далмаціи и южной Греціи. Опустошая византійскія владѣнія, сицилійскій король завладѣлъ островомъ Корфу и въ то же время, чтобы съ успѣхомъ продолжать свои морскія операціи противъ Византіи и чтобы обезпечить себя съ стороны африканскихъ мусульманъ, заключилъ съ послѣднимъ союзъ.

Такимъ образомъ крестоносное движеніе въ самомъ началѣ было поставлено въ самое неблагопріятное положеніе. Съ одной стороны западный король дѣлаетъ нападенія на византійскія владѣнія въ то самое время, когда крестоносцы подходятъ къ Константинополю; съ другой стороны составился союзъ христіанскаго короля съ мусульманами, союзъ прямо враждебный успѣху крестовыхъ походовъ. Политика норманнскаго короля тотчасъ отозвалась на отдаленномъ востоцѣ. Въ крестовомъ ополченіи участвовала масса людей, которые не желали подчиняться германскому и французскому королямъ,

не признавали надъ собою никакого авторитета. Какъ бы не желали короли благополучно довести свое войско до Константинополя, не возбуждая ропота въ туземномъ населеніи грабежами и насиліями, имъ было трудно удержать порядокъ и дисциплину въ своемъ войскѣ: добровольцы, приставшіе къ ополченію, отдѣлялись отъ войска, грабили, наносили оскорбленія и насилія жителямъ. Это не могло не поселить недоразумѣній между византійскимъ царемъ и германскимъ королемъ, начались взаимныя неудовольствія и упреки въ неисполненіи договоровъ и конвенцій. Во Фракіи дошло даже до открытыхъ столкновеній. Крестоносцы жаловались на то, что имъ несвоевременно доставлялись съѣстные припасы и фуражъ; византійцы обвиняли крестоносцевъ въ грабежѣ. Хотя византійскій царь былъ увѣренъ въ расположеніи къ себѣ Конрада, но для него не было тайной отсутствіе дисциплины въ крестовомъ войскѣ и слабый авторитетъ короля. Царь Мануэль боялся, что Конраду не удастся обуздать буйную и не покорную толпу, что эта толпа, жадная къ наживѣ, можетъ начать въ виду Константинополя грабежи и насилія и вызоветъ серьезныя смуты въ столицѣ. Поэтому Мануэль старался отстранить крестоносное ополченіе отъ Константинополя и совѣтовалъ Конраду переправиться на азіатскій берегъ Галлиполи. Это было бы дѣйствительно лучше, ибо предупредило бы много различныхъ недоразумѣній и стычекъ. Но крестоносцы силою пробившись къ Константинополю, сопровождалъ свой путь грабежами и насиліями. Въ сентябрѣ 1147 г. опасность для Византіи со стороны крестоносцевъ была серьезна: у стѣнъ Константинополя стояли раздраженные германцы, предававшіе все грабежу; черезъ двѣ-три недѣли нужно было ожидать прибытія французскихъ крестоносцевъ; соединенныя силы тѣхъ и другихъ могли угрожать Константинополю серьезными неприяностями. Въ то же время до византійскаго царя доходили извѣстія о взятіи Корфу, о нападѣніяхъ норманскаго короля на приморскія византійскія владѣнія, о союзѣ Рожера II съ египетскими мусульманами.

Подъ вліяніемъ грозившей со всѣхъ сторонъ опасности, Мануэль сдѣлалъ шагъ, который въ самомъ корнѣ подрывалъ предположенныя вторымъ крестовымъ походомъ задачи и дѣли, онъ

заключилъ союзъ съ турками-сельджуками; правда, это не былъ союзъ наступательный, онъ имѣлъ цѣлью обезопасить имперію и пригрозить латинянамъ на случай, если бы послѣдніе вздумали угрожать Константинополю. Но тѣмъ не менѣе этотъ союзъ имѣлъ весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что онъ давалъ понять сельджукамъ, что имъ придется считаться только съ однимъ западнымъ ополченіемъ. Заклячая этотъ союзъ съ иконійскимъ султаномъ, Мануилъ давалъ понять, что онъ не смотритъ на сельджуковъ, какъ на враговъ. Оберегая свои личныя интересы, онъ умышлялъ руки, предоставляя крестоносцамъ дѣйствовать на собственный рискъ собственными силами и средствами. Такимъ образомъ противъ крестоваго ополченія составилось два христіанско-мусульманскихъ союза; одинъ—прямо враждебный крестоносному ополченію—это союзъ Роланда II съ египетскимъ султаномъ, другой союзъ византійскаго царя съ инокійскимъ султаномъ—былъ не въ интересахъ крестоваго похода. Все это было причиной тѣхъ неудачъ, которыми закончился второй крестовый походъ.

Мануилъ постыдился удовлетворить Конрада и перевезъ нѣмцевъ на противоположный берегъ Босфора. Едва-ли въ это время византійскій царь и могъ обезпечить дальнѣйшій ходъ дѣла на азіатской территоріи. Крестоносцы, дали себѣ первый отдыхъ въ Никеѣ, гдѣ произошли уже серьезныя недоразумѣнія. 15-ти-тысячный отрядъ отдѣлился отъ нѣмецкаго ополченія и на собственный страхъ направился приморскимъ путемъ къ Палестинѣ. Конрадъ съ остальнымъ войскомъ избралъ тотъ путь, котораго держалось первое крестоносное ополченіе—черезъ Дорилей, Иконію, Гераклею. Въ первой сшибкѣ (26 окт. 1147 г.), происшедшей въ Кападокіи, близъ Дорилея, нѣмецкое войско, застигнутое врасплохъ, было разбито на голову, большая часть ополченія погибла или была взята въ плѣнъ, весьма немногіе воротились съ королемъ въ Никею, гдѣ Конрадъ сталъ дожидаться французовъ. Почти въ то самое время, когда Конрадъ потерпѣлъ страшное пораженіе, Людовикъ VII приближался къ Константинополю. Происходили обычныя столкновенія между французскимъ войскомъ и византійскимъ правительствомъ. Зная симпатіи между Людовикомъ VII и Роландомъ II,

Мануилъ не считалъ безопаснымъ продолжительное пребываніе въ Константинополѣ французовъ. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ и понудить рыцарей къ личной присягѣ, царь Мануилъ употребилъ хитрость. Между французами былъ пущенъ слухъ, что нѣмцы, переправившіеся въ Азію, быстро подвигаются впередъ, шагъ за шагомъ одерживаютъ блистательныя побѣды, такъ что французамъ ничего будетъ дѣлать въ Азіи. Соревнованіе французовъ было возбуждено; они требовали переправить ихъ поскорѣе черезъ Босфоръ. Здѣсь уже, на Азіатскомъ берегу, французы узнали о несчастной участи нѣмецкаго войска; въ Никеѣ свидѣлись оба короля — Людовикъ и Конрадъ и рѣшились продолжать путь вмѣстѣ, въ вѣрномъ союзѣ.

Такъ какъ путь отъ Никеи до Дорилея былъ покрытъ трупами и облитъ христіанскою кровью, оба короля желали избавить войско отъ тяжелаго зрѣлища и потому направились обходнымъ путемъ, на Адрамитій, Пергамъ и Смирну. Путь этотъ былъ чрезвычайно трудный, замедлявшій движеніе войска; выбирая этотъ путь, короли надѣялись встрѣтить здѣсь менѣе опасностей со стороны мусульманъ. Надежды ихъ однако не оправдались: турецкіе наѣзники держали въ постоянномъ напряженіи крестоносную армію, замедляли путь, грабили, отбивали людей и обозъ. Кромѣ того, недостатокъ сѣвѣстныхъ припасовъ и фуража заставилъ Людовика бросать массу вьючныхъ животныхъ и багажа. Французскій король, не предвидя всѣхъ этихъ затрудненій, взялъ съ собою многочисленную свиту; поѣздъ его, въ которомъ участвовала и его супруга Элеонора, былъ въ высшей степени блистательный, пышный, не соответствовавшій важности предпріятія, соединеннаго съ такими затрудненіями и опасностями. Крестносное ополченіе двигалось очень медленно, теряя на своемъ пути массу людей, вьючнаго скота и багажа.

Въ началѣ 1148 г. оба короля прибыли въ Ефесъ съ жалкими остатками войска, тогда какъ при переправѣ ополченія черезъ Босфоръ, Византійцы, конечно преувеличено, насчитывали его до 90 тысячъ. Въ Ефесѣ короли получили отъ византійскаго императора письмо, въ которомъ послѣдній приглашалъ ихъ въ Кон-

стантинополь отдохнуть. Конрадъ отправился морскимъ путемъ въ Константинополь, а Людовикъ, съ большимъ трудомъ добравшись до приморскаго города Аттхін, выпросилъ у Византійскаго правительства корабли и съ остатками войска въ мартѣ 1148 г. прибылъ въ Антиохію. Разсказанными событіями, можно сказать, исчерпывается весь результатъ втораго крестоваго похода; громадныя арміи королей растали подъ ударами мусульманъ; а короли—французскій и нѣмецкій, соединившіеся для одной цѣли, скоро разошлись и стали преслѣдовать противоположныя задачи.

Раймундъ Антиохійскій принялъ французовъ очень радушно: послѣдовалъ рядъ нравдествъ и торжествъ, въ которыхъ французская королева Элеонора играла первенствующую роль. Не замедлила проявиться интрига, которая не осталась безъ вліянія на общій ходъ дѣлъ: Элеонора вступила въ связь съ Раймундомъ. Само собою разумѣется, Людовикъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, униженнымъ, онъ потерялъ энергію, воодушевленіе и охоту вести начатое дѣло. Но были обстоятельства, которыя еще хуже отозвались на дѣлѣ втораго крестоваго похода. Пребываніе Конрада III въ Константинополь въ зиму 1147 — 1148 г. сопровождалось охлажденіемъ между нимъ и византійскимъ императоромъ. Весною 1148 г. Конрадъ отправился изъ Константинополя въ Малую Азію, но только не въ Антиохію для соединенія съ французскимъ королемъ, а прямо въ Іерусалимъ. Какъ для Раймунда, такъ и для Людовика было въ высшей степени непріятно извѣстіе, что Конрадъ оставилъ задачи крестоваго похода и предался интересамъ іерусалимскаго королевства. Балдуинъ III, король Іерусалима, побудилъ Конрада стать во главѣ войска, котораго Іерусалимское королевство могло выставить до 50 тысячъ, и предпринять походъ противъ Дамаска. Это предпріятіе слѣдуетъ считать въ высшей степени невѣрнымъ и ошибочнымъ, да оно и не входило въ виды 2-го крестоваго похода. Движеніе противъ Дамаска въ интересахъ іерусалимскаго княжества окончилось весьма печальными результатами. Въ Дамаскѣ, правда, находилась довольно грозная сила; но весь центръ тяжести мусульманскаго востока, вся сила, и опасность для христіанъ сосредоточивались въ это время не въ Да-

маскъ, а въ Моссулъ. Эмиръ моссульскій Зенги, а не другой кто завоевалъ Эдессу и угрожалъ остальнымъ христіанскимъ владѣніямъ. Послѣ смерти Зенги въ Моссулъ сѣдѣлъ сынъ его Нурединъ (Нур-эд-динъ), который приобрѣлъ весьма крупную, хотя и печальную извѣстность въ восточныхъ христіанскихъ лѣтописяхъ, какъ самый непримиримый и грозный врагъ Антиохіи и Триполи. Само собою разувѣется, что если его не ослабили въ 1148 г., онъ впоследствии могъ сдѣлаться грозною, роковою силою для всего восточнаго христіанства. Въ Іерусалимѣ этого не поняли. Нѣмецкій король сталъ во главѣ 50-ти тыс. арміи и направился противъ Дамаска. Это вызвало антихристіанскую коалицію: эмиръ Дамаска заключилъ союзъ съ Нурединомъ. Политика христіанъ на востокъ въ данное время, когда у нихъ не было значительныхъ военныхъ силъ, должна была быть очень осторожна; входи въ борьбу съ какииъ-бы то ни было мусульманскимъ центромъ, христіане должны были быть навѣрное, чтобы не поднимать противъ себя коалицій со стороны мусульманъ. Между тѣмъ Конрадъ и Балдуинъ III шли съ закрытыми глазами и не озаботились ознакомиться съ мѣстными условіями. Дамаскъ оказался укрѣпленнымъ сильными стѣнами и защищеннымъ значительнымъ гарнизономъ; осада Дамаска требовала продолжительнаго времени и значительныхъ усилій. Христіанское войско направило свои силы противъ той части города, которая казалась болѣе слабой. Между тѣмъ въ лагерѣ распространились слухи, что съ сѣвера на выручку Дамаска идетъ Нурединъ. Конрадъ съ горестію нѣмцевъ не терялъ надежды на сдачу Дамаска. Но въ лагерѣ христіанъ составила измѣна, которая, впрочемъ, еще недостаточно выяснена, хотя объ ней упоминается у многихъ лѣтописцевъ. Будто-бы Іерусалимскій король, патріархъ и рыцари, подкупленные золотомъ мусульманъ, распространили слухи, что Дамаскъ непобѣдимъ съ той стороны, съ которой подошли къ нему крестоносцы. Велѣдствіе этого осаждающіе перешли на другую сторону города, которая была дѣйствительно неприступна. Проведя довольно продолжительное время въ бесполезной осадѣ, угрожаемые съ сѣвера Нурединомъ, христіане должны были отступить отъ Дамаска, не достигнувъ ничего. Эта неудача тяжело

отозвался на рыцарскомъ королѣ Конрадѣ и на всемъ войскѣ. Не было охотниковъ продолжать дѣло второго крестоваго похода, т. е. идти дальше на сѣверъ и въ союзѣ съ Антиохіей вести войну противъ главнаго врага—эмира моссульскаго. Энергія и рыцарскій энтузіазмъ Конрада ослабли, и онъ рѣшилъ вернуться на родину. Осенью 1148 г. на византійскихъ корабляхъ онъ прибылъ въ Константинополь, а оттуда въ началѣ 1149 г. возвратился въ Германію, не сдѣлавъ въ сущности ничего для дѣла христіанъ на востокѣ, а, напротивъ, обезславивъ себя и нѣмецкую націю.

Людовикъ VII, какъ человекъ молодой, съ большимъ рыцарскимъ энтузіазмомъ, не рѣшился, подобно Конраду, бросить такъ скоро начатаго имъ дѣла. Но въ то же время, при затруднительности положенія, онъ не рѣшился на энергическія мѣры. Въ его свѣтѣ нашлись лица, которыя не считали окончателною задачу крестоваго похода, и считая возвращеніе назадъ дѣломъ унижительною для рыцарской чести, совѣтовали ему оставаться въ Антиохіи и ждать подкрѣпленія, т. е. прибытія новыхъ силъ съ Запада для выручки Эдессы. Но были и такіе, которые указывая на примѣръ Конрада, уговаривали короля возвратиться на родину; Людовикъ VII поддался вліянію послѣднихъ и рѣшился возвратиться. Въ началѣ 1149 г. онъ на норманскихъ корабляхъ переправился въ южную Италію, гдѣ имѣлъ свиданіе съ норманскимъ королемъ и осенью 1149 г. прибылъ во Францію.

Такимъ образомъ второй крестовый походъ, который казался такимъ блистательнымъ, такъ много обѣщавшимъ въ началѣ, сопровождался вполнѣ ничтожными результатами. Мусульмане не только не были ослаблены, а напротивъ, нанося христіанамъ одно пораженіе за другимъ, уничтожая цѣлыя крестоносныя арміи, получили большую увѣренность въ собственныхъ силахъ, энергія ихъ увеличилась, у нихъ зародились надежды на уничтоженіе христіанскаго элемента въ Малой Азіи. На Востокъ происходили рѣзкія столкновенія между нѣмецкимъ и романскимъ элементомъ. Нѣмецкое войско въ глазахъ другихъ націй было принижено своими роковыми неудачами. Уже послѣ пораженія Конрада III, нѣмцы служили предметомъ насмѣшекъ для французовъ; слѣдовательно, второй по-

ходъ показалъ, что совмѣстныя дѣйствія французовъ и нѣмцевъ на будущее время невозможны. Этотъ походъ обнаружилъ также разнь между палестинскими и европейскими христіанами. Для восточныхъ христіанъ 50-ти-лѣтнее пребываніе среди мусульманскаго элемента не прошло безслѣдно въ культурномъ отношеніи. Такимъ образомъ между поселившимися въ Азіи европейцами и прибывавшими сюда изъ Европы новыми крестоносцами обнаружилась принципиальная разнь; они взаимно стали не понимать другъ друга. Меркантильный характеръ, подкупъ, распущенность, развратъ сдѣлались отличительною чертою нравовъ палестинскихъ христіанъ.

Неудача второго крестоваго похода сильно отозвалась на французской націи, въ памяти которой долго сохраняется отзвукъ этой неудачи. Она должна была лечь пятномъ на чести церкви, въ особенности она подорвала авторитетъ св. Бернарда, а также и папы: Бернардъ поднялъ массы народа, онъ называлъ крестовый походъ дѣломъ, угоднымъ Богу, предсказывалъ хорошій исходъ. Послѣ позорныхъ неудачъ поднялся сильный ропотъ противъ Бернарда: Бернардъ не пророкъ, говорили, а лжепророкъ; а папа, давшій свое благословеніе, не представитель церкви, а антихристъ. Папа сваливалъ всю отвѣтственность на Бернарда, послѣдній говорилъ, что онъ дѣйствовалъ по приказанію папы.

Въ высшей степени интересна тенденція, возникающая къ этому времени среди романскихъ народовъ: стали взвѣшивать, особенно французы, обстоятельства перваго и втораго походовъ, стали доискиваться, какіе были недостатки ихъ организаціи и причины неуспѣха. Выводъ былъ простой: нельзя достигнуть цѣли походовъ потому, что на дорогѣ стояло схизматическое византійское царство, сначала нужно уничтожить это препятствіе. Эта тенденція, возникающая въ половинѣ XII вѣка, приобретаетъ затѣмъ все болѣе и болѣе сторонниковъ на западѣ. Благодаря постепенному распространенію этой идеи въ массы народа, четвертый крестовый походъ, въ которомъ участвовали венеціанцы, норманны и часть французы, направляется не прямо на Востокъ, а на Константинополь и достигаетъ блестящаго результата; онъ кончился взятіемъ Константинополя и подчиненіемъ Византіи латинскому элементу.

Результатомъ второго похода былъ огорченъ въ особенности молодой Людовикъ VII. Возвратившись на родину, Людовикъ пришелъ къ сознанию необходимости поправить свою ошибку, смыть пятно съ своего имени. Составленъ былъ соборъ, на которомъ снова подвергся обсужденію вопросъ о новомъ походѣ и, что очень удивительно, нашлась опять масса людей, которые, объятые религиознымъ энтузіазмомъ, вновь готовы были идти въ Св. Землю. Случилось нѣчто еще болѣе удивительное: на соборъ явился и св. Бернардъ и сталъ говорить, что предстоящій походъ будетъ уже удаченъ. На соборѣ стали раздаваться голоса, что недавній походъ былъ неудаченъ потому, что не поставили во главѣ его св. Бернарда. Явилось предложеніе поручить ему веденіе новаго похода. Папа принялъ вѣсть объ этомъ несочувственно. Онъ назвалъ самого Бернарда безумцемъ, а въ официальномъ документѣ характеризовалъ подобное отношеніе къ дѣлу, какъ глухость. Послѣ этого и Людовикъ нѣсколько охладѣлъ къ задуманному походу.

Изъ детальныхъ чертъ нужно указать еще два момента, относящіяся ко второму крестовому походу, которые показываютъ, что въ 1149 г. религиозная идея похода совершенно отступаетъ на задній планъ. Если во время перваго крестоваго похода въ нѣкоторыхъ князьяхъ еще было видно религиозное воодушевленіе, то теперь оно совершенно падаетъ. Къ эпохѣ второго крестоваго похода относятся два похода, стоящіе совершенно отдѣльно отъ главнаго движенія. Когда началось движеніе въ Св. Землю во второй разъ, нѣкоторые сѣверо-германскіе князья, какъ Генрихъ Левъ, Альбрехтъ Медвѣдь и другіе князья, сообразили, что не имѣютъ надобности искать борьбы съ новѣрными на отдаленномъ Востокѣ, что рядомъ съ ними есть масса вендовъ, языческихъ народовъ славянскаго происхожденія, которые до сихъ поръ не принимали къ себѣ христіанскихъ проповѣдниковъ. Сѣверо-германскіе князья свеслись съ Римомъ, и папа разрѣшилъ имъ направить свое оружіе противъ славянъ. Ближайшія лица—Генрихъ Левъ и Альбрехтъ Медвѣдь были мѣстныя графы, князья саксонскіе. Задача саксонскаго племени, начиная съ Карла Великаго, заключалась въ культурной и религиозной борьбѣ со славянскимъ элементомъ, сидѣв-

шимъ между Эльбой и Одеромъ. Трудно сказать, чтобы эта борьба, направлявшаяся за Эльбу и Одеръ, велась исключительно въ интересахъ религіозныхъ. Она имѣла въ виду также и цѣли чисто экономическаго характера; саксонскіе князья стремились приобрести новыя земли для колонизаціи и тѣмъ способствовать распространенію нѣмецкаго элемента на Востокъ. Разъ земля завоевана, является правитель области — маркграфъ, являются миссіонеры и колонисты. Альбрехтъ Медвѣдь былъ маркграфъ Бранденбурга, возникшаго на славянскихъ земляхъ. Для похода на славянъ составила армія, доходившая до 100 тысячъ человекъ. Представителемъ вѣндскихъ славянъ былъ въ то время князь Болричей Никлотъ, который могъ оказать нѣмцамъ лишь слабое сопротивленіе. Результатомъ похода, одобреннаго церковью, сопровождавшагося страшными жестокостями, убійствами и грабежемъ, было то, что нѣмцы приобрѣли еще болѣе прочное положеніе въ славянскихъ земляхъ. Второй моментъ, о которомъ мы упомянули, заключается въ слѣдующемъ. Часть норманнскихъ, французскихъ и англійскихъ рыцарей была занесена бурей въ Испанію. Здѣсь они предложили Альфонсу, Португальскому королю, свои услуги противъ мусульманъ и въ 1148 г. захватили Лиссабонъ. Многие изъ этихъ крестоносцевъ остались навсегда въ Испаніи, и только очень незначительная часть направилась въ Св. Землю, гдѣ принимали участіе въ неудачномъ дѣлѣ противъ Дамаска.

ГЛАВА IV.

Третій престовый походъ.

Положеніе христіанскихъ государствъ на Востоку послѣ второго крестоваго похода осталось въ томъ же состояніи, въ какомъ оно находилось до 1147 г. Ни французскій, ни германскій король ничего не сдѣлали для ослабленія Нуредина. Между тѣмъ въ самихъ христіанскихъ государствахъ Палестины замѣчается внутреннее разложеніе, которымъ и пользуются сосѣдніе мусульманскіе власти-тели. Распушенность нравовъ въ антиохійскомъ и іерусалимскомъ княжествахъ обнаруживается особенно рѣзко послѣ окончанія второго крестоваго похода. Къ несчастью, какъ въ іерусалимскомъ, такъ и въ антиохійскомъ государствахъ во главѣ правленія стоятъ женщины—въ іерусалимскомъ царица Мелезinda, мать Балдуна III, въ антиохійскомъ съ 1149 г. Констанція, вдова князя Раймунда. Начинаются придворныя интриги, престолъ окружаютъ временники, у которыхъ не доставало ни желанія, ни умѣнья стать выше интересовъ партіи. Мусульмане же, увидя безуспѣшность попытокъ европейскихъ христіанъ освободить Св. Землю, начали отступать на Іерусалимъ и Антиохію съ большею рѣшительностью; особенную извѣстность и роковое значеніе для христіанъ пріобрѣтаетъ съ половины XII столѣтія Нурединъ, эмиръ Алеппо и Моссула, стоявшій гораздо выше христіанскихъ государей по своему характеру, уму и пониманію историческихъ задачъ мусульманскаго міра. Нурединъ обратилъ всѣ свои силы противъ антиохійскаго княжества. Въ войнѣ Раймунда антиохійскаго съ Нурединомъ, которая велась въ теченіи 1147—49 г.г., антиохійцы не разъ были разбиты на голову, въ 1149 г. палъ въ одномъ сраженіи самъ Раймундъ. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ въ Антиохіи стало не лучше, чѣмъ въ Іерусалимѣ. Всѣ событія второй половины XII столѣтія на Востоку группиру-

ются главнѣйшимъ образомъ около величественной гипозантной фигуры Нуредина, котораго затѣмъ смѣняетъ не менѣе величественный Саладинъ. Владѣя Алеппо и Моссуломъ, Нурединъ не ограничивается тѣмъ, что стѣсняетъ антиохійское княжество, онъ обращаетъ вниманіе и на положеніе королевства іерусалимскаго. Еще въ 1148 г. іерусалимскій король, направивъ Конрада на Дамаскъ, сдѣлалъ большую ошибку, которая даетъ себя чувствовать сейчасъ же послѣ второго крестоваго похода. Она повлекла за собою весьма печальный исходъ: Дамаскъ, тѣнимый іерусалимскими крестоносцами, входитъ въ соглашеніе съ Нурединомъ, который дѣлается владѣтелемъ всѣхъ крупнѣйшихъ городовъ и главнѣйшихъ областей, принадлежащихъ мусульманамъ. Когда Нурединъ захватилъ въ свои руки Дамаскъ и когда мусульманскій міръ увидѣлъ въ Нурединѣ самаго крупнаго своего представителя, положеніе Іерусалима и Антиохіи постоянно висѣло на волоскѣ. Изъ этого можно видѣть, какъ непрочно было положеніе восточныхъ христіанъ и какъ оно постоянно вызывало необходимость содѣйствія со стороны Запада.

Въ то время, какъ Палестина постепенно переходила въ руки Нуредина, на сѣверѣ возрастали притязанія со стороны Византийскаго царя Мануила Комнина, который не упускалъ изъ виду вѣковой византийской политики и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы вознаградить себя на счетъ ослабѣвшихъ христіанскихъ княжествъ. Рыцарь въ душѣ, человекъ въ высшей степени энергичный, любящій славу, царь Мануилъ готовъ былъ влаться въ политику возстановленія римской имперіи въ ея старыхъ предѣлахъ. Онъ неоднократно предпринималъ походы на Востокъ, которые были для него весьма удачны. Его политика клонилась къ тому, чтобы постепенно соединить антиохійское княжество съ Византіей. Это видно между прочимъ изъ того, что послѣ смерти первой своей жены, сестры короля Конрада III, Мануилъ женится на одной изъ антиохійскихъ принцессъ. Вытекавшія отсюда отношенія должны были въ концѣ концовъ привести Антиохію подъ власть Византіи. Такимъ образомъ, какъ на югѣ вслѣдствіе успѣховъ Нуредина, такъ и на сѣверѣ, вслѣдствіе притязаній византийскаго царя, христіанскимъ княжествомъ во второй половинѣ XII ст. угрожалъ близкій конецъ.

Само собой разумеется, что трудное положеніе христіанскаго Востока не оставалось неизвѣстнымъ на Западѣ, и отношеніе византійскаго царя къ христіанамъ не могло не возбуждать ненависти къ нему со стороны западныхъ европейцевъ. Противъ Византіи такимъ образомъ все болѣе и болѣе раздавались на Западѣ враждебные голоса.

Новое направленіе дѣланъ на Востокъ далъ Саладинъ; при немъ произошло соединеніе египетскаго калифата съ багдадскимъ. Саладинъ обладалъ всѣми качествами, которыя нужны были для того, чтобы осуществить идеальныя задачи мусульманскаго міра и возстановить преобладаніе ислама. Характеръ Саладина выясняется изъ исторіи третьяго крестоваго похода, изъ его отношеній къ англійскому королю—Ричарду Львиное Сердце. Саладинъ напоминаетъ черты рыцарскаго характера, а по своей политической сообразительности онъ стоялъ далеко выше своихъ враговъ-европейцевъ. Не въ первый разъ во время третьяго крестоваго похода Саладинъ является врагомъ христіанъ. Онъ началъ свою дѣятельность еще во время втораго крестоваго похода; онъ участвовалъ въ войнахъ Зенги и Нуредина противъ христіанъ. Послѣ окончанія втораго крестоваго похода онъ отправился въ Египетъ, гдѣ приобрѣлъ большое значеніе и вліяніе на дѣла и скоро захватилъ въ свои руки высшее управленіе въ калифатѣ, поддерживая въ то же время связи и сношенія съ калифатомъ багдадскимъ.

Послѣ смерти Нуредина его сыновья затѣяли междуособную борьбу. Саладинъ воспользовался этими раздорами, явился въ Сирію съ войсками и предъявилъ свои притязанія на Алеппо и Моссулъ. Врагъ христіанъ, прославившій себя какъ завоеватель, Саладинъ соединилъ вмѣстѣ съ обширными владѣніями и грозными военными силами энергію, умъ и глубокое пониманіе политическихъ обстоятельствъ. Вокры всего мусульманскаго міра обратились на него; въ немъ покоились надежды мусульманъ, какъ на человѣка, который могъ возстановить утерянное мусульманами политическое преступленіе и возвратить отнятыя христіанами владѣнія. Земли, завоеванныя христіанами, были одинаково священны какъ для египетскихъ, такъ и для азіатскихъ мусульманъ. Религіозная идея

была столько же глубока и реальна на Востоку, сколько и на Западу. Съ другой стороны и Саладинъ глубоко понималъ, что возвращеніе этихъ земель мусульманамъ и восстановленіе силъ мусульманства Малой Азии возвыситъ его авторитетъ въ глазахъ всего мусульманскаго міра и дастъ прочное основаніе его династіи въ Египтѣ. Такимъ образомъ, когда Саладинъ захватилъ въ свои руки Алеппо и Моссулъ въ 1183 г., для христіанъ настала весьма важная задача, въ которой имъ приходилось разрѣшить весьма серьезныя задачи. Но христіанскіе князья были далеко ниже своей роли и своихъ задачъ. Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ они были окружены враждебнымъ элементомъ, они находились въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы оказывать сопротивленіе своимъ врагамъ: между отдѣльными княжествами не только не было солидарности, но они находились въ крайней деморализаціи; нигдѣ не было такого простора для интригъ, честолюбія, убійствъ, какъ въ восточныхъ княжествахъ. Примѣромъ безнравственности можетъ служить іерусалимскій патріархъ Ираклій, который не только напоминаетъ собою самыхъ дурныхъ римскихъ папъ, но во многомъ превосходилъ ихъ: онъ открыто жилъ съ своими любовницами и расточалъ на нихъ все свои средства и доходы; но онъ былъ не хуже другихъ; не лучше были князья, бароны, рыцари и духовныя лица. Припомнимъ знатнаго тамплиера Роберта С. Албанскаго, который, принявъ мусульманство, перешелъ на службу Саладина и занялъ высокое положеніе въ его войскѣ. Полная распущенность нравовъ господствовала среди тѣхъ людей, на которыхъ лежали весьма серьезныя задачи въ виду наступающаго грознаго непріятеля. Бароны и рыцари, преслѣдовавшіе свои личные эгоистическіе интересы, не считали нисколько зазорнымъ въ самые важные моменты, во время битвы, оставлять ряды христіанскихъ войскъ и переходить на сторону мусульманъ. Это абсолютное непониманіе событій было на руку такому дальновидному и умному политику, какъ Саладинъ, который вполне понялъ положеніе дѣлъ и оцѣнилъ всю ихъ важность.

Если среди рыцарей и бароновъ можно было ожидать измѣны и коварства, то и главные вожди — князья и короли были не

лучше ихъ. Въ Иерусалимѣ сидѣлъ Балдуинъ IV, человекъ, лишенный всякаго политическаго смысла и энергій, который хотѣлъ отказаться отъ своего княженія и вмѣсто себя нагнѣренъ былъ короновать своего малолѣтняго сына Балдуна V; при этомъ возникъ споръ изъ за опеки: спорили Гвидо Лузиньянъ, зять Балдуна IV и Раймундъ, графъ Триполи. Представителемъ полного произвола служить Райнальдъ Шатильонскій, который совершаетъ разбойничьи набѣги на торговые мусульманскіе караваны, шедшіе изъ Египта; мало того, что своими набѣгами Райнальдъ возбуждалъ противъ христіанъ мусульманскій элементъ, но онъ наносилъ существенный вредъ самимъ христіанскимъ княжествамъ, которыя жили этими караванами и подрывалъ въ самомъ корнѣ торговлю Тира, Сидона, Аскалона, Антиохіи и другихъ приморскихъ христіанскихъ городовъ. Во время одной изъ подобныхъ экскурсій, которыя Райнальдъ совершалъ изъ своего замка, онъ ограбилъ караванъ, въ которомъ находилась и мать Саладина. Это обстоятельство и можно считать ближайшимъ мотивомъ, вызвавшимъ столкновеніе между мусульманскимъ повелителемъ и христіанскими князьями. Саладинъ и раньше указывалъ Иерусалимскому королю на недостойные поступки Райнальда, но у короля не было средствъ, чтобы обуздать барона. Теперь, когда Саладину было нанесено оскорбленіе чести и родственнаго чувства, онъ, не взирая на перемиріе, которое было заключено между нимъ и христіанскими князьями, объявилъ христіанамъ войну не на животь, а на смерть. Событія, которыми сопровождалась эта война, относятся къ 1187 г. Саладинъ рѣшился наказать иерусалимскаго короля, какъ за поступки Райнальда Шатильонскаго, такъ и вообще за то, что онъ поддерживаетъ еще тѣнь независимаго владѣтеля. Войска его подвигались изъ Алеппо и Моссула и были сравнительно съ силами христіанъ весьма значительны. Въ Иерусалимѣ можно было набрать всего до 2 тысячъ рыцарей и до 15-ти тысячъ пѣхоты, но и эти незначительныя силы не были мѣстныя, а составлялись изъ элемента пришедшаго изъ Европы.

Въ дѣль 5 іюля 1187 года, когда рѣшилась участь всего христіанства, не обошлось въ христіанскомъ войскѣ безъ отврати-

тельной измѣны. Вблизи города Тиверіады, когда два враждебныя войска стояли одно противъ друга, готовыя вступить въ битву, многіе изъ князей, увидя, что мусульманское войско превосходить ихъ численностью, и считая сомнительнымъ и даже невозможнымъ для себя успѣхъ битвы, перобъѣжали на сторону Саладина, въ томъ числѣ и Раймундъ. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла, христіане не могли выиграть битвы: все войско христіанское было уничтожено; король іерусалимскій и князь антиохійскій попались въ плѣнь. Всѣ плѣнные были обречены Саладиномъ на смертную казнь; одному королю іерусалимскому была дарована жизнь. Ничтожная горсть христіанъ, которая спаслась отъ несчастной участи бѣгствомъ, часть горожанъ и простыхъ рыцарей, не могла принять на себя защиту христіанскихъ земель. Саладину въ короткое время удалось овладѣть всеми береговыми замками и крѣпостями, которыми владѣли христіане по берегу Средиземнаго моря. Въ рукахъ христіанъ оставался пока только одинъ Іерусалимъ, который, какъ внутреннее княжество, представлялъ собою не такой важный пунктъ въ политическомъ отношеніи, чтобы Саладинъ могъ имъ весьма дорожить; глубокой политической умъ Саладина ясно понималъ всю важность приморскихъ торговыхъ укрѣпленыхъ пунктовъ. Завладѣвъ этими пунктами (Бейрутъ, Сидонъ, Яффа, Аскалонъ), отрѣзавъ христіанъ отъ сообщенія съ западной Европой, Саладинъ безъ препятствій могъ завладѣть и внутренними пунктами. Отнимая приморскіе города, Саладинъ уничтожалъ вездѣ христіанскіе гарнизоны и замѣнялъ ихъ мусульманскими. Въ рукахъ христіанъ оставались еще, кромѣ Іерусалима, Антиохіи, Триполи и Тиръ.

Въ сентябрѣ 1187 г. Саладинъ подступилъ къ Іерусалиму. Горожане думали сопротивляться, поэтому отвѣчали уклончиво на предложеніе Саладина сдать городъ, подъ условіемъ дарованія осажденнымъ свободы. Но когда началась тѣсная осада города, христіане, лишеныя организующихъ силъ, увидѣли всю невозможность сопротивленія и обратились къ Саладину съ мирными переговорами. Саладинъ соглашался за выкупъ даровать имъ свободу и жизнь, причѣмъ мужчины платили по 10 золотыхъ монетъ, женщины

не 5, дѣти по 2. Иерусалимъ былъ взятъ Саладиномъ 2-го октября. Послѣ взятія Иерусалима онъ не могъ больше встрѣтить препятствій къ завоеванію остальныхъ христіанскихъ земель. Тиръ удержался благодаря лишь тому, что его защищаль прибывшій изъ Константинополя графъ Конрадъ изъ дома Монферратскихъ герцоговъ, отличавшійся умомъ и энергіей.

Вѣсть о томъ, что совершилось на Востоку, получена была въ Европѣ не сразу и движеніе началось на Западѣ не раньше 1188 г. Первые извѣстія о событіяхъ въ св. землѣ пришли въ Италію. Для римскаго папы въ то время не оставалось возможности колебаться. Вся церковная политика въ XII ст. оказалась ложною, всѣ средства, употребленныя христіанами для удержанія св. земли, были напрасны. Необходимо было поддержать и честь церкви и духъ всего западнаго христіанства. Не взирая ни на какія затрудненія и препятствія, папа принялъ подъ свое покровительство идею поднятія третьяго крестоваго похода. Ближайшимъ образомъ составлено было нѣсколько опредѣленій, имѣвшихъ цѣлю распространить мысль о крестовомъ походѣ по всѣмъ западнымъ государствамъ. Кардиналы, пораженные событіями на Востоку, дали папѣ слово принять участіе въ поднятіи похода и проповѣдуя его пройти босыми ногами по Германіи, Франціи и Англіи. Папа же рѣшился употребить всѣ церковныя средства къ тому, чтобы облегчить участіе въ походѣ по возможности всѣмъ сословіямъ. Для этого сдѣлано распоряженіе о прекращеніи внутреннихъ войнъ, рыцарямъ облегчена была продажа леновъ, отсрочено взысканіе долговъ, объявлено, что всякое содѣйствіе освобожденію христіанскаго Востока, будетъ сопровождаться отпущеніемъ грѣховъ.

Извѣстно, что третій походъ осуществился при обстоятельствахъ болѣе благоприятныхъ, чѣмъ первые два. Въ немъ принимаютъ участіе три коронованныя особы — императоръ германскій Фридрихъ I Барбарусса, французскій король Филиппъ II Августъ и англійскій Ричардъ Львиное Сердце. Не было въ походѣ только общей руководящей идеи. Движеніе крестоносцевъ въ Святую Землю направлялось разными путями, да и самыя цѣли вождей, участвовавшихъ въ походѣ, были далеко не одинаковы. Велѣдствіе этого

исторія третьяго похода распадается на отдѣльные эпизоды: движеніе англо-французское, движеніе германское и осада Акры. Существенный вопросъ, долго препятствовавшій французскому и англійскому королямъ прійти къ соглашенію на счетъ похода, зависѣлъ отъ взаимныхъ отношеній Франціи и Англій въ XII ст. Дѣло въ томъ, что на англійскомъ престолѣ сѣдѣли Плантагенеты, графы Анжу и Меа, получившіе англійскій престолъ вслѣдствіе брака одного изъ нихъ на наследницѣ Вильгельма Завоевателя. Всякій англійскій король, оставаясь въ то же время графомъ Анжу и Меа, герцогомъ Аквитаніи и присоединенной сюда еще Гіени, долженъ былъ давать французскому королю ленную присягу на эти земли. Ко времени третьяго похода англійскимъ королемъ былъ Генрихъ II Плантагенеть, а французскимъ Филиппъ II Августъ. Оба короля находили возможность вредить одинъ другому, благодаря тому обстоятельству, что земли ихъ во Франціи были смежны. У англійскаго короля правителями его французскихъ областей были два его сына Іоаннъ и Ричардъ. Филиппъ II заключаетъ союзъ съ ними, вооружаетъ ихъ противъ отца и не разъ ставитъ Генриха англійскаго въ весьма затруднительное положеніе. За Ричарда была сосватана сестра французскаго короля Алиса, которая жила тогда въ Англій. Разнесся слухъ, что Генрихъ II вступилъ въ связь съ невѣстой своего сына; понятно, что подобнаго рода слухъ долженъ былъ оказывать вліяніе на расположеніе Ричарда къ Генриху II. Французскій король воспользовался этимъ обстоятельствомъ и началъ раздувать вражду между сыномъ и отцомъ. Онъ подстрекалъ Ричарда и послѣдній измѣнилъ своему отцу, давъ ленную присягу французскому королю; этотъ фактъ способствовалъ только большому развитію вражды между французскимъ и англійскимъ королемъ. Было еще одно обстоятельство, препятствовавшее обоимъ королямъ подать возможно скорую помощь восточнымъ христіанамъ. Французскій король, желая зашастись значительными денежными средствами для предстоящаго похода, объявлялъ въ своемъ государствѣ особый налогъ подъ именемъ „Саладиновой десятины“. Этотъ налогъ распространялся на владѣнія самого короля, свѣтскихъ князей и даже на духовенство; никто, въ виду важности пред-

пріятія, не освобождался отъ платы „Саладиновой десятины“. Наложене десятины на церковь, которая никогда не платила никакихъ налоговъ, а сама еще пользовалась сборомъ десятины, возбуждало недовольство среди духовенства, которое и начало ставить преграду этой мѣрѣ и затруднять королевскихъ чиновниковъ въ сборѣ „Саладиновой десятины“. Но тѣмъ не менѣе эта мѣра была довольно успѣшно проведена какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, и дала много средствъ для третьяго похода.

Между тѣмъ, среди сборовъ, нарушаемыхъ войной и внутренними возстаніями, умеръ англійскій король Генрихъ II (1189 г.) и наследство англійской короны перешло въ руки Ричарда, друга французскаго короля. Теперь оба короля могли смѣло и дружно приступить къ осуществленію идеи третьяго крестоваго похода. Въ 1190 г. короли выступили въ походъ. На успѣхъ третьяго крестоваго похода оказало большое вліяніе участіе англійскаго короля. Ричардъ, человекъ въ высшей степени энергичный, живой, раздражительный, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ страсти, былъ далекъ отъ идеи общаго плана, искалъ прежде всего рыцарскихъ подвиговъ и славы. Въ самыхъ смотрахъ его къ походу слышкомъ рельефно отразились черты его характера. Ричардъ окружилъ себя блестящей свитой и рыцарями, на свое войско, по свидѣтельству современниковъ, онъ издерживалъ въ одинъ день столько, сколько другіе короли издерживали въ мѣсяць. Собираясь въ походъ, онъ все переводилъ на деньги; свои владѣнія онъ или отдавалъ въ аренду, или закладывалъ и продавалъ и такимъ образомъ дѣйствительно собралъ громадныя средства; его войско отличалось хорошимъ вооруженіемъ. Казалось-бы, что хорошія денежныя средства и многочисленное вооруженное войско должны были обезпечить успѣхъ предпріятія. Часть англійскаго войска отправилась изъ Англіи на корабляхъ, самъ же Ричардъ переправился черезъ Ламаншъ, чтобы соединиться съ французскимъ королемъ и направить свой путь черезъ Италію. Движеніе это началось лѣтомъ 1190 года. Оба короля предполагали идти вмѣстѣ, но многочисленность войска и возникшія при доставкѣ пропитанія и фуража затрудненія, заставили ихъ раздѣлиться. Французскій король шелъ впереди и въ сен-

таврѣ 1190 г. прибылъ въ Сицилію и остановился въ Мессинѣ, поджидая своего союзника. Когда прибылъ сюда и англійскій король, движеніе союзнаго войска было задержано тѣми соображеніями, что начинать походъ осенью по морю неудобно; такимъ образомъ оба войска провели осень и зиму въ Сициліи до весны 1191 года.

Пребываніе союзныхъ войскъ въ Сициліи должно было показать, какъ самимъ королямъ, такъ и окружающимъ ихъ лицамъ всю невозможность совѣстныхъ дѣйствій, направленныхъ къ одной и той же цѣли. Въ Мессинѣ Ричардъ началъ рядъ торжествъ и праздниковъ и своими поступками поставилъ себя въ ложное положеніе по отношенію къ норманнамъ. Онъ хотѣлъ распоряжаться какъ полномостный повелитель страны, причемъ англійскіе рыцари позволяли себѣ насилія и произволь. Въ городѣ не замедлило вспыхнуть движеніе, которое угрожало обоимъ королямъ; Филиппъ едва успѣлъ потушить возстаніе, явившись примиряющимъ элементомъ между двухъ враждебныхъ сторонъ. Было еще одно обстоятельство, которое поставило Ричарда въ ложное положеніе, какъ по отношенію къ французскому, такъ и германскому королямъ, это притязаніе его на норманнскую корону. Наслѣдница, норманнской короны, дочь Рожера и тетка Вильгельма II, Констанца, вышла замужъ за сына Фридриха Барбаруссы Генриха VI, будущаго германскаго императора; такимъ образомъ германскіе императоры этимъ брачнымъ союзомъ узаконили свои притязанія на норманнскую корону.

Между тѣмъ Ричардъ по прибытіи въ Сицилію заявлялъ свои притязанія на норманнскія владѣнія. Фактически онъ обосновывалъ свое право тѣмъ, что за умершимъ Вильгельмомъ II была замужемъ Іоанна, дочь англійскаго короля Генриха II и сестра самого Ричарда. Временный узурпаторъ норманнской короны, Танкредъ держалъ въ почетномъ заключеніи вдову Вильгельма. Ричардъ потребовалъ выдать ему сестру и заставилъ Танкрета дать ему выкупъ за то, что англійскій король оставитъ за нимъ фактическое обладаніе норманнской короной. Этотъ фактъ, возбудившій вражду между англійскимъ королемъ и германскимъ императоромъ, имѣлъ большое значеніе для всей послѣдующей судьбы Ричарда.

Все это ясно показало французскому королю, что ему не удастся дѣйствовать по одному плану съ королемъ англійскимъ. Филиппъ считалъ невозможнымъ, въ виду критическаго положенія дѣлъ на востокѣ, оставаться далѣе въ Сициліи и ожидать англійскаго короля; въ мартѣ 1191 г. онъ сѣлъ на корабли и переправился въ Сирію. Главная цѣль, къ которой стремился французскій король, былъ городъ Птолемаида (французская и нѣмецкая форма — Ассон, русская Акра). Этотъ городъ въ теченіе времени отъ 1187—91 г. былъ главнымъ пунктомъ, на которомъ сосредоточиваются виды и надежды всѣхъ христіанъ. Съ одной стороны къ этому городу направлялись всѣ силы христіанъ, съ другой, сюда стягивались мусульманскія полчища. Весь третій походъ сосредоточивается на осадѣ этого города; когда весной 1191 г. прибылъ сюда французскій король, казалось, что главное направленіе дѣлъ примутъ французы.

Король Ричардъ не скрывалъ, что онъ не желаетъ дѣйствовать заодно съ Филиппомъ, отношенія къ которому въ особенности охладилось послѣ того, какъ французскій король отказался отъ женитьбы на его сестрѣ. Флотъ Ричарда, отплывшаго изъ Сициліи въ апрѣлѣ 1191 года, былъ захваченъ бурей, и корабль, на которомъ ѣхала новая невѣста Ричарда, принцесса Беренгарія Наварская, былъ выброшенъ на островъ Кипръ. Островъ Кипръ находился въ это время во власти Исаака Комнина, который отложился отъ византійскаго императора того же имени. Исаакъ Комнинъ, узурпаторъ Кипра, не различалъ друзей и враговъ императора, а преслѣдовалъ свои личные эгоистическіе интересы; онъ объявляетъ свою плѣнницею невѣсту англійскаго короля. Такимъ образомъ Ричардъ долженъ былъ начать войну съ Кипромъ, которая была для него непредвидѣнна и неожиданна, и которая потребовала отъ него много времени и силъ. Овладевъ островомъ, Ричардъ заковалъ въ серебряныя цѣпи Исаака Комнина; начался рядъ торжествъ, сопровождавшихъ триумфъ англійскаго короля. Это было въ первый разъ, что англійская нація приобрѣла территориальное владѣніе на Средиземномъ морѣ. Но само собою разумѣется, что Ричардъ не могъ рассчитывать на долгое обладаніе

Кипромъ, который находился на такомъ большомъ разстояніи отъ Британіи. Въ то время, когда Ричардъ праздновалъ въ Кипрѣ свою свободу, когда онъ устраивалъ торжество за торжествомъ, въ Кипрѣ прибылъ титулярный король Іерусалима Гвидо Лузиньянъ; мы называемъ его титулярнымъ королемъ потому, что *de facto* онъ не былъ уже королемъ Іерусалима, онъ не имѣлъ никакихъ территоріальныхъ владѣній, а носилъ только имя короля. Гвидо Лузиньянъ, прибывшій въ Кипрѣ, чтобы заявить знаки преданности англійскому королю, увеличилъ блескъ и вліяніе Ричарда, который и подарилъ ему островъ Кипрѣ.

Побуждаемый Гвидо Лузиньяномъ, Ричардъ оставилъ наконецъ Кипрѣ и прибылъ къ Акрѣ, гдѣ два года вмѣстѣ съ другими христіанскими князьями принималъ участіе въ бесполезной осадѣ города. Самая идея осады Акры была въ высшей степени непрактична и прямо бесполезна. Въ рукахъ христіанъ были еще приморскіе города—Антіохія, Триполи и Тиръ, которые и могли обезпечивать имъ сообщеніе съ Западомъ. Эта идея бесполезной осады была внушена эгоистическимъ чувствомъ такихъ интригановъ, какъ Гвидо Лузиньянъ. Въ немъ возбуждало зависть, что въ Антіохіи былъ свой князь, въ Триполи—владѣль другой, въ Тирѣ сидѣлъ Конрадъ изъ дома герцоговъ Монферратскихъ, а у него, іерусалимскаго короля, не было ничего, кромѣ одного имени. Этой чисто эгоистической цѣлью и объясняется его пріѣздъ къ англійскому королю на островъ Кипрѣ, гдѣ онъ щедро расточалъ передъ Ричардомъ заявленія чувства преданности и старался расположить въ свою пользу англійскаго короля. Осада Акры составляетъ роковую ошибку со стороны дѣятелей третьяго крестоваго похода; они бились, тратили время и силы изъ за небольшого клочка земли, въ сущности никому не нужнаго, вполне бесполезнаго, которымъ хотѣли наградить Гвидо Лузиньяна.

Посмотримъ теперь, какое участіе принимали въ дѣлѣ третьяго крестоваго похода нѣмецкія силы.

Большимъ несчастіемъ для всего крестоваго похода было то, что въ немъ вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ королемъ не могъ принять участія старшій тактикъ и умный политикъ Фридрихъ

Барбарусса. Узнавъ о положеніи дѣла на востокъ Фридрихъ I началъ готовиться къ крестовому походу; но онъ началъ дѣло не такъ, какъ другіе. Онъ отправилъ посольства къ византійскому императору, къ иконійскому султану и къ самому Саладину. Отовсюду были получены благоприятные отвѣты, ручавшіеся за успѣхъ предпріятія. Если бы (подъ Акрой участвовалъ Фридрихъ Барбарусса, ошибка со стороны христіанъ была бы устранена имъ. Дѣло въ томъ, что Саладинъ обладалъ отличнымъ флотомъ, который доставлялъ ему изъ Египта всѣ припасы, а войска шли къ нему изъ средины Азіи—изъ Месопотаміи; само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ Саладинъ могъ успѣшно выдержать самую продолжительную осаду приморскаго города. Вотъ почему всѣ сооруженія западныхъ инженеровъ, башни и тараны, все напряженіе силъ, тактики и ума западныхъ королей,—все пошло прахомъ, оказалось несостоятельнымъ въ осадѣ Акры. Фридрихъ Барбарусса внесъ бы въ дѣло крестоваго похода идею практики и, по всему вѣроятію, направилъ бы свои силы туда, куда слѣдовало: войну нужно было вести внутрь Азіи, ослаблять силы Саладина внутри страны, гдѣ находился самый источникъ пополненія его войскъ.

Крестовый походъ Фридриха Барбаруссы предпринятъ былъ съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, обезпечивавшихъ возможно меньшую потерю силъ на пути черезъ византійскія владѣнія. Фридрихъ заключилъ предварительно съ византійскимъ императоромъ договоръ (въ Нюрнбергѣ), вслѣдствіе котораго ему предоставлялся свободный приходъ черезъ имперскія земли, и обезпечивалась доставка съѣстныхъ припасовъ, по установленнымъ заранѣе цѣнамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что новое движеніе латинскаго Запада на Востокъ не мало тревожило византійское правительство; въ виду неспокойнаго состоянія Балканскаго полуострова, Исаакъ Ангелъ заинтересованъ былъ въ точномъ соблюденіи договора. Еще крестовосцы не двинулись въ походъ, какъ въ Византію получено было секретное донесеніе изъ Генуи о приготовленіяхъ къ походу на Востокъ. „Я уже извѣстился объ этомъ, писалъ въ отвѣтъ Исаакъ, и принялъ свои мѣры“. Поблагодаривъ Баллуна Гверцо за эти извѣстія им-

ператоръ продолжаетъ: „и на будущее время нѣтъ радѣнїе доводить до нашего свѣдѣнїа, что узнаешь и что намъ важно знать“. Само собой разумѣется, не смотря на внѣшнїя дружественныя отношенїя, Исаакъ не довѣрялъ искренности крестоносцевъ, и въ этомъ нельзя винить его. Сербы и болгаре не только были въ то время на пути къ освобожденїю отъ власти Византїи, но угрожали уже византїйскимъ провинціямъ; не скрываемыя сношенїя съ княземъ Фридриха были во всякомъ случаѣ нарушенїемъ данной вѣрности, хотя и не предусмотрѣны были нюрнбергскими условїями. Для Византїи весьма хорошо извѣстны были намѣренїя Фридриха овладѣть далматинскими побережьями и соединить его съ землями сицилійской короны. Хотя Фридрихъ отвергъ, будто бы, предложенїя славянъ безопасно провести его по Болгарїи и не вступилъ съ ними въ наступательный противъ Византїи союзъ, но византїйцамъ вполне естественно было сомнѣваться въ чистотѣ его намѣренїи; притомъ, едва ли справедливо, что предложенїя славянъ были вполне отвергнуты, какъ это видно будетъ изъ послѣдующаго.

24 мая 1189 года императоръ Фридрихъ I Барбарусса вступилъ въ предѣлы Венгріи. Хотя король Бела III лично не рѣшился участвовать въ крестовомъ походѣ, но оказывалъ Фридриху знаки искренняго расположенїа. Не говоря уже о цѣнныхъ подаркахъ, предложенныхъ императору, онъ снарядилъ отрядъ въ 2000 человекъ, который оказалъ не малую пользу крестоносцамъ знанїемъ мѣстныхъ условїи и выборомъ путей. Черезъ пять недѣль крестоносцы были уже на границѣ владѣнїи византїйскаго императора. Прибывъ въ Браничево 2 іюля, они въ первый разъ вступили съ чиновниками императора въ прямыя сношенїа, которыя сначала казались впрочемъ удовлетворительными. Изъ Браничева лучшая дорога къ Константинополю шла по долинѣ Моравы къ Нишу, потомъ на Софію и Филиппополь. Греки будто бы, не хотѣли вести латинянъ этимъ путемъ и умышленно испортили его; но люди изъ угорскаго отряда, хорошо знавшїе пути сообщенїа, убѣдили крестоносцевъ настоять на выборѣ именно этой дороги, которую они взяли исправить и сдѣлать проѣзжей, вопреки желанїю грековъ. Замѣтимъ здѣсь, прежде всего, что крестоносцы держали путь по

землягъ, едва ли тогда вполне принадлежавшимъ Византіи. Теченіе Моравы, всего вѣроятнѣй, было уже спорнымъ между греками и сербами, иначе говоря, здѣсь не было тогда ни византійской, ни другой администраціи. Шайки разбойниковъ на собственный страхъ нападали на мелкіе отряды крестоносцевъ и безъ подстрекательства византійскаго правительства. Нужно, съ другой стороны, имѣть въ виду, что крестоносцы и сами не церемонились съ тѣми, кто понадалъ въ ихъ руки: на страхъ другимъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ они подвергали страшнымъ истязаніямъ.

Около 25 числа іюля къ Фридриху явились послы Стефана Немани, а по прибытіи въ Нишъ, 27 числа, императоръ принималъ и самого великаго жупана Сербіи. Здѣсь же, въ Нишѣ, велись переговоры съ болгарами. Ясно, что въ Нишѣ не оставалось уже византійскихъ властей, иначе они не допустили бы Стефана Немани до личныхъ объясненій съ германскимъ императоромъ, которыя, во всякомъ случаѣ, не клонились въ пользу Византіи. И если крестоносцы на пути отъ Браничева до Ниша и потомъ до Софіи подверглись неожиданнымъ нападеніямъ и терпѣли уронъ въ людяхъ и обозѣ, то, по справедливости говоря, византійское правительство едва ли должно нести за это отвѣтственность. Нужно только удивляться, почему оно ни разу не сдѣлало соответствующаго заявленія Фридриху I и не обратило его вниманія на положеніе дѣлъ на полуостровѣ. Сербы и болгары предлагали крестоносцамъ въ сущности одно и то же—союзъ противъ византійскаго императора, но въ награду за то требовали признанія новаго порядка вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Мало того, славяне готовы были признать надъ собою протекторатъ западнаго императора, если онъ согласится обезпечить за сербами сдѣланныя ими на счетъ Византіи завоеванія и присоединить Далмацію, и если Ассанія предоставлена будетъ Болгарія въ безспорное владѣніе. Въ частности, великій жупанъ Сербіи просилъ согласія императора на бракъ своего сына съ дочерью герцога Бертольда, владѣтеля Далмаціи. Хотя не было тайной, что съ этимъ брачнымъ проектомъ соединялись виды на перенесеніе владѣтельныхъ правъ надъ Далмаціей на домъ Немани, тѣмъ не менѣе, согласіе Фридриха было

получено. Это обстоятельство, въ соединеніи съ новыми перего-
ворами, имѣвшими мѣсто между германскимъ императоромъ и сла-
вянскими вождями, позволяетъ выставить нѣкоторыя сомнѣнія про-
тивъ показанія Ансберта, будто отвѣтъ Фридриха въ Нишѣ былъ
положительно отрицательнаго свойства. Имѣя дѣйствительной цѣлью
крестовый походъ, Фридрихъ, можетъ быть изъ осторожности и по
нежеланію впутываться въ новыя сложныя отношенія, уклонился
отъ прямого и рѣшительнаго отвѣта на предложенія славянъ. Но
мы увидимъ далѣе, что славянской вопросъ не разъ еще заставлялъ
его задумываться и колебаться. Будь на мѣстѣ Фридриха Робертъ
Гвискаръ, Боэмундъ или Рожеръ, событія приняли бы совершенно
иной оборотъ, и предложенія славянскихъ князей, вѣроятно, были
бы оцѣнены.

Нѣтъ причины не довѣрять словамъ Никиты Акомината, который
обвиняетъ въ недалковидности и обычной небрежности тогдашняго
логоета дрома (Иоаннь Дука) и Андроника Кантакузина, на от-
вѣтственности которыхъ лежало провести крестоносное ополченіе.
Взаимное недовѣріе и подозрѣнія питались не только тѣмъ, что
крестоносцы не получали иногда подвоза припасовъ, но и слухами,
что опаснѣйшая клизура (Sancii Basilii или Траяновы ворота),
ведущая черезъ Балканскія горы на Софію къ Филиппополю, занята
вооруженнымъ отрядомъ. Конечно, нельзя не видѣть нарушенія
нюрнбергскаго договора въ тѣхъ мѣрахъ, какія принимало визан-
тійское правительство, чтобы задержать движеніе крестоносцевъ:
порча дорогъ, запоръ клизуръ и снаряженіе наблюдательнаго отряда;
но оно старалось объяснить свои предосторожности и выражало от-
крытое неудовольствіе на сношенія Фридриха съ возмущившимися
сербами и болгарами. Такъ, когда еще крестоносцы были около
Ниша, къ нимъ явился Алексій Гидъ, который высказалъ строгое
порицаніе губернатору Браничева и обѣщалъ все устроить по же-
ланію Фридриха, если только самъ онъ запретитъ войскамъ грабить
окрестныя селенія, прибавляя, что германцы не должны имѣть ни-
какихъ подозрѣній относительно вооруженнаго отряда, стерегущаго
клизуры, ибо эта мѣра предосторожности противъ жупана Сербіи.
Когда крестоносцы подвигались къ главнѣйшей клизурѣ, ведущей

въ Филиппопольскую равнину, трудности путешествія увеличивались для нихъ болѣе и болѣе. Мелкіе отряды безпокоили ихъ неожиданными выпадами въ опаснѣйшихъ мѣстахъ; вслѣдствіе чего крестоносное ополченіе шло медленно и въ боевомъ порядкѣ. Германское посольство, отправленное въ Константинополь, по слухамъ, принято было недостойнѣйшимъ образомъ. Чѣмъ ближе крестоносцы подходили къ Македоніи, тѣмъ сильнѣе росло неудовольствіе ихъ противъ грековъ. Полтора мѣсяца шли они отъ Браничева до Софій (Средецъ); какъ натянуты были отношенія между греками и германцами, можно судить изъ того, что когда послѣдніе 13 августа достигли Софій, то нашли городъ оставленнымъ жителями; само собой разумѣется, здѣсь не было ни византійскихъ чиновниковъ, ни обѣщанныхъ припасовъ.

20 августа крестоносцы держали путь черезъ послѣднюю клизуру, которая была занята греческимъ отрядомъ; послѣдній однако отступилъ, когда крестоносцы обнаружили покушеніе проложить дорогу съ оружіемъ въ рукахъ. Къ Филиппополю подошли крестоносцы уже въ качествѣ враговъ имперіи, и съ тѣхъ поръ до конца октября отдѣльные вожди дѣлали нападенія на города и села и вели себя въ греческой землѣ совершенно какъ непрітели. Если нельзя оправдывать правительство Исаака Ангела за недовѣріе къ крестоносцамъ, то и поступки послѣднихъ не могутъ быть названы благовидными. Не довѣряя грекамъ, Фридрихъ пользовался услугами угорскихъ проводниковъ и сербскаго отряда. Какъ бы крестоносцы не желали доказать свою правоту, нельзя упускать изъ виду и показаній лицъ, для которыхъ не было повода скрывать настоящее положеніе дѣлъ. Фридрихъ не прерывалъ сношеній со славянами, которые служили ему во все время перехода черезъ Болгарію, хотя онъ не могъ не знать, что это питало подозрительность Исаака Ангела.

Осенью 1189 года, со времени занятія крестоносцами Филиппополя, еще болѣе должно было усилиться взаимное раздраженіе, такъ какъ византійскій наблюдательный отрядъ имѣлъ неоднократно столкновеніе къ крестоносцами, а послѣдніе занимали вооруженною рукою города и селенія. Тѣмъ не менѣе и къ концу осени поло-

женіе не разъяснилось, между тѣмъ Фридриху опасно было пу-
 скаться въ дальнѣйшій путь черезъ Малую Азію, не заручившись
 точными и вѣрными обѣщаніями со стороны греческаго императора.
 Для разъясненія отношеній отправлено было въ Константинополь
 новое посольство, которому поручено было сказать, приблизительно,
 слѣдующее: „Напрасно греческій императоръ не позволяетъ намъ
 идти впередъ; никогда, ни теперь, ни прежде мы не замыслили
 зла противъ имперіи. Сербскому князю, врагу греческаго импера-
 тора, который являлся къ намъ въ Нишъ, мы никогда не давали
 въ бенефицію ни Болгарію, ни другую землю, подвластную грекамъ,
 и ни съ однимъ королемъ или княземъ не замыслили ничего про-
 тивъ греческой имперіи“. Этому второму посольству удалось выру-
 чить, не безъ большихъ однако хлопотъ, первое, ранѣе того от-
 правленнаго въ Константинополь. Всѣ послы возвратились въ Фи-
 липпополь 28 октября. На слѣдующій день, въ торжественномъ
 собраніи вождей, послы дѣлали донесеніе о томъ, что они испы-
 тали въ Константинополѣ и рассказывали обо всемъ, что они видѣли
 и слышали. „Императоръ не только весьма дурно обращался съ
 ними, но безъ всякаго стѣсненія принималъ посла отъ Саладина и
 заключилъ съ нимъ союзъ. А патріархъ въ своихъ проповѣдяхъ,
 говоренныхъ по праздничнымъ днямъ, называлъ псами Христовыхъ
 воиновъ и внушалъ своимъ слушателямъ, что самый злой преступ-
 никъ, обвиненный даже въ десяти убійствахъ, получить разрѣ-
 шеніе отъ всѣхъ грѣховъ, если убьетъ сотню крестоносцевъ“. Со-
 браніе выслушало такое донесеніе передъ тѣмъ, какъ введены были
 послы византійскаго императора. Нѣтъ ничего удивительнаго, что
 переговоры не могли быть дружелюбны, на высокомерныя требо-
 ванія крестоносцевъ греческіе послы отказались отвѣчать. До чего
 могли доходить греки и крестоносцы въ чувствѣ взаимнаго раздра-
 женія и подозрительности, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій
 случай. Значительный отрядъ крестоносцевъ, слѣлавъ нападеніе на
 Градецъ, пораженъ былъ странными изображеніями, найденными въ
 церквахъ и въ частныхъ домахъ: на картинахъ были изображены
 латиняне съ сидящими у нѣхъ на спинахъ греками. Это такъ
 ожесточило крестоносцевъ, что они предали огню и церкви и дома,

перебали населеніе и безъ сожалѣнія опустошили всю эту область. По всему вѣроятію, латиняне разсвирѣпали при взглядѣ на картины страшнаго суда, въ которыхъ мѣстные живописцы, для извѣстныхъ цѣлей, могли пользоваться и западными типами. Обычай, во всякомъ случаѣ, извинительный, если бы ненависть и истеричность латинянъ къ грекамъ и безъ того не достигла крайнихъ предѣловъ. Византійское правительство имѣло полное основаніе предполагать, что сербскій князь дѣйствуетъ въ союзѣ съ Фридрихомъ, и было бы весьма трудно доказать, что Фридрихъ не обманывалъ Стефана Неманю въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Въ то время, когда крестоносцы угрожали уже самой столицѣ греческой имперіи (Адрианополь и Димотика были въ рукахъ крестоносцевъ), тылъ ихъ, защищенный сербскими войсками, былъ въ полной безопасности, такъ что они нашли возможнымъ перевести Флиппопольскій гарнизонъ въ Адрианополь.

Лѣтописцы много разъ упоминаютъ о посланъ сербскаго великаго жупана и о сношеніяхъ крестоносцевъ со славянами. Извѣстно, что труднѣе всего было удовлетворить притязанія Стефана Немани на Далмацію,—обстоятельство, которое могло вовлечь Фридриха въ неприятыя столкновенія съ норманнами и уграми. Не лишено значенія, что каждый разъ выдвигается въ переговорахъ съ сербами герцогъ Бертольдъ, тотъ самый, котораго дочь была обѣщана за сына Стефана Немани. Въ трудныя минуты, когда терялась всякая надежда на соглашеніе съ византійскимъ императоромъ, помощь славянъ была для крестоносцевъ истиннымъ благомъ, которыхъ они не могли пренебрегать на случай окончательнаго разрыва съ греками. Но такъ какъ все же оставались нѣкоторые признаки, что греческій императоръ также опасается разрыва, то славянскія посольства выслушивались по обычаю милостиво, принимаемы были на службу небольшие отряды изъ сербовъ, къ рѣшительнымъ же мѣрамъ Фридрихъ опасался прибѣгнуть во все время своего пребыванія на Балканскомъ полуостровѣ, и самые мелочные факты и указанія этого рода весьма любопытны. Въ началѣ ноября, когда крестоносцы приближались къ Адрианополю, король Бела III потребовалъ возвращенія своего отряда назадъ, и 19 ноября венгры

заявили рѣшительно, что не могутъ болѣе оставаться съ крестоносцами. Не нужно искать другихъ объясненій этому поступку со стороны венгерскаго короля, кромѣ недовольства на переговоры со славянами. Ясно, что Фридрихъ, понавъ въ Болгарію, задумалъ новыя планы, и что сношенія его со славянскими вождями совсѣмъ не входили въ соображенія венгерскаго короля, который относительно славянскаго вопроса стоялъ, конечно, на сторонѣ Византіи. На тогдашнее положеніе дѣлъ проливаетъ свѣтъ донесеніе клирика Эбергарда, посла императора Фридриха къ венгерскому королю, возвратившагося, между прочимъ, съ письмомъ отъ послѣдняго для Исаака. Письмо, правда, не заключало въ себѣ ничего важнаго: въ немъ Бела выставлялъ на видъ Исааку, какія опасности можетъ навлечь на имперію его строптивость съ крестоносцами. Но посолъ могъ личными наблюденіями иллюстрировать содержаніе письма и дать ему совершенно новое объясненіе: „Король, говорилъ онъ, весьма смущенъ и пораженъ побѣдоносными успѣхами крестоносцевъ и внесеннымъ ими въ греческую землю опустошеніемъ. Когда получена была вѣсть объ опустошеніи крестоносцами округа Димотики—король совсѣмъ пережился въ обращеніи съ посломъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не былъ такъ добръ и милостивъ, какъ прежде: посолъ не получалъ болѣе ни кормовыхъ, ни карманныхъ изъ королевской камеры“. Между другими новостями тотъ же клирикъ Эбергардъ сообщилъ, что, проходя Болгаріей, онъ нашелъ разрытыми всѣ могилы крестоносцевъ, умершихъ на пути, и что трупы вытасены изъ гробовъ и валяются по землѣ.

Къ началу 1190 г. крестоносцы продолжали еще пересылаться посольствами съ греческимъ императоромъ, но никакого согласія не могли достигнуть. Фридрихъ, кажется, серьезно думалъ воспользоваться услугами Петра, вождя болгаръ, который предлагалъ выставить къ веснѣ сорокъ тысячъ болгаръ и куманъ, съ каковыми подкрѣпленіемъ можно было бы сдѣлать попытку проложить путь въ малую Азію и помимо согласія грековъ. Но германскій императоръ долженъ былъ за это не только признать свободу Болгаріи но и обезпечить за Петромъ императорскій титулъ. Понимая важность положенія и отвѣтственность за подобный шагъ,

Фридрихъ все-таки не отказывался отъ предложенія Петра и старался предварительно оцѣнить всѣ средства, какія ему могли бы доставить славяне. Такъ, 21 января 1190 года, съ одной стороны, онъ ведетъ переговоры съ послами византійскаго императора, съ другой—освѣдомляется чрезъ посредство герцога Далмаціи о намереніяхъ и расположеніи Стефана Немани. На послѣдняго нельзя было возлагать много надеждъ, такъ какъ онъ началъ въ это время вести войну на собственный страхъ и заваять былъ предпріятіями на границѣ Сербіи и Болгаріи.

Есть возможность объяснить до нѣкоторой степени мотивы, по которымъ Фридрихъ и въ январѣ 1190 г. колебался еще принять на себя задачу разрѣшенія славянскаго вопроса, на которую наталкивали его обстоятельства. Для него оставалась еще надежда, устранивъ помощь славянъ, которая сопряжена была съ неприятными и тяжелыми обстоятельствами, получить къ веснѣ вспоможеніе изъ Европы. Въ этихъ соображеніяхъ онъ писалъ къ своему сыну Генриху: „Поселку я не надѣюсь совершить переправу черезъ Босфоръ, развѣ только получу отъ императора Исаака избранныйшихъ и родовитыхъ заложниковъ или подчиню своей власти всю Романію, то я прошу твое королевское величество послать нарочитыхъ пословъ въ Геную, Венецію, Антиохію и Пизу, и въ другія мѣста и отправить на корабляхъ вспомогательныя отряды, чтобы они, подошедъ къ Цареграду въ мартъ мѣсяцъ, начали осаду города съ моря, когда мы окружимъ его съ суши“. Къ половинѣ февраля отношенія, однако, уладилась: 14 февраля, въ Адрианополѣ, подписаны были Фридриховы условія, на которыхъ византійскій императоръ соглашался дозволить крестовосцамъ переправу въ Малую Азію.

Пребываніе Фридриха I въ Болгаріи, во всякомъ случаѣ, было не бесполезно для болгаръ и сербовъ. Первые, поощряемые германскимъ императоромъ, нарушили миръ, заключенный прежде съ греками, и хотя обманулись въ надеждѣ тѣснить грековъ заодно съ нѣмцами, тѣмъ не менѣе, не безъ выгоды для себя воспользовались замѣшательствами въ Константинополѣ, и въ послѣдующей борьбѣ съ Византіей приняли рѣшительно наступательныя дѣйствія.

Сербы, значительно распространивъ въ то же время свои владѣнія къ сѣверо-востоку до Моравы и къ юго-западу до Софіи, пришли къ сознанию важности одновременныхъ дѣйствій съ болгарами: они заключили союзъ съ Петромъ и Асеномъ и вѣли съ тѣхъ поръ одно и то же съ ними дѣло. Какъ бы уклончивы ни были обѣщанія Фридриха I, все же онъ не прерывалъ переговоровъ со славянами и пыталъ въ нихъ враждебное къ Византіи настроеніе. Пусть онъ не заключалъ ни съ болгарами, ни съ сербами договора, который бы обязывалъ тѣхъ и другихъ выставить къ веснѣ 60.000 войска (со стороны болгаръ сорокъ и отъ сербовъ двадцать тысячъ); но войска были собраны и безъ участія крестоносцевъ начали отвоевывать у Византіи города и области. Промешствіе крестоносцевъ сопровождалось всѣми послѣдствіями непріятельскаго вторженія, вызвавъ въ Болгаріи новыя элементы недовольства византійскимъ правительствомъ: бѣдныя, голодныя, лишеныя домовъ и достатковъ поселяне должны были пристать къ болгарскимъ или сербскимъ вождямъ.

Переправа крестоносцевъ черезъ Босфоръ началась 25 марта 1190 года.

Путь Фридриха шель по западнымъ областямъ Малой Азіи, частію разореннымъ, вслѣдствіе войнъ съ сельджуками, частію занятымъ этими послѣдними. Туркменскіе отряды безпокоили крестоносцевъ и заставляли ихъ постоянно быть на-сторожѣ. Въ особенности христіане страдали отъ недостатка продовольствія и корма для вьючныхъ животныхъ. Въ маѣ они подошли къ Иконіи, одержали значительную побѣду надъ сельджуками и вынудили ихъ дать провіантъ и заложниковъ. Но въ Киликіи нѣмецкое войско постигло несчастье, погубившее все ихъ предпріятіе. 9 іюня, при переходѣ черезъ горную рѣку Салефъ, Фридрихъ увлеченъ былъ потокомъ и вытащенъ изъ воды бездыханнымъ.

Значеніе Фридриха вполне оцѣнилъ Саладинъ и со страхомъ ожидалъ прибытія его въ Сирію. Въ самомъ дѣлѣ Германія, казалась, готова поправить всѣ ошибки прежнихъ походовъ и возстановить на Востокъ достоинство нѣмецкаго имени, какъ неожиданный ударъ уничтожилъ всѣ добрыя надежды. Часть нѣмец-

каго отряда отказалась отъ продолженія похода и возвратилась морскимъ путемъ въ Европу, часть подъ предводительствомъ герцога Фридриха Швабскаго вступила въ антиохійское княжество и затѣмъ осенью 1190 года жалкіе остатки нѣмцевъ соединились съ христіанскимъ войскомъ подъ Акрой, гдѣ имъ не пришлось играть важной роли.

Съ 1188 по 1191 гг. христіанскіе князья приходили подѣ стѣны Акры одинъ по одному; не было ни одного момента, когда бы всѣ наличныя силы христіанъ, приходившія съ запада, сосредоточились здѣсь въ одно время. Часть христіанъ, прибывшая подѣ Акру, погибала подѣ ударами мусульманъ, отъ болѣзней и голода; ее замѣнялъ другой отрядъ и въ свою очередь подвергался той же участи. Кромѣ этого, для христіанъ представлялась масса другихъ затрудненій, которыя тяжело отзвывались на ходѣ всего дѣла. Христіане осаждали городъ съ моря — единственная часть города, на которую они могли направить свои осадныя орудія. Внутренняя земля была занята войсками Саладина, который удобно и легко сносился съ Месопотаміей, служившей для него источникомъ подновленія его военныхъ силъ. Такимъ образомъ, христіане приходять подѣ Акру одинъ по одному, подставляя себя подѣ удары мусульманъ, никогда не соединяють своихъ силъ, между тѣмъ какъ Саладинъ постоянно обновлялъ свои войска свѣжими приливами мусульманъ изъ Месопотаміи. Ясно, что христіане находились въ весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, Саладинъ могъ долго и энергично отстаивать Акру. Кромѣ того, для осады города нуженъ былъ строительный лѣсъ; вблизи христіане нигдѣ не могли достать его, а должны были доставать строительный матеріалъ изъ Италіи.

Въ войнѣ попеременно принимали перевѣсъ, то итальянцы, въ особенности приморскіе города — Венеція, Генуя и Пиза, торговые интересы которыхъ на Востокъ заставляли ихъ принимать большое участіе въ дѣлѣ крестовыхъ походовъ, то французы, то нѣмцы, то англйчане, смотря по тому, какой народъ въ данный моментъ былъ въ болѣе значительномъ количествѣ. Къ этому неудобному положенію присоединилось еще соперничество восточныхъ вождей.

Гвидо Лузиньянъ былъ во враждѣ съ Конрадомъ Монферратскимъ. Ихъ соперничество раздѣлило и крестоносный лагерь на двѣ враждебныя партіи: итальянскіе народы сосредоточились около тирскаго князя, англичане приняли сторону Гвидо. Такимъ образомъ дѣло при Акрѣ не только по своей цѣлк, но и по отношенію между народами, участвовавшими въ немъ, не могло окончиться благоприятнымъ образомъ для христіанъ. Неудобства въ доставкѣ дѣса замедляли предпріятіе, а несовременная доставка, а иногда и недостатокъ съѣстныхъ привасовъ, голодъ и моровая язва ослабили христіанское войско.

Лѣтомъ 1191 года подъ Акру пришли французскій и англійскій короли, на которыхъ много возлагали надеждъ восточные христіане. Кромѣ этихъ двухъ королей, пришло еще одно коронованное лицо — герцогъ австрійскій Леопольдъ. Теперь можно было ожидать, что дѣло пойдетъ надлежащимъ путемъ, по опредѣленному плану. Но, къ сожалѣнію, такого плана не было выработано представителями христіанскихъ націй. Личныя отношенія французскаго и англійскихъ королей, наиболѣе важныхъ лицъ по своимъ военнымъ силамъ, выяснились еще въ Мессинѣ: они разстались, если не врагами, то и не друзьями. Когда же Ричардъ овладѣлъ Кипромъ, французскій король предъявилъ претензіи на часть завоеваннаго острова, въ силу договора, заключеннаго между ними еще во время сборовъ въ походъ—договора, по которому оба короли обязались раздѣлять между собою поровну всѣ земли, которыя они завоюютъ на Востокѣ. Ричардъ не признавалъ за французскимъ королемъ правъ на Кипръ: „договоръ говорилъ онъ, касался только земель, которыя будутъ завоеваны у мусульманъ“. Подъ Акрой недоразумѣнія двухъ королей получили болѣе острый характеръ. Вы видѣли, что Ричардъ, находясь въ Кипрѣ, высказался въ пользу Гвидо Лузиньяна; Филиппъ Августъ сталъ на сторонѣ Конрада Монферратскаго, который, можетъ-быть, пріобрѣлъ симпатіи французскаго короля геройской защитой Тира, но, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ Филиппомъ руководила личная неприязнь къ Ричарду. Такимъ образомъ ни французскій, ни англійскій король не были способны соединить свои силы и дѣйствовать

по одному плану. Личные характеры королей также разъединяли ихъ. Рыцарскій характеръ Ричарда былъ весьма сочувственъ для Саладина; тотчасъ обнаружилась симпатія между мусульманскимъ повелителемъ и англійскимъ королемъ, они начали пересылаться посольствами, оказывать другъ другу знаки вниманія. Такое поведеніе Ричарда отозвалось неблагопріятнымъ образомъ на его авторитетъ среди христіанъ; въ войскѣ утвердилась мысль, что Ричардъ готовъ измѣнить. Такимъ образомъ, въ Ричардѣ была парализована вся его сила, вся мощь и энергія; въ то же время французскій король не обладалъ личной энергіей настолько, чтобы перенести на себя главное направленіе осады. Такимъ образомъ, всѣ преимущества, всѣ благопріятныя условія были на сторонѣ Саладина.

Въ іюль Акра доведена была до истощенія, и гарнизонъ началъ договариваться о сдѣлѣ. Саладинъ не прочь былъ заключить миръ, но со стороны христіанъ были предложены слишкомъ суровыя условія: христіане потребовали сдачи Акры, мусульманскій гарнизонъ города получить свободу только тогда, когда христіанамъ будутъ возвращены Іерусалимъ и другія завоеванныя Саладиномъ области, кромѣ того, Саладинъ долженъ былъ дать 2 тысячи заложниковъ изъ знатныхъ мусульманъ. Саладинъ, повидимому, соглашался на всѣ эти условія. Христіанскіе князья, въ виду скорой сдачи города, стали зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ городѣ не были доставляемы съѣстные припасы. 12 іюля 1191 года Акра была сдана христіанамъ. Исполненіе предварительныхъ условій мира скоро встрѣтило препятствіе. Между тѣмъ, при занятіи Акры среди христіанъ имѣли мѣсто весьма тяжелыя недоразумѣнія. Герцогъ австрійскій, войдя въ городъ, посмѣшилъ выставить нѣмецкое знамя. Ричардъ велѣлъ сорвать его и замѣнить своимъ; это было сильнымъ оскорбленіемъ для всего нѣмецкаго войска; съ этого времени Ричардъ приобрѣлъ себѣ въ лицѣ Леопольда непримиримаго врага. Кромѣ того, западные князья поставили себя въ ложное отношеніе къ туземному населенію города. При самомъ завладѣніи Акры оказалось, что значительная часть городского населенія состояла изъ христіанъ, которые, подъ владычествомъ мусульманъ, пользовались различнаго рода привилегіями. По осво-

божденіи Акры: отъ мусульманъ, какъ французамъ, такъ и англичанамъ хотѣли захватить побольше власти въ городѣ и начали притѣснять населеніе; короли не заботились о томъ, чтобы были исполнены со стороны мусульманъ другіе пункты договора. Французскій король дошелъ до крайняго раздраженія; неприязнь Филиппа къ Ричарду разводила слухи о томъ, что англійскій король замышляетъ продать все христіанское войско мусульманамъ и даже готовится посягнуть на жизнь Филиппа. Раздраженный Филиппъ оставилъ Акру и отаравился домой. Само собою разумѣется, что преждевременное возвращеніе французскаго короля наносило чувствительный ущербъ дѣлу крестоваго похода. Заправляющая роль оставалась за Ричардомъ, который со своимъ пылкимъ рыцарскимъ характеромъ, лишенный политическаго чутья, являлся слабымъ соперникомъ Саладина, умнаго и хитраго политика.

Во время осады Акры бременскіе и любекскіе купцы, по призыву другихъ военно-религіозныхъ орденовъ, возникшихъ во время I крестоваго похода, устроили на свои средства братство, которое имѣло цѣлью оказывать помощь бѣднымъ и больнымъ нѣвцамъ. Герцогъ Фридрихъ Швабскій принялъ это братство подъ свое покровительство и исходатайствовалъ въ пользу его папскую грамоту. Это учрежденіе впоследствии получило военный характеръ и извѣстно подъ именемъ Тевтонскаго ордена.

Филиппъ, пріѣхавшій во Францію, началъ мстить англійскому королю въ его французскихъ владѣніяхъ. Англійскимъ королевствомъ управлялъ тогда братъ Ричарда Іоаннъ (будущій англійскій король Іоаннъ Безземельный), съ которымъ Филиппъ вошелъ въ сношенія. Дѣйствія Филиппа, направленные ко вреду Ричарда, были прямымъ нарушеніемъ договора, заключеннаго ими во время сборовъ къ крестовому походу. По этому договору французскій король во все время отсутствія англійскаго короля не имѣлъ права нападать на его владѣнія и могъ объявить ему войну только спустя 40 дней послѣ возвращенія Ричарда изъ похода. Излишне говорить о томъ, что нарушеніе договора со стороны Филиппа и его посягательства на французскія владѣнія Ричарда должны были вредно вліять на духъ англійскаго короля.

Ричардъ, оставаясь въ Акрѣ, ожидалъ исполненія со стороны Саладина остальныхъ пунктовъ мирнаго договора. Саладинъ отказался возвратити Иерусалимъ; не освобождалъ плѣнниковъ и не платилъ военныхъ издержекъ. Тогда Ричардъ сдѣлалъ одинъ шагъ, который напугалъ всѣхъ мусульманъ и который долженъ считаться самымъ характернымъ для той печальной славы, которую приобрѣлъ Ричардъ на Востокѣ. Ричардъ велѣлъ заколотъ до 2 тысячъ знатныхъ мусульманъ, которые находились въ его рукахъ, въ качествѣ заложниковъ. Такого рода факты были необычнымъ явленіемъ на Востокѣ и вызвали только со стороны Саладина озлобленіе. Саладинъ не замедлилъ отвѣтити тѣмъ же.

Ричардъ не предпринимаетъ никакихъ рѣшительныхъ и правильныхъ дѣйствій противъ Саладина, а ограничивается мелкими нападеніями. Эти набѣды съ цѣлью грабежа характеризуютъ, правда, рыцарское время, но въ приложеніи къ главѣ крестоноснаго ополченія, который представлялъ интересы всей христіанской Европы, обличали только неумѣнье взяться за дѣло. Разъ Саладинъ пожертвовалъ Акрой, христіане не должны были допустить его укрѣпиться въ другомъ мѣстѣ, а должны были тотчасъ идти на Иерусалимъ. Но Гвидо Лузиньянъ, этотъ номинальный король безъ королевства, вражду котораго къ Конраду Монтеферратскому можно объяснить только завистью, уговаривалъ Ричарда очистить отъ мусульманъ прежде всего береговую полосу; Гвидо Лузиньянъ поддерживали также и венеціанцы, преслѣдовавшіе торговые цѣли: для нихъ было удобнѣе, чтобы приморскими городами владѣли христіане, а не мусульмане. Ричардъ, поддавшись этому вліянію, двинулся изъ Акры на Аскалонъ, предпріятіе совершенно бесполезное, которое было внушено торговыми интересами итальянскихъ городовъ и честолюбіемъ Гвидо.

Самъ Саладинъ не ожидалъ подобнаго безсмысленнаго шага со стороны Ричарда; онъ рѣшился на экстренное средство; велѣлъ срыть крѣпкія стѣны Аскалона и превратить въ груду камней самый городъ. Всю осень 1191 г. и весну 1192 г. Ричардъ стоялъ во главѣ крестоноснаго ополченія. Все это время онъ потерялъ въ преслѣдованіи ложныхъ плановъ и ненужныхъ задачъ и далъ

счесть своему талантливому противнику, что онъ имѣеть дѣло съ человѣкомъ весьма не дальновиднымъ. Не разъ для Ричарда представлялась совершенно ясно задача—идти прямо на Иерусалимъ; само войско его сознавало, что оно не исполняло еще своей задачи и побуждало короля къ тому же. Три раза онъ былъ уже на пути къ Иерусалиму, три раза сумасбродныя идеи заставляли его останавливать маршъ и двигаться назадъ.

Къ началу 1192 года въ Азію пришли извѣстія изъ Франціи, которыя сильно подѣйствовали на Ричарда. Въ то же самое время на Востокъ имѣлъ мѣсто одинъ фактъ, который внушилъ Ричарду опасенія за исходъ предпріятія. Конрадъ Монферратскій понималъ, что при безтактности Ричарда, едва ли христіанамъ удастся побѣдить Саладина, перешелъ на сторону послѣдняго, выговаривалъ у него для себя Тиръ и Акру и общалъ за это соединиться съ нимъ и однимъ ударомъ уничтожить Ричарда. Тогда Ричардъ, поставленный въ высшей степени затруднительное положеніе дѣлами на Востокъ, и безпокоясь за свои англійскія владѣнія, которымъ угрожалъ французскій король, употребилъ все средства для того, чтобы войти въ сношенія съ Саладиномъ. Въ мечтательномъ самообманѣ онъ составилъ вполне неосуществимый планъ. Онъ предложилъ Саладину соединиться съ нимъ узами родства: онъ предлагалъ выдать свою сестру Иоанну за брата Саладина Мадокъ-Аделя. Идея въ высшей степени мечтательная, и не могущая удовлетворить никого. Если бы даже и могъ состояться подобнаго рода бракъ, то онъ не удовлетворялъ бы христіанъ: земли, священныя (для нихъ, попрежнему остались бы въ рукахъ мусульманъ).

Наконецъ, Ричардъ, который, оставаясь долѣе въ Азіи, рисковалъ потерять свою корону, заключилъ 1 сент. 1192 года договоръ съ Саладиномъ. Этотъ постыдный для чести Ричарда миръ оставлялъ за христіанами небольшую береговую полосу отъ Яффы до Тира, Иерусалимъ оставался во власти мусульманъ, св. крестъ не возвращенъ. Саладинъ даровалъ христіанамъ миръ на три года. Въ это время они могли свободно приходять на поклоненіе св. мѣстамъ. Черезъ три года христіане обязывались войти въ новыя

соглашенія съ Саладиномъ, которыя, само собою разумѣется, должны были быть хуже предыдущихъ. Этотъ безславный миръ легъ тяжелымъ обвиненіемъ на Ричарда. Современники подозрѣвали его даже въ измѣнѣ и предательствѣ; мусульмане упрекали его въ чрезмѣрной жестокости. Въ октябрѣ 1192 г. Ричардъ оставилъ Сирію. Для него однако возвращеніе въ Европу представляло не малыя затрудненія, такъ какъ у него вездѣ были враги. Послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшился высадиться въ Италиі, откуда предполагалъ пробраться въ Англію. Но въ Европѣ сторожили его всѣ враги, которыхъ не мало имѣлъ Ричардъ (онъ былъ въ ссорѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ королями и оскорбилъ нѣмецкое знамя въ Акрѣ). Около Вѣны онъ былъ узнанъ, схваченъ и заключенъ Герцогомъ Леопольдомъ въ тюрьму, гдѣ содержался около двухъ лѣтъ. Только подъ вліяніемъ угрозъ папы и сильнаго возбужденія англійской націи, онъ получилъ свободу.

Г Л А В А V.

Четвертый крестовый походъ.

Четвертый походъ имѣетъ особенное значеніе въ исторіи и занимаетъ исключительное положеніе въ литературѣ. Не говоря уже о томъ, что въ четвертомъ крестовомъ походѣ на первый планъ ясно выступаетъ не религіозная, а политическая идея, онъ отличается хорошо обдуманнѣмъ и искусно проведеннѣмъ планомъ. Направленный противъ Византійской имперіи и завершившійся завоеваніемъ Константинополя и раздѣленіемъ имперіи, этотъ походъ является выраженіемъ долго скрываемой вражды и удовлетвореніемъ того настроенія, которое воспитали въ западно-европейцахъ первые крестовые походы. Больше всѣхъ въ этомъ походѣ выиграли романскіе народы. Историческая роль Франціи на Востокъ начинается именно съ 1204 года. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ западно-европейской литературѣ событіямъ четвертаго крестоваго похода отводится много мѣста и что по спеціальной обработкѣ въ общемъ и въ частностяхъ онъ занимаетъ исключительное положеніе.

Какъ блестящая страничка исторіи, бьющими въ глаза красками рисующаго картину отношеній Запада къ Востоку, какъ эпизодъ, вносящій новыя черты въ характеристику борьбы между западной и восточной церковью, четвертый крестовый походъ имѣетъ преимущественное право на вниманіе русскаго образованнаго читателя. Паденіе Царегграда въ 1204 году и основаніе латинскихъ княжествъ въ областяхъ Византійской имперіи имѣло непосредственное отношеніе къ Россіи, такъ какъ служило осуществленіемъ за-

вѣтнихъ плановъ римскаго папы по отношенію къ православному Востоку. Сохранилось письмо папы Иннокентія III къ русскому духовенству, написанное по завоеваніи Константинополя, въ которомъ ставилось на видъ, что подчиненіе Риму Византійской имперіи должно сопровождаться обращеніемъ въ католичество и всей Россіи.

Чтобы ввести въ кругъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ событіями четвертаго крестоваго похода, находимъ необходимымъ предпослать очеркъ литературной исторіи этого похода. До половины нынѣшняго столѣтія главнымъ источникомъ, изъ котораго черпались извѣстія по исторіи четвертаго похода, служилъ французскій авторъ Вильгардуэнъ, маршалъ Шампани, участникъ и важный дѣятель въ описанныхъ имъ событіяхъ. Прекрасныя качества его труда, въ основаніе котораго положенъ его собственный дневникъ, обусловили за его произведеніемъ громкую извѣстность и почти не подвергавшійся сомнѣніямъ авторитетъ достовѣрности, хотя въ его исторіи нѣтъ причинной связи между событіями, факты не вытекаютъ одинъ изъ другого, а часто поражаютъ неожиданностью. Спеціальная разработка исторіи четвертаго похода началась съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ высказано было сомнѣніе по отношенію къ Вильгардуэну, причемъ подверглась повѣркѣ его *теорія случайностей*.

Въ 1861 г. французскій ученый Масъ-Латри (Mas-Latrie) въ своей исторіи острова Кипра посвятилъ нѣсколько страницъ событіямъ четвертаго крестоваго похода. Здѣсь въ первый разъ авторитетъ Вильгардуэна былъ подвергнутъ колебанію, причемъ въ первый разъ было высказано и поддержано оригинальное мнѣніе, что направленіе четвертаго крестоваго похода на Византію, а не на Египетъ и въ Св. Землю вызвано было коварною политикою и измѣною общехристіанскому дѣлу со стороны Венеціи. Венеціанскій дожъ Генрихъ Дандоло вступилъ въ тайный договоръ съ египетскимъ султаномъ и продалъ ему интересы всего христіанскаго ополченія. Масъ-Латри, колебля авторитетъ Вильгардуэна, сослался на продолжателей Вильгельма Тирскаго, на которыхъ прежде мало обращали вниманія. Свидѣтельство это интересно въ томъ отноше-

ни, что прямо и просто объясняетъ измѣненіе направленія крестоваго похода измѣной Венеціанской республики, которую тайно отъ крестоносцевъ подкупила египетскій султанъ. „Когда Малекъ-Адель, братъ Саладина, услышалъ, что христіане наняли флотъ, чтобы идти въ Египетъ, онъ прибылъ въ Египетъ и сосредоточилъ здѣсь свои силы. Потомъ избралъ пословъ, ввѣрилъ имъ значительныя денежныя суммы и послалъ въ Венецію. Дожу и венеціанцамъ предложены были большіе подарки. Посламъ приказано было сказать, что если бы венеціанцы согласились отвлечь христіанъ отъ похода на Египетъ, то султанъ далъ бы имъ торговыя привилегіи въ Александрію и большую награду. Послы отправились въ Венецію и сдѣлали то, что имъ было поручено“.

Чтобы поддержать справедливость этого свидѣтельства, Масъ-Латри указалъ на торговыя интересы республики, на ея морское могущество, на то, наконецъ, что въ XII вѣкѣ она стремится къ преобладанію на морѣ. Далѣе онъ доказывалъ, что Вильгардуэнъ былъ обманутъ венеціанцами и не понималъ внутреннихъ причинъ, руководившихъ событіями. Но главное доказательство противъ Вильгардуэна было документальное. Масъ-Латри нашелъ въ венеціанскихъ архивахъ нѣсколько документовъ, касающихся договора султана съ Венеціей, именно—рядъ привилегій, данныхъ венеціанцамъ Малекъ-Аделомъ въ періодъ отъ 1205—1217 г.г. По его мнѣнію эти торговыя привилегіи были слѣдствіемъ тайнаго договора Венеціанцевъ съ султаномъ и должны быть разсматриваемы, какъ плата за измѣну христіанскому дѣлу. Съ этой точки зрѣнія если придать полное значеніе второму свидѣтельству, дѣло IV крестоваго похода представляется остроумной сдѣлкой, ловкой политической игрою, въ которой крестоносцы были шапками. (Въ 1867 году появился 85 т. „Энциклопедіи Эрша и Грубера“, посвященный Греціи и Византіи и принадлежащій перу Карла Голфа. Приступая къ изложенію IV крестоваго похода, Голфъ (стр. 184) предупреждаетъ читателя: „если въ исторіи этого похода нное разсказано иначе, чѣмъ у моихъ предшественниковъ, то это обуславливается какъ новыми документами, мною найденными, такъ и новыми источниками, между которыми можно указать на русскую лѣ-

топись и на Роберта де Кларк⁴. Мнѣніе его объ измѣнѣ венеціанцевъ высказывается на стр. 188. Онъ такъ говоритъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ въ Венеціи: „такъ какъ въ Венеціи не могли помѣститься всѣ крестоносцы, то имъ назначенъ былъ для лагерной стоянки островъ Лидо, куда привозили изъ города продовольствіе. Страхъ смѣнялся новыми надеждами. Передавали изъ устъ въ уста дурныя вѣсти, будто султанъ Малекъ-Адель послалъ къ Дандоло и къ венеціанскимъ купцамъ пословъ съ богатыми подарками и предлагалъ имъ выгодныя привилегіи, если они согласятся отклонить крестоносцевъ отъ похода въ Египетъ. Высказывалось опасеніе, что крестоносцы попали въ западню, что необходимость заставить ихъ, можетъ быть, вмѣсто достиженія священныхъ цѣлей, обратиться къ мірскимъ дѣламъ и—что еще хуже—вести войну съ христіанскими народами. Имѣли ли основаніе эти слухи, или только томительная неизвѣстность навѣвала эти страхи? Мы въ состояніи, наконецъ, пролить свѣтъ на этотъ темный вопросъ. Вскорѣ послѣ того, какъ Венеція договорилась съ французскими баронами предпринять походъ противъ Малекъ-Аделя, можетъ быть, вслѣдствіе приглашенія этого послѣдняго, отправились въ Каиръ посланцы Мартино Дандоло и Доменико Микіели, которые весьма ласково были приняты султаномъ и вступили съ нимъ въ соглашеніе. Между тѣмъ какъ крестоносцы томились ожланіемъ на островѣ Лидо, когда имъ можно будетъ идти на войну съ невѣрными, венеціанскіе послы 13 мая 1202 г. дѣйствительно заключили торговый договоръ, въ силу котораго, кромѣ другихъ привилегій, венеціанцамъ гарантированъ былъ особый кварталъ въ Александріи. Для ретификаціи договора посланъ былъ въ Венецію эмиръ Саадеддинъ. Выгодныя условія, предложенныя Малекъ-Аделемъ, рѣшили судьбу крестоваго похода. Искусственное зданіе благочестивыхъ надеждъ, лелѣмыхъ папой Иннокентіемъ III и опиравшихся на цвѣтъ французскаго рыцарства, рушилось разомъ. Побѣду одержали политическіе интересы. Вмѣсто борьбы за дѣло креста, состоялась совсѣмъ иная экспедиція, кончившаяся разрушеніемъ Греціи и утвержденіемъ всесвѣтнаго торговаго могущества Венеціи. Рѣшеніе дѣлу далъ старый дожъ; онъ послѣдовательно,

безъ колебаній осуществилъ вполнѣ то предпріятіе, которое уже давно таилъ въ своей гордой душѣ. Не напрасно Венеція снарядила флотъ, какого лагуны не видали до того времени; снаряженый предпримчивыми и воинственными крестоносцами, этотъ флотъ представлялся непобѣдимымъ⁴.

Гонфъ, какъ видно, рѣшительно беретъ сторону Масъ-Латри и, ослабляя авторитетъ Вильгардуэна, ссылается на новый документъ, повидимому, неизвѣстный Масъ-Латри, именно—договоръ венеціанскихъ пословъ съ султаномъ, помѣчая его 13 мая 1202 г. Если такъ, то понятно, вопросъ объ измѣнѣ Венеціи рѣшается вполнѣ. Но къ сожалѣнію, Гонфъ не сдѣлалъ подробныхъ указаній, гдѣ находится открытый имъ документъ и можетъ ли онъ быть признанъ вполнѣ достовѣрнымъ, благодаря чему осталось нѣкоторое сомнѣніе. Впрочемъ авторитетъ Гонфа въ исторіи Византіи и Востока такъ великъ, что ему можно было повѣрить на слово. Измѣна венеціанцевъ христіанскому дѣлу подтверждалась теперь не только хроникой, но и официальнымъ документомъ, значеніе котораго подорвать было трудно.

Нужно сказать, что во всемъ этомъ вопросѣ особенно живую роль играло національное чувство французовъ. Извѣстно, какимъ авторитетомъ пользовался у нихъ Вильгардуэнъ, эта гордость и украшеніе французской націи. Поэтому неудивительно, что особенно жаркими защитниками его были французы. Самымъ способнымъ защитникомъ Вильгардуэна оказался французскій ученый Наталисъ-де-Вальи. Въ 1873 году приготовляя къ изданію ¹⁾ текстъ Вильгардуэна, онъ читалъ въ Академіи надписей въ Парижѣ записку, посвященную Вильгардуэну. Защищая Вильгардуэна и будучи лично оскорбленъ мнѣніемъ Масъ-Латри, Наталисъ-де-Вальи чуть не обвиняетъ послѣдняго въ клеветѣ и догмыслии. Аргументація его состоитъ въ слѣдующемъ: заслуживаетъ ли вѣры Вильгардуэнъ; могъ ли онъ знать истинные мотивы, которые воспрепятствовали крестоносцамъ, собравшимся въ Венеціи въ 1202 г., исполнять ихъ

¹⁾ Это очень богатое изданіе появилось въ 1874 г. Оно въ 4 доли листа съ старофранцузскимъ оригиналомъ и новофранцузскимъ переводомъ и съ огромной массой комментаріевъ.

первоначальный проектъ? Я думаю и постараюсь это доказать, что мнѣніе Масъ-Латри (о недостоверности Вильгардуэна и объ измѣнѣ венеціанцевъ) парадоксально и не заслуживаетъ никакой вѣры, потому что оно невѣроятно. Единственное основаніе для теоріи Масъ-Латри заключается въ слухахъ разнаго происхожденія, которыми легковѣрно довѣрлся лѣтописецъ (Эрнуль), лишенный всякаго личнаго авторитета. Разсказъ Эрнула поразителенъ по своей невѣроятности. Можно ли допустить, чтобы венеціанцы, связавъ себя договоромъ съ крестоносцами, увлеклись предложеніями султана и измѣнили дѣлу Христа ради магометанства? Пусть перенесутся мыслью къ началу XIII в. и подумаютъ, можно ли было венеціанцамъ иначе обсуждать этотъ вопросъ. Если бы подобная мысль объ измѣнѣ могла прійти имъ въ голову, развѣ они могли закрыть глаза предъ опасностью, какая угрожала бы имъ въ случаѣ открытія сдѣлки, развѣ они не рисковали бы обратитъ на себя раздраженіе и оружіе всей христіанской Европы? Говорить, что Вильгардуэнъ, какъ очевидецъ и участникъ въ событіяхъ, не зналъ о секретныхъ переговорахъ, происходившихъ между Венеціей и Малекъ-Аделемъ; но тогда позволительно спросить, какъ могъ знать объ этомъ лѣтописецъ, жившій въ Сиріи? Удивляясь, почему Масъ-Латри не ввѣсилъ этихъ обстоятельствъ, защитникъ Вильгардуэна продолжаетъ: „если ученый писатель повѣрилъ такой баснѣ, то объясненіе можно находить развѣ въ томъ, что и лучшіе умы не всегда могутъ устоять противъ опасной привлекательности парадокса и что всякое новое мнѣніе издаетъ фальшивый блескъ, способный болѣе ослѣплять, а не разсвѣивать мракъ.“

Что касается документальныхъ доказательствъ, приводимыхъ Масъ-Латри, къ нимъ также недовѣрчиво относится издатель и защитникъ Вильгардуэна. Дѣло въ томъ, что привилегія, данныя султаномъ венеціанцамъ, хотя дѣйствительно и существуютъ въ архивахъ Венеціи, но относятся къ послѣдующему времени, во всякомъ случаѣ акты не имѣютъ даты (*Fontes regum austriacarum. Diplomata* XIII, p. 184) и ни одинъ изъ нихъ не носитъ имени Генриха Дандоло, современнаго IV походу дожа Венеціи.

Выводъ Наталиса-де-Вальи слѣдующій: Между дѣятелями, при-

нимавшими участіе въ завоеваніи Константинополя, не было не измѣнниковъ, не обманутыхъ. Крестоносцы, какъ и венеціанцы, думали, что они останутся вѣрными святому дѣлу, предпринимая осаду города, который въ ихъ предположеніяхъ долженъ былъ сдѣлаться операціоннымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ крестовыхъ походовъ.

Въ дальнѣйшей ученой разработкѣ IV крестоваго похода обращено было вниманіе на другія стороны вопроса, отчего расширилась историческая точка зрѣнія и усложнились самыя задачи изслѣдованія. Въ исторіи IV похода намъ необходимо различать два факта: 1) отклоненіе похода отъ первоначальной цѣли, — отъ движенія на Египеть и 2) направленіе крестоносцевъ, потерявшихъ изъ виду первоначальную цѣль, именно на Константинополь. Пусть будетъ доказаннымъ, что былъ тайный договоръ Венеціи съ Малекъ-Аделемъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что для удовлетворенія желанія султана и для выполнения договора съ нимъ было бы вполне достаточнымъ, если бы венеціанцы отклонили крестоносцевъ отъ похода на Египеть. Тогда была бы спасена Византійская имперія, разрушеніе которой и не входило въ виды султана и не обуславливалось договоромъ 13 мая 1202 года. Само собою разумѣется, что для того, чтобы объяснить, въ силу какихъ возбужденій крестоносцы пошли на Константинополь, нужно было направить изслѣдованія въ другую сторону, т. е. показать, для кого было полезно именно такое направленіе похода, причемъ вопросъ о договорѣ Венеціи съ султаномъ естественно теряетъ перво-степенное значеніе въ исторіи IV похода.

На такую почву поставленъ былъ вопросъ о IV походѣ графомъ де-Риономъ въ его сочиненіи „Иннокентій III, Филиппъ Швабскій и Бонифацій Монферратскій“. Теорія Риана состоитъ въ слѣдующемъ: направленіе крестоносной рати на Константинополь должно быть разсматриваемо, какъ эпизодъ борьбы свѣтской власти съ духовной, съ одной стороны, и какъ актъ мести Византіи со стороны германскихъ императоровъ — съ другой. Ударъ на Константинополь есть интрига, созрѣвшая не въ Венеціи, а въ Германіи. Эту интригу зрѣло обдумалъ сынъ Фридриха Барбаруссы

король Филиппъ Швабскій, а привелъ въ исполненіе Бонифаціи Монферратскій, глава крестовой рати“. Еще не вполне ясна, говоритъ де-Рюнь, таинственная интрига между константинопольскимъ и швабскимъ дворомъ; но существованіе такой интриги засвидѣтельствовано очевидцами. Въ то время, какъ папа Иннокентій III, повидимому, достигалъ двойной цѣли: освобожденія Св. Земли и побѣды надъ королемъ германскимъ, неожиданно случилось два обстоятельства: прибытіе въ Европу претендента на Византійскую имперію, царевича Алексѣя Комнина, родного брата королевы германской, и выборъ въ предводители крестоноснаго ополченія итальянскаго князя, явнаго партизана и друга короля Филиппа. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ имѣ кажется ключемъ въ разгадкѣ всѣхъ послѣдующихъ событій“ (*Revue des Quest. Hist.* апрѣль 1875, р. 346). Графъ де Рюнь, какъ видно, весьма широко раздвигаетъ вопросъ: по его мнѣнію, на IV походъ съ одной стороны вліяли отношенія между свѣтской и духовной властью, а съ другой—то обстоятельство, что Константинополь былъ постояннымъ яблокомъ раздора, бѣльмоу на глазу у крестоносцевъ, вслѣдствіе чего послѣдніе давно желали нанести сперва ударъ Константинополю. Для исторической достовѣренности я долженъ однако замѣтить, что еще ранѣе Рюна нѣмецкій ученый Винкельманъ въ своемъ сочиненіи „*Philipp von Schwaben*“ (Leipzig 1873 s. 525—528) обратилъ вниманіе на обстоятельства, развитія Рюномъ. Именно онъ указалъ на переговоры греческаго царевича Алексѣя съ Филиппомъ Швабскимъ, разъясняющіе мотивы движенія крестоносцевъ на Константинополь. Но Винкельманъ однако не вывелъ изъ этого факта всѣхъ послѣдствій, какія удалось вывести Рюну.

Послѣ ученаго изслѣдованія Рюна, весьма остроумно затронувшаго нѣмецкую интригу, нѣмецкая историческая наука отозвалась на вопросъ о IV походѣ не менѣе крупными трудами. Я разумѣю два сочиненія: Клинке „Источники исторіи IV крестоваго похода“ и Штрейта „Вепочія и направленіе IV крестоваго похода противъ Константинополя“. Собственно говоря, въ исторіи полемики по вопросу о IV походѣ наше вниманіе займетъ послѣднее сочиненіе. Что же касается перваго, то оно чуждо полемикѣ

Онъ имѣетъ своей задачей собраніе источниковъ для изученія IV похода, что выполнено весьма тщательно. Безспорнымъ интересомъ отличается вся та часть сочиненія Штрейта, гдѣ описываются отношенія Венеціи къ Византіи. Въ самомъ дѣлѣ для исторіи XI и XII ст. все, что касается Востока, не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ съ точки зрѣнія венеціанской политики: Венеція въ XII ст. начинаетъ играть по отношенію къ Византіи ту же роль, какую играетъ современная Англія по отношенію къ Турціи. Могущество византійскаго флота и византійская внѣшняя политика опирались по преимуществу на союзъ съ Венеціей въ концѣ XII вѣка. Венеція доставляла Византіи флотъ, а Византія должна была поддерживать торговые интересы республики. Отсюда общенсторическій и частный интересъ отношеній Венеціи къ Византіи.

Дошедши въ своемъ изложеніи до роковыхъ раздоровъ между республикой и имперіей, имѣвшихъ слѣдствіемъ застой торговли въ Венеціи и прямой ущербъ, нанесенный венеціанскимъ купцамъ Мануиломъ и Андроникомъ Комнинами, Штрейтъ заключаетъ: Венеція не могла терпѣть Византію, разрушеніе Константинополя было для нея вопросомъ жизни и смерти.

Итакъ, измѣненіе въ направленіи IV крестоваго похода было дѣломъ Венеціи именно — дожа Г. Дандоло. Штрейтъ, какъ можно видѣть, приходитъ къ обвиненію Венеціи въ измѣнѣ не тѣмъ путемъ, какъ Мась-Латри и Гопфъ. Не касаясь выставленныхъ послѣдними основаній, Штрейтъ ищетъ разъясненія въ политикѣ того времени и разбирая отношенія между Венеціей и Византіей въ концѣ XII вѣка, доказываетъ, что Венеція непременно должна была устранить съ дороги Византію.

Въ точкѣ зрѣнія Штрейта много справедливаго. Но такъ какъ вопросъ идетъ о перемѣщеніи исторической перспективы, такъ какъ ищется центръ тяжести, то остававшаяся на конечномъ выводѣ Штрейта едва ли можно. Уклонившись отъ германской теоріи Ріона, Штрейтъ мало оцѣнилъ отношенія Византіи съ германскимъ императоромъ; или, если и касается ихъ, то обходитъ какъ будто наизрѣнно выводы де-Ріона, вслѣдствіе чего центръ тяжести не со-

всѣмъ ощутителенъ и въ его изслѣдованіи. Онъ говоритъ, напр., что „Венеція задолжала византійское правительство до 700.000 и не захотѣло производить уплаты, влѣдствіе чего, еще до заключенія договора съ крестоносцами, Г. Дандоло рѣшился погубить имперію и привелъ свое намѣреніе къ осуществленію съ полнымъ успѣхомъ. Но при такой постановкѣ дѣла, лишаются почти всякаго значенія другіе факты безспорно важныя, напр., переговоры Филиппа Швабскаго съ византійскимъ императоромъ и бѣгство въ Европу царевича Алексѣя. Но смотря на все это, сочиненіе Штрейта имѣетъ крупныя достоинства. Оно показало, что изучая IV походъ, необходимо считаться и съ политикой византійскихъ императоровъ, и съ состояніемъ Балканскаго полуострова, и съ исторіей папства и Германской имперіи. Изъ него также видно, что бѣгство царевича Алексѣя изъ Византіи и переговоры его съ западными государями и папой должны получить первостепенное значеніе между факторами, измѣнившими направленіе IV крестоваго похода.

Такимъ образомъ изслѣдованіями графа Рюна и Штрейта вопросъ о IV крестовомъ походѣ поставленъ на общенсторическую почву. Эти изслѣдованія показали, что для изученія IV похода недостаточно извѣстій Вильгардуэна, а нужно обратиться къ изученію отношеній Венеціи къ Византіи, Византіи къ Германіи и всѣхъ трехъ къ папству. При этомъ какъ будто забывается исходный пунктъ всей полемики: измѣна Венеціи дѣлу христіанъ, — пунктъ, который выставилъ Мазъ-Латри и поддерживалъ Гопфъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока не произнесено окончательное рѣшеніе о роли Венеціи въ 1202 г., пока не выяснено, была ли она въ тайномъ соглашеніи съ египетскимъ султаномъ, или нѣтъ, всякое перенесеніе центра тяжести будетъ рискованнымъ.

Такимъ образомъ вопросъ объ измѣнѣ Венеціи приходилъ къ своему исходному пункту. Специально онъ былъ разобранъ французскимъ ученымъ Ганото (Hanotaux) въ его сочиненіи: „Измѣнили ли венеціанцы христіанскому дѣлу въ 1202 г.“? (*Revue Historique*, май 1877 г., р. 74). Вопросъ былъ поставленъ прямо и авторъ для рѣшенія его запасся фактами рѣшительнаго свойства. Можно было ждать, что отвѣтъ будетъ утвердительный, а между

тѣмъ Ганото рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно. Здѣсь необходимо припомнить теорію Масъ-Латри и ея основанія. Масъ-Латри, обвиняя венеціанцевъ въ измѣнѣ, ссылается, какъ извѣстно, на свидѣтельство лѣтописца Эрнула и на договоръ Венеціи съ султаномъ. Сильнымъ оппонентомъ Масъ-Латри былъ Наталисъ-де-Вальн, отрицавшій значеніе свидѣтельства Эрнула. Имѣя много общаго съ возраженіями Наталиса де-Вальн, Ганото выставляетъ нѣсколько новыхъ весьма интересныхъ соображеній. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ IV походъ былъ очень выгоденъ для французовъ, обогатившихся имѣстьями въ Византіи, положеніе христіанъ Сиріи и Палестины послѣ него нисколько не улучшилось. Для нихъ IV походъ имѣлъ несчастный исходъ. Недовольство имъ естественно поэтому, равно какъ и стремленіе найти виновника совершившагося факта. Эрнуль, по мнѣнію Ганото, и является выразителемъ партіи недовольныхъ, а почему была обвинена именно Венеція,—это легко объяснить тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, какое занимала она между другими государствами того времени. Удивляясь устройству и политикѣ Венеціи, политическіе дѣятели смотрѣли на нее, какъ на очагъ раздоровъ, и сильно ее недолюбливали. Понятно, что послѣ неблагопріятнаго исхода IV похода всю вину свернули на Венецію. Въ этомъ смыслѣ высказывался даже прямо папа, отлучившій Венецію отъ церкви. Самую главную и имѣющую рѣшительное значеніе для вопроса является у Ганото вторая часть его изслѣдованія. Здѣсь онъ говоритъ, что тотъ знаменитый договоръ, на который опирается Гопфъ, не существуетъ, что Гопфъ ошибся и ввелъ въ заблужденіе весь учоный міръ. Дѣло идетъ о 4 договорахъ Венеціи съ Малекъ-Аделемъ, напечатанныхъ въ „Fontes regum anstiasarum“ (Diplomata XII, p. 184) Тафелемъ и не имѣющихъ даты. Масъ-Латри и Гопфъ рассматривали эти документы, какъ доказательство измѣны Венеціи. Ганото, послѣ тщательнаго изученія ихъ, доказалъ, что эти 4 договора въ сущности составляютъ одинъ и тотъ же договоръ, состоящій изъ 4-хъ частей и помѣченный *die decima nona Saben* (= въ 19 день мѣсяца Сабана).

Главная сила доказательства Ганото заключается въ разборѣ

договора Венеція съ Малекъ-Аделемъ. На этотъ договоръ опирается Гопфъ, который, сдѣлавъ нѣкоторую поправку въ написаніи даты, отнесъ его къ маръ 1202 года. Ганото обратилъ вниманіе на пошѣтку: „въ 19 день мѣсяца Сабана“ и, сличивъ магометанскую хронологію съ христіанской, вывелъ заключеніе, что договоръ могъ быть заключенъ не иначе, какъ въ 1208 году. Онъ пошелъ еще дальше въ критикѣ договора. Въ договорѣ упомянуты два венеціанскихъ посла къ султану—Мартино Дандоло¹⁾ и Піетро Микіоли. Эти лица принадлежали къ знатымъ венеціанскимъ фамиліямъ и дѣятельность ихъ болѣе или менѣе можетъ быть восстановлена на основаніи документовъ. Этотъ трудъ и взялъ на себя Ганото. Изъ сопоставленія разныхъ историческихъ указаній и датъ онъ заключаетъ, что Дандоло и Микіоли могли быть посланы къ султану именно только въ 1208 г. и притомъ дожомъ Піетри Ціани. Когда Ганото уже окончилъ свою статью, Штрейтъ сообщилъ ему замѣчаніе о титулѣ Малекъ-Аделя—„*rex regum*“, который употребляется въ разбираемомъ договорѣ. По мнѣнію Штрейта, Малекъ-Адель сперва находился подъ властью Дамаскаго Калифа и только впоследствии онъ выхлопоталъ себѣ этотъ титулъ, что случилось не въ 1202 г., а позже. Это обстоятельство служитъ всѣмъ доказательствомъ въ подтвержденіе теоріи Ганото касательно позднѣйшаго происхожденія документа.

Всматриваясь въ содержаніе договора, Ганото нашелъ въ немъ такіа обстоятельства, которыя не обратили на себя вниманіе раньше только потому, что въ изученіи этого договора было много страстности. Изучая этотъ договоръ ближе, Ганото говоритъ, что привилегіи въ немъ даются скорѣе за будущія услуги Венеціи, а не за прошедшія. Все, что можно заключить изъ договора, состоитъ въ томъ, что послѣ IV похода существовали добрыя отношенія между Венеціей и султаномъ. Но это далеко не новость. Уже давно Венеція поняла, что ей необходимо поддерживать добрыя отношенія съ султаномъ, и такая ея политика идетъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Свою статью Ганото заключаетъ такъ: „мы не имѣемъ

¹⁾ Родственникъ дожа Генриха Дандоло.

серьезныхъ причинъ подвергать сомнѣнію въ этомъ вопросѣ добросовѣстность венеціанцевъ. Если они и были истинными подстрекателями похода на Константинополь, другіе мотивы руководили въ этомъ случаѣ ихъ политикой. Имъ могло руководить и желаніе подчинить Зару, и месть къ Византіи за неуплату долга и за торговыя привилегіи Пизы, и надежда воспользоваться къ своей выгодѣ разрушеніемъ Греческой имперіи; это достаточные мотивы для объясненія похода на Константинополь“ (р. 100).

Справедливость требуетъ сказать, что Ганото доказалъ свою тему вполне удовлетворительно. Сильныхъ возраженій еще не было. Напротивъ, его доводы о недостоверности Эрнула и о подложности даты приняты почти бозспорно. Далѣе останавливаться на тайномъ соглашеніи Венеціи съ Египетскимъ султаномъ и отсюда выводить главный мотивъ направленія IV похода на Константинополь, очевидно, нѣтъ возможности. Такимъ образомъ, съ изслѣдованіемъ Ганото падаетъ и самый исходный пунктъ всей полемики о IV походѣ, хотя остается открытымъ рядъ второстепенныхъ вопросовъ, вызванныхъ ею.

Изслѣдованіе Ганото болѣе всѣхъ затронуло графа де-Ріана и онъ не оставилъ его безъ отвѣта. Въ 1878 году въ январской книжкѣ *Revue des Questions Historiques* онъ помѣстилъ статью, носящую заглавіе: „Измѣненіе направленія IV крестоваго похода“. Здѣсь онъ даетъ отвѣтъ на всѣ возраженія, которыя были представлены частью Штрейтомъ, частью Ганото и др. Не смотря на весьма натуральное желаніе поддержать свою собственную гипотезу (снести отвѣтственность на германскую интригу) и видѣть центр тяжести въ своей теоріи, Ріонъ очень безпристрастно относится къ изслѣдованіямъ Штрейта. Разбирая положенія послѣдняго, онъ говоритъ, что не смотря на богатый запасъ новыхъ фактовъ, все-таки вопросъ о центрѣ тяжести Штрейтъ хочетъ видѣть въ дѣятельности дожа Генриха Дандоло. Что же касается до вывода Ганото, то Ріонъ слагаетъ оружіе предъ его критикой договора и соглашается, что спорить въ этомъ отношеніи невозможно. Я приведу здѣсь только заключительныя слова Ріона, гдѣ онъ очерчиваетъ состояніе вопроса въ 1878 г.: „Измѣненіе направленія IV

похода нельзя объяснить одной причиною; но совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ причинъ, представляющихъ различные интересы, затронуты событіемъ 1202—3 г. Венеція, Филиппъ Швабскій, Бонифаций Монферратскій, латинское духовенство (если не самъ папа), можетъ быть наконецъ, Филиппъ-Августъ — всё они должны занять свое отдѣльное мѣсто въ этомъ великомъ конфликтѣ честолюбій. Теорія случайностей падаетъ сама собой. По моему мнѣнію, между добытыми фактами безспорными могутъ считаться два: пристрастіе Вильгардуэна, невинность Иннокентія III ¹⁾ и участіе Филиппа Швабскаго въ направленіи похода на Константинополь*. Этою статьею де-Ріона заключается вся полемика, возбужденная съ 1861 года событіями IV похода. Теперь нелишне задать вопросъ: можно ли удовлетвориться добытыми результатами и остановиться, или продолжать изслѣдованіе и выступить съ новой теоріей? На послѣднее, очевидно, нельзя рѣшиться до той поры, пока не будутъ добыты новые памятники, которые бы пролили новый свѣтъ на эту эпоху. Говоря о возможности появленія новыхъ матеріаловъ, Ріонъ такимъ образомъ заключаетъ свою статью: «известно, что для того, чтобы вести войну, нужно имѣть оружіе. Въ томъ направленіи, до котораго дошли дебаты, не достаетъ болѣе аргументовъ. Что касается до меня, я подожду возвращаться къ этому вопросу, пока не объявятся новыхъ документовъ, и остерегусь еще разъ вступать въ кругъ, который въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ исхода» (р. 114).

Для исторической полноты нужно еще указать на нѣкоторые новые литературные факты, свидѣтельствующіе о томъ, съ какимъ вниманіемъ относятся ученые къ вопросамъ полемики. Въ 1879 году появилось сочиненіе Гейда „Исторія Лавантійской торговли въ средніе вѣка“, въ которомъ отведено мѣсто событіямъ завоеванія Царегграда въ 1204 г. Гейдъ—громадный авторитетъ; онъ работалъ въ итальянскихъ и венеціанскихъ архивахъ и его 2 тома

¹⁾ Будучи католикомъ, Ріонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ тенденціонную цѣль—оправдать папу, показать, что Иннокентій III отнюдь не виноватъ въ измѣненіи направленія IV крестоваго похода и сознательно не вліялъ ни на Дандоло, ни на Константинополь и др.

необходимы и полезны для занимающихся исторіей востока. При составленіи своей книги Гейдъ имѣлъ подъ руками всю полемику о IV походѣ, и намъ поэтому весьма интересно знать его мнѣніе о ней. Событія IV похода представляются у него въ такомъ видѣ. Когда крестоносцы прибыли въ Венецію, туда является изъ Византіи царевичъ Алексѣй и вступаетъ въ переговоры съ Филиппомъ Швабскимъ и убѣждаетъ его идти войной на узурпатора, — Алексѣя Ангола. Хотя самъ король и не могъ помочь ему, но для того чтобы не оставить просьбу царевича неисполненной, онъ пользуется несчастнымъ положеніемъ крестоносцевъ, вступаетъ съ ними въ переговоры черезъ Бонифація Монферратскаго и направляетъ ихъ на Константинополь. Такимъ образомъ направленіе 4 похода, по мнѣнію Гейда, зависѣло отъ событій византійскихъ и германскихъ. Далѣе, говоря въ исторіи Египта о договорѣ Венеціи съ султаномъ, онъ относитъ его къ 1208 году. Въ 1879 г. вопросъ объ измѣненіи направленія 4 крестоваго похода имѣетъ такой видъ: не можетъ быть рѣчи объ измѣнѣ Венеціи, о лукавствѣ папы, все, о чемъ можетъ идти рѣчь, заключается въ византійскихъ событіяхъ и въ отношеніяхъ Венеціи и Филиппа Швабскаго къ Византіи.

Не могу не упомянуть, что вопросъ о IV походѣ, при томъ значеніи, какое онъ имѣетъ для исторіи православнаго Востока, не остается незатронутымъ и въ нашей литературѣ. Вопросъ о IV походѣ затронутъ и въ моей книгѣ „Образованіе 2-го Болгарскаго царства“, и въ рецензій проф. В. Г. Васильевскаго, помѣщенной въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюнь 1879 г. Хотя въ русской литературѣ ему и не давалось всесторонняго развитія, но выяснены именно тѣ стороны его, которыя и составляютъ интересъ для чисто-русской науки. Именно,—было указано на 2 факта, заслуживающіе тщательнаго изученія: 1) на важность отношеній, которыя завязались между завоевателями Константинополя и новообразовавшимся Болгарскимъ царствомъ, и 2) на частныя обстоятельства, какъ, напр., бѣгство царевича Алексѣя изъ Константинополя въ Европу, переговоры его съ Филиппомъ Швабскимъ и друг.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что при изложеніи событій

четвертаго крестоваго похода, въ особенноти же при объясненіи мотивовъ, которыми руководились главные дѣтели, нельзя ограничиваться тѣсными хронологическими рамками. Въ организаціи и направленіи этого похода принимали участіе многіе факторы, изъ коихъ одни хорошо выяснены, другіе же или совсѣмъ неизвѣстны, или только намѣчены. Ясно, что здѣсь необходимо считаться и съ общимъ строемъ европейскихъ дѣлъ, и съ отношеніями Византіи къ Италіи и, наконецъ, съ борьбой свѣтской власти съ духовной.

Къ концу XII в. ни для кого уже изъ политическихъ людей не оставалось сомнѣнія, что крестовые походы въ Палестину есть празное дѣло, не могущее закрѣпить за христіанами Іерусалима. Послѣ громаднхъ жертвъ, принесенныхъ въ удовлетвореніе религіознаго чувства, послѣ трехъ большихъ походовъ, въ которыхъ принимали участіе императоры германскіе, французскій и англійскій короли—Іерусалимъ все же оставался въ рукахъ невѣрныхъ. Сирія и Палестина и горныя ущелья Малой Азіи поглотили уже до милліона крестоносцевъ. Мусульмане издѣвались надъ христіанами, и послѣднимъ уже приходила мысль, что Богъ не благословляетъ дѣло европейскаго христіанства. Но большинство военныхъ и политическихъ дѣтелей того времени было того мнѣнія, что неудача крестовыхъ походовъ лежитъ въ систематическомъ противодѣйствіи европейцамъ со стороны византійскаго императора: онъ, говорили, подстрекаетъ мусульманъ и устраиваетъ засады крестоносцамъ, онъ заключаетъ союзы съ невѣрными и всѣми мѣрами вредитъ успѣху и развитію христіанскихъ княжествъ на Востоку.

Душой и возбудителемъ четвертаго похода былъ папа Иннокентій III, одинъ изъ величайшихъ умовъ, какіе только руководили церковной политикой. Съ первыхъ же дней вступленія на престолъ (9 янв. 1198) Иннокентій началъ рядъ мѣръ, чтобы расшевелить католическій миръ идеей крестоваго похода, который слѣдовало направить не въ Палестину, а въ Египеть, ибо оттуда мусульманство черпало силы для борьбы съ христіанами. Не довольствуясь обыкновенными и испытанными уже средствами: буллами и письмами къ королямъ и духовнымъ и свѣтскимъ князьямъ, назначеніемъ спеціальныхъ проповѣдниковъ по селамъ и деревнямъ и т. п., Инно-

кентій самъ подалъ примѣръ воодушевленія крестоносной идеей: онъ снарядилъ на собственный счетъ корабль, снабдилъ его экипажемъ и припасами, пожертвовалъ десятую часть доходовъ римскаго престола на крестовый походъ и потребовалъ отчисленія на тотъ же предметъ $\frac{1}{40}$ части всехъ доходовъ католической церкви. Но положеніе тогдашнихъ европейскихъ государствъ не было благоприятно для организаціи дѣла на широкихъ основаніяхъ. Самая отъмичивая страна и всего больше заинтересованная въ судьбѣ палестинскихъ христіанъ—Франція—не могла на этотъ разъ выставить много охотниковъ, такъ какъ борьба Филиппа II Августа съ англійскимъ королемъ Ричардомъ была въ полномъ разгарѣ и отвлекала къ себѣ вниманіе военныхъ людей. Въ Германіи также голосъ папы не могъ встрѣтить большого сочувствія, такъ какъ и здѣсь шла внутренняя борьба между двумя королями гвельфскимъ и гибеллинскимъ и ихъ партіями. Вотъ почему идея крестоваго похода находила себѣ весьма мало приверженцевъ. Въ концѣ 1199 года, первыхъ поборниковъ она нашла все же во Франціи. Это были Тибо, графъ Шампани, Людовикъ Блуа и Балдуинъ, графъ Фландріи и Геннегау. Первые два графа, какъ родственники королевскаго дома, своимъ согласіемъ участвовать въ походѣ въ значительной степени обезпечивали успѣхъ дальнѣйшаго движенія, и дѣйствительно къ нимъ скоро присоединились ихъ вассалы и подвассалы. Что касается фландрскаго графа, его участіе объясняется еще семейными преданіями, ибо фландрскіе графы со времени перваго крестоваго похода были самыми живыми выразителями крестоносной идеи. Весной и осенью 1200 г. означенные князья неоднократно собирались для обсужденія предварительныхъ мѣропріятій и для выработки плана похода. Такъ какъ прежде всего необходимо было обезпечить себѣ средства переправы въ мусульманскія земли, то князья пришли къ рѣшенію законтрактовать у Венеціи, какъ первой тогдашней морской державы, достаточное число судовъ для перевозки крестоносцевъ въ Александрію. Съ этой цѣлью выбрано было по два уполномоченныхъ отъ cadaго князя для переговоровъ съ венеціанскою республикой. Между уполномоченными шампанскаго графа былъ маршалъ Вильгарлуанъ, которому

ны обязали главнѣйше и извѣстнѣе объ этомъ походѣ. Французскіе уполномоченные явились въ Венецію въ февралѣ 1201 года и предложили на усмотрѣніе дожа и его тайнаго совѣта желаніе князей о предоставленіи имъ опредѣленнаго числа военныхъ и транспортныхъ судовъ для крестоваго похода. Въ мартѣ и апрѣлѣ велись переговоры, въ концѣ апрѣля состоялся проектъ соглашенія, который посланъ былъ на утвержденіе папѣ. Венеція обязывалась въ годичный срокъ доставить такое число кораблей, которое бы въ состояніи было поднять и перевезти въ Египетъ 4500 рыцарей, 9000 оруженосцевъ и 20000 пѣхоты по цѣнѣ 2 марки серебра съ пассажира и 4 марки за лошадь ¹⁾. Платежъ суммы въ 85 т. марокъ раскладывался на три срока, послѣдній срокъ истекалъ въ іюнь 1202 года.

Лицо, до сихъ поръ стоявшее во главѣ движенія, равносложующій крестовымъ походомъ, графъ *Тибо*, умеръ въ мѣѣ 1201 года. Здѣсь мы имѣемъ первую роковую случайность, которую увидимъ слѣшкомъ много въ изложеніи послѣдующихъ событій. Смерть его кореннымъ образомъ мѣняетъ дѣло. До сихъ поръ все сосредоточивалось во Франціи, но уже лѣтомъ того-же года выступаетъ довольно неожиданная кандидатура на предводительство въ походѣ не французскаго, но итальянскаго князя, Беняфация, маркафа Монферратскаго, которому и принадлежитъ съ тѣхъ поръ руководящая роль въ походѣ. Какъ только въ августѣ согласился онъ принять крестъ в предводительство, нѣкоторые нѣмецкіе духовные и свѣтскіе князья, до сихъ поръ безучастные къ движенію, начали готовиться въ походъ. Согласно заключенному съ Венеціей договору, изъ Германіи и Франціи стали постепенно подходить къ Венеціи различныя отряды съ конца мая 1202 года, при чемъ подписавшіе договоръ князья французскіе прибыли позже другихъ, въ іюль. Но въ Венеціи ожидали ихъ цѣлый рядъ сюрпризовъ и тяжелыхъ испытаній. Прежде всего встрѣтился затрудненія по вопросу о развѣщеніи крестовосцевъ въ Венеціи. Дабы

¹⁾ Марка серебра представляла стоимость около 50 франковъ или до 20 р. и слѣдовательно 85 т. марокъ равняются суммѣ въ одинъ миллионъ семьсотъ тысячъ.

избѣжать безпорядковъ и столкновѣній, правительство нашло нужнымъ препроводить всѣ прибывающіе отряды на островъ Лядо, въ получасовомъ разстояніи отъ Венеціи; это было незаселенное мѣсто и представляло много удобствъ для лагерной стоянки, за исключеніемъ одного—обилія съѣстныхъ припасовъ и удобства доставать ихъ. Но такъ какъ венеціанское правительство приняло на себя заботу о продовольствіи и сначала исполняло ее добросовѣстно, то крестоносцы на первыхъ порахъ чувствовали себя хорошо. Скоро однако въ лагерь оказался недостатокъ въ необходимыхъ предметахъ, и не случайный недостатокъ, а хроническій, продолжавшійся изо дня въ день и угрожавшій весьма дурными послѣдствіями; начались натянутыя отношенія между вождями и правительствомъ Венеціи. Внѣшнимъ поводомъ къ неудовольствіямъ послужилъ финансовый вопросъ. Предстоялъ срокъ взноса условленной суммы. Крестоносцы до сихъ поръ сдѣлали только первую часть взноса (25 т. марокъ), оставалось за ними еще 60 т. (1 милл. 200 т.). Когда имъ предложено было исполнить эту часть договора, они оказались не въ состояніи реализовать требуемую сумму, а внесли только половину. Венеціанское правительство съ своей стороны приостановило подвозъ припасовъ на Лядо и отказало въ доставленіи судовъ для перевоза въ Египетъ. Можно понять, въ какое уныніе пришли крестоносцы, находясь безъ продовольствія подъ жаркимъ солнцемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ лагерь начался голодъ, появились болѣзни, дисциплина была разстроена, многіе бѣжали, другіе предались грабежу и разбоймъ. Дождь Венеціи не внималъ просьбамъ и увѣщаніямъ, грозилъ выморить голодомъ весь лагерь, если не будетъ поддерживаться порядокъ и не произведена окончательная расплата. При такихъ обстоятельствахъ, въ половинѣ августа, прибылъ въ Венецію глава крестоноснаго ополченія Бонифацій Монферратскій. Онъ прежде всего заставилъ крестоносцевъ присягнуть ему на вѣрность, и затѣмъ принялъ фактическое направленіе дальнѣйшихъ дѣлъ. Съ этихъ поръ французскіе князья теряютъ значеніе въ событіяхъ, заправляющая роль всецѣло принадлежитъ маркграфу Бонифацію и дожу Генриху Дандоло. Какъ сейчасъ увидимъ, Бонифацій вноситъ въ кресто-

вый походъ новый планъ, чуждый задачамъ и цѣлямъ другихъ крестоносныхъ вождей и заставляеть ихъ безсознательно совершить *единственную въ своемъ родѣ авантюру.*

Чтобы разъяснить тонкую политическую интригу, въ которой крестоносцы должны были играть роль молота, а Византія наковальни,— у насъ есть одно средство, стоитъ только прослѣдить дѣятельность Бонифація послѣ избранія его въ вожди. Цѣлый годъ онъ былъ въ большихъ хлопотахъ и исполнялъ важныя миссіи. Осень и часть зимы онъ провелъ въ Германіи при дворѣ короля гибеллинской партіи Филиппа Швабскаго, въ началѣ 1202 г. отправился въ Римъ къ папѣ Иннокентію III. Онъ былъ такимъ образомъ посредникомъ между папою и королемъ, но не по дѣламъ церковнымъ. Не говоря о прочемъ, въ высшей степени любопытно, что вождь крестоноснаго ополченія компрометируетъ себя въ глазахъ истинныхъ сыновъ католической церкви, каковы были принявшіе крестъ, сношеніями съ королемъ отлученнымъ отъ церкви и не признаннымъ папою. Нужно думать, что былъ особенный мотивъ въ этихъ сношеніяхъ, который не былъ противенъ и папѣ. Во всякомъ случаѣ, тотъ энергичный папа, который сначала былъ душой крестоваго похода, съ этого времени совершенно выпускаетъ изъ рукъ направленіе дѣломъ и сквозь пальцы смотритъ на жалкое положеніе крестоносцевъ на Лидо, хотя его уполномоченный находился въ Венеціи и хотя одного его слова было достаточно, чтобы неуплаченная часть взноса была переведена на счетъ казначейства римскаго престола. Да и недомка была не такъ велика, чтобы князья не нашли средствъ уплатить ее. Нерѣдко такую сумму вносили въ качествѣ выкупа изъ плѣна и не очень богатые князья.

Четвертый крестовый походъ потому и приобретаетъ широкій историческій интересъ, что является результатомъ политическихъ отношеній того времени: съ одной стороны между имперіями восточной и западной; съ другой— между Венеціей и Византіей.

Политика Гогенштауфеновъ, начиная съ Конрада III и продолжая Фридрихомъ I и Генрихомъ VI, должна быть оцѣниваема

съ двухъ точекъ зрѣнія. Въ качествѣ германскихъ императоровъ и представителей габсбургской партіи, они были опасными и неуловимыми врагами римскаго папства и съ этой точки зрѣнія существенные союзины византийскаго императора. Въ качествѣ наследниковъ норманнскаго королевства въ южной Италіи и Сициліи, Гогенштауффы, будучи врагами папской власти, вмѣстѣ съ тѣмъ были соперниками Византіи, которая считавшей южную Италію своей провинціей. Весьма часто обсуждалось между имперіями способи дружескаго раздѣла Италіи, но всякій разъ какъ соглашеніе близило къ осуществленію, папы искали въ тодь крайнія средства и призирались то съ западными, то съ восточными императорами. Византийскіе императоры изъ дома Комниновъ тѣсно сдружались съ Гогенштауффами, надѣясь при ихъ помощи отбѣнить папу и прочно утвердиться въ Италіи. Духъ критики и отрицанія утративъ, на которыхъ покоилось папство, Гогенштауффы заимствовали изъ Византіи, гдѣ, какъ извѣстно, церковь не имѣла притязаній возвыситься надъ свѣтской властью. Фридрихи I и II приносили папѣ въ примѣръ восточную церковь и находили въ византийскихъ теоріяхъ враждебную папству сильное оружіе для борьбы съ нею.

Эти добрыя отношенія двухъ имперій нарушались съ того времени, когда въ Византіи династію Комниновъ смѣнили Ангелы въ 1185 году. Сынъ Фридриха Генрихъ VI, въ качествѣ короля сицилійскаго, не могъ уже поддерживать видоу Византіи на южную Италію и Далмацію, но фамильныя преданія Гогенштауффеновъ были однако такъ сильны, что современный IV помоду король Филиппъ былъ женатъ на дочери царя Исаака Ангела. Съ одной стороны, исполняя историческія задачи сицилійскихъ королей, Гогенштауффы стремились возвратить приморскія владѣнія Византіи, нападаютъ на Драчь и Фессалонику, съ другой, боясь союза Византіи съ папствомъ, они всѣ усилія направляютъ къ тому, чтобы возбуждать сближенію между своими соперниками. Принятое Генрихомъ VI угрожающее положеніе относительно Византіи произвело между восточной и западной имперіей довольно сильное охлажденіе, такъ что дошедшее до Востока вѣстие о смерти Рен-

вѣха встрѣчено было съ радостью и надеждами на восстановленіе добрыхъ отношеній. Кандидатура на императорскій титулъ Филиппа, брата Генриха, казалась, руналось за то, что объ имперіи признавать взаимные интересы, ибо восточный императоръ и король Филиппъ связаны были родственными узами посредствомъ брака.

Но въ 1195 г. въ Византіи произошелъ переворотъ: царь Исаакъ Ангелъ былъ свергнутъ съ престола своимъ братомъ Алексѣемъ, который подъ именемъ Алексѣя III и занималъ тронъ во время четвертаго крестоваго похода; безпомядно ослѣдивъ Исаака, новый царь держалъ его въ заключеніи вмѣстѣ съ сыномъ его царевичемъ Алексѣемъ. Константинопольскія событія не могли остаться безразличными для Филиппа, въ особенности для супруги его, дочери Исаака Ангела.

Мы можемъ прослѣдить съ нѣкоторыми деталями сношенія между Византіей и Германіей за это время. Слѣпой Исаакъ возлагалъ теперь все упованія на дочь свою и думалъ средства вступить съ ней въ перениску. Жившіе въ Константинополѣ западные купцы и банкиры были посредниками въ этихъ сношеніяхъ. Исаакъ, лишенный власти и содержащійся въ заключеніи, могъ все ставить на карту, онъ просилъ дочь объ одномъ, чтобъ она отомстила дядѣ за обиду, причиненную отцу и явно намекалъ, что царская власть по праву принадлежитъ ей и мужу. Новое направленіе эти переговоры получили вслѣдствіе бѣгства изъ Константинополя царевича Алексѣя, сына Исаака. Пользуясь добротворомъ итальянскихъ купцовъ, а можетъ быть и средствами, предоставленными изъ Германіи, царевичъ Алексѣй думалъ случай ускользнуть отъ бдительности византійской полиціи и явился въ Барону въ 1201 году, когда уже тамъ организовалось движеніе въ пользу крестоваго похода. Поздней осенью 1201 года, представившись царемъ, царевичъ Алексѣй былъ въ Германіи, въ это же время мы находимъ тамъ и Бонифація, задѣлаго переговорами съ Филиппомъ Швабскимъ. Итакъ, въ связь двузначимыхъ событій приходитъ новый элементъ. Но ни король Филиппъ, ни царевичъ-Алексѣй цѣлый годъ не дѣлаютъ открыто и публично своихъ заявленій? Они дѣлать должны и умнаго агента въ лицѣ Бонифація

Монферратскаго.—Посмотримъ теперь, почему выборъ ихъ остановился на этомъ лицѣ въ такомъ важномъ и деликатномъ дѣлѣ? Маркграфы Монферратскіе выросли во время борьбы Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Ихъ вывелъ въ люди и обогатилъ помѣстьями Фридрихъ I, найдя въ отцѣ Бонифаціи Вильгельмъ преданнаго себѣ слугу въ сѣверной Италиі. Но еще важнѣй роль этого дома на Востокѣ. Для брата Бонифаціи, Конрада и Ренье, были на службѣ византийской имперіи, второй изъ нихъ дослужился тамъ до титула кесаря, оба женаты были на принцессахъ царскаго дома. Итакъ, выборъ Бонифаціи въ повѣренные по такому важному и деликатному фамильному дѣлу какъ нельзя болѣе удаченъ. Могъ онъ быть неимпачченъ лишь людямъ церковной партіи—Гвельфамъ, такъ какъ Бонифаціи былъ завзятый Гибеллинъ, но если папа согласился принять его посредничество, то кому же было протестовать?

Когда въ августѣ 1202 года Бонифаціи прибылъ въ Венецію, направленіе похода въ Египетъ уже было оставлено руководящимъ движеніемъ лицами, но настоящій планъ держался въ строгомъ секретѣ, объ немъ едва-ли кто зналъ, кромѣ Бонифаціи и дожа Дандоло. Венеціанскій дожъ, которому нельзя было не сообщать о планѣ, отнесся къ нему съ коммерческой точки зрѣнія, именно со стороны интересовъ Венеціи. Для Г. Дандоло рѣшающими моментами въ дѣлѣ были слѣдующія соображенія: 1) крестоносцы не внесли 34 т. марокъ, — нужно было обезпечить себя на счетъ этой суммы какой-нибудь равносильной гарантіей; 2) входя въ виды Бонифаціи на счетъ направленія крестоносцевъ противъ Константинополя, нужно было взвѣсить выгоды этого проекта для торговыхъ интересовъ республики. Послѣ зрѣлаго обсужденія дѣла, Г. Дандоло нашелъ, что можно соединить интересы нѣмецкаго короля съ видами республики, если Бонифаціи предоставить ему на нѣкоторое время свободу дѣйствій. 15-го августа Дандоло вноситъ въ совѣтъ десяти предложеніе: не стѣснять болѣе крестоносцевъ вымогательствомъ недоплаченной ими суммы, благо-де они могутъ расплатиться съ Венеціей натурой. Мы продолжалъ дожъ, лучше направимъ ихъ противъ Зары, города намъ

враждебнаго, предавшагося подъ власть венгерскому королю и нуждающагося въ хорошемъ урокъ. — Черезъ десять дней, въ церкви св. Марка, проектъ походу на Зару объявленъ былъ венеціанскому сенату и большому совѣту. Дождь самъ изъявилъ намѣреніе принять на себя командованіе флотомъ въ этой экспедиціи. На нѣкоторое время крестоносцы становятся наемниками республики, Бонифацій ступшевывается и вся инициатива переходитъ въ руки Г. Дандоло, который навязалъ крестоносцамъ экспедицію противъ Зары исключительно въ интересахъ республики.

Но нужно было сохранить приличія, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Если главные князья, участвовавшіе въ походѣ, могли дать свое согласіе на венеціанскій проектъ, то масса крестоносцевъ, вассалы князей и простой народъ и до сихъ поръ вѣрилъ, что походъ готовится въ Египтъ. Чтобы держать народъ въ заблужденіи, дождь употребилъ слѣдующее средство. Посадивъ крестоносцевъ на суда къ октябрю 1202 года, онъ не прямо пошелъ на Зару, а цѣлый мѣсяць приказалъ крейсировать въ водахъ Адріатики и въ концѣ октября объявить по флоту, что за позднимъ временемъ года и за наступившими бурями опасно пускаться въ дальнее морское путешествіе. Въ виду этого флотъ направился къ далматинскимъ берегамъ и 10 ноября подступилъ къ Зарѣ. На адмиральскомъ кораблѣ не было ни Дандоло, ни Бонифація, ни даже папскаго легата, такъ что въ крайнемъ случаѣ за послѣдовавшее отвѣтственность можно было возложить на подчиненныхъ лицъ. Зара была хорошо защищена венгерскимъ гарнизономъ и оказала крестоносцамъ значительное сопротивленіе. Но 24 ноября была взята приступомъ и подверглась страшному опустошенію, при чемъ съ жителями христіанскаго города обращались крестоносцы какъ съ невѣрными: брали въ плѣнъ, продавали въ рабство, убивали; церкви разрушены и сокровища расхищены. Поступокъ съ Зарой былъ въ высшей степени компрометирующимъ крестовый походъ эпизодомъ: не говоря уже о другомъ, крестоносцы совершили насиліе надъ христіанскимъ городомъ, подчиненнымъ королю, который самъ принялъ крестъ для похода и владѣнія котораго по существующимъ тогда законамъ находилась подъ покровительствомъ церкви. — Зная

Зару, оказавшую однако сильное сопротивление и исполняя тайнымъ образомъ обязательство предъ Венеціей, крестоносцы остановились здѣсь до весны 1203 года. Во время стоянки въ Зарѣ выяснились всѣ тайные мотивы, руководившіе событіями и выразились главными основаніями дѣйствительныхъ иропріятій, въ формальныхъ актахъ. Прежде всего слѣдуетъ отиѣтить, что духовенство, участвовавшее въ дѣлѣ подъ Зарей, скоро почувствовало угрызение совѣсти и искало способовъ, какъ бы оправдать недостойный поступокъ. Мы видѣли уже, что легатъ нашъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, а отправился въ Римъ. Слѣдовательно, папа Иннокентій III своевременно получалъ донесеніе о движеніи на Зару. Вотъ въ какомъ выраженіи онъ высказался по поводу совершившагося факта въ письмѣ къ крестоносцамъ: „увѣщаваемъ васъ и просямъ не разорять больше Зары. Въ противномъ случаѣ вы подлежите отлученію отъ церкви и не воспользуетесь правомъ индульгенціи“. Но и этотъ въ сущности очень мягкій и уклончивый выговоръ папа смягчаетъ слѣдующимъ, скоро за нимъ присланнымъ, разъясненіемъ: „слышалъ я, что вы поражены угрозой отлученія отъ церкви, но я далъ приказъ находящимся въ лагерѣ епископамъ освободить васъ отъ анафемы, если искренне покаяетесь“. — Нечего и говорить, что папа имѣлъ авторитетъ и могъ бы наложить интёрдиктъ на все предпріятіе, если бы онъ уже не сдѣлалъ себя раньше согласіемъ омотрѣть сѣзовъ нальцы на подготовившуюся авантюру.

Въ январѣ 1203 г. въ Зару явилось официально посланіе отъ короля германскаго и отъ византійскаго царевича Алексѣя. Здѣсь получили формальное утвержденіе два акта: 1) союзъ между германскимъ королемъ и царевичемъ Алексѣемъ; 2) договоръ между Венеціей и крестоносцами о завоеваніи Константинополя. Все то, что въ теченіи 1201 и 1202 года составляло секретъ для рыцарей и простыхъ воиновъ и что обдумано было Филиппомъ, Иннокентіемъ III, Бонифациемъ и Готфрихомъ — все это вслѣдствіе гонимъ наружу. Филиппъ дѣлалъ слѣдующее предложеніе крестоносцамъ: „Смѣлоры! я посылаю къ вамъ брата моей жены и врудар его въ руки Божія и ваши. Вы идите защищать права и востанов-

дать справедливость, вамъ предстоитъ возвратить константинопольскій тронъ тому, у кого онъ отнять съ нарушеніемъ правды. Въ награду за это дѣло царевичъ заключитъ съ вами такую конвенцію, кѣмъ никогда и ни съ кѣмъ имперія не заключала и кромѣ того оказать самое погущественное содѣйствіе къ завоеванію св. земли. Если Богъ поможетъ вамъ посадить его на престолъ, онъ подчинитъ католической церкви греческую имперію. Онъ вознаградитъ васъ за убытки и исправитъ вами оскудѣвшія средства, выдавъ вамъ одновременно 200 т. марокъ серебра и обезпечитъ продовольствіе для всей арміи. Наконецъ, вмѣстѣ съ вами онъ пойдетъ на Востокъ или предоставитъ въ вашу распоряженію корпусъ въ 10 т. человекъ, который будетъ содержать на счетъ имперіи въ теченіе одного года. Сверхъ того дастъ обязательство всю жизнь содержать на Востокѣ отрядъ въ 500 воиновъ". — Это предложеніе подтверждено было актомъ соглашенія царевича Алексѣя на означенныя условія.

Совершенно справедливо, что такой конвенціи не заключала еще имперія: предлагаемыя условія были лестны для папы, ибо подчиняли греческую церковь католической, весьма выгодны для вождей, ибо обезпечивали имъ хорошую сумму, наконецъ соответствовали цѣлямъ крестоваго похода, ибо обязывали византійскаго императора къ походу въ св. землю съ 10 т. корпусомъ. Въ предложеніяхъ есть одинъ невыясненный элементъ — это интересы Венеціи, она какъ будто совершенно забыта. Въ официальномъ актѣ, прочитанномъ въ собраніи всѣхъ крестоносцевъ, особое вознагражденіе Венеціи, пожалуй, было неумѣстно; объ немъ было сказано въ секретномъ письмѣ, врученномъ дожу. Венеція обѣщалась одновременная даятка въ 10 т. марокъ и кромѣ того *вознагражденіе въ видѣ убытковъ, понесенныхъ венеціанскими купцами за послѣдніе 30 лѣтъ*. Къ чести рыцарей и бароновъ нужно сказать, что многимъ изъ нихъ казалось безчестнымъ подчиняться педъ этой конвенціей. Но тогда Бонифачій подводитъ къ столу, на которомъ была разложена конвенція, нѣсколькихъ князей, соглашеніе которыхъ заручился раиъ, и они даютъ свою подпись. Говорятъ, что всего получилось 12 подписей. Но такъ какъ простой

народъ и второстепенные рыцари волновались и протестовали, то ихъ успокоили объявленіемъ по лагерю, что Египеть составляетъ ближайшую цѣль дальнѣйшихъ предпріятій.

Приведеннымъ секретнымъ соглашеніемъ между германскимъ королемъ и Венеціей — послѣдней гарантировалось *возмѣщеніе убытковъ за послѣдніе 30 лѣтъ*. По этому поводу нужно сдѣлать нѣсколько объясненій. Въ XII в. Венеція играла роль первой морской державы въ Средиземномъ морѣ, торговые интересы связывали ее тѣсными узами съ Византіей, гдѣ она имѣла рынки для сбыта своихъ товаровъ. Всѣ усилія венеціанскихъ государственныхъ дѣятелей направлялись къ тому, чтобы привлечь больше выгодъ изъ имперіи и устранить всякаго рода конкуренцію въ портахъ Средиземнаго и Чернаго морей. Но должно сказать, что и имперія съ своей стороны находила интересъ поддерживать Венецію, ибо послѣдняя владѣла такимъ флотомъ, какого у имперіи не было и имѣла много случаевъ какъ оказывать Византіи услуги, такъ и наносить большой вредъ. Сознывая свою морскую силу, Венеція выхлопотала себѣ отъ византійскаго правительства такія привилегіи, при которыхъ ей легко было завладѣть экономическими средствами страны и стянуть въ свои руки производительность и торговлю. Пользуясь правомъ селиться въ Константинополь, заводить факторіи и конторы въ портахъ и безплатно торговать въ имперіи, Венеція могла хозяйничать въ Византіи по своему усмотрѣнію, свободная отъ полицейскаго и таможеннаго надзора и отъ всякой конкуренціи. Если венеціанцы завывались и становились оченъ строптивы, Византія грозила имъ отгнѣной привилегіей и открытіемъ своихъ рынковъ неконнымъ соперникамъ Венеціи генуэзцамъ и пизанцамъ. Такъ за 30 лѣтъ до занимающаго насъ событія, (въ 1172 г.), желая дать урокъ венеціанцамъ, царь Мануилъ наложилъ арестъ на имущество венеціанской колоніи, проживавшей въ Константинополь, причемъ до 20 тысячъ венеціанцевъ потеряли свои товары и недвижимую собственность. Хотя правительство скоро затѣмъ и обязалось вознаградить республику за убытки, но фактически оно не въ состояніи было исполнить это обязательство. Черезъ десять лѣтъ (1182 г.) снова повто-

рилось разграбленіе венеціанской колоніи, при чемъ константинопольская чернь дошла до чрезвычайнаго варварства: грабила и ранила имущество пришельцевъ, многіе изъ венеціанцевъ были убиты или проданы въ рабство. Съ того времени Венеція имѣла непримиримую вражду къ грекамъ и выжидала лишь удобнаго случая свести съ ними счеты. Въ 1187 году заключая съ Византіей оборонительный и наступательный союзъ, Венеція вставила въ договоръ и статью о возмѣщеніи убытковъ, которые возрасли теперь до громаднхъ цифръ. Уплата по этому старому счету съ Византіей и гарантирована была упомянутымъ секретнымъ соглашеніемъ между королемъ и дожемъ.

Въ первой половинѣ апрѣля крестоносцы посажены были снова на суда и направилеь къ острову Корфу, гдѣ состоялось формальное представленіе вождямъ греческаго царевича Алексѣя. Онъ легкомысленно увѣрялъ вождей, что предпринятое ими дѣло не встрѣтитъ никакихъ препятствій, что въ портахъ константинопольскихъ его ждетъ флотъ въ 600 кораблей и что населеніе имперіи ожидаетъ его съ распростертыми объятіями. Царевичъ старался пустить пыль въ глаза роскошью и щедрыми подачками. Но такъ какъ казна съ собой было у него мало, то онъ давалъ росписки и подписывалъ денежныя обязательства. Мы знаемъ, что къ нему предъявлено было потомъ разныхъ обязательствъ на сумму въ 450 т. марокъ (до 9 мил. р.), и можно смѣло сказать, что эти обязательства были сдѣланы въ Корфу на подкупъ отдѣльныхъ рыцарей. Къ 25 мая улажены были частныя затрудненія, крестоносцы пошли на Константинополь.

Въ концѣ іюня крестоносный флотъ съ царевичемъ Алексѣемъ былъ у Константинополя. Главные вожди могли уже теперь убѣдиться, что задача ихъ возвратить царскій тронъ царевичу Алексѣю не такъ легка, что царевичъ сильно преувеличивалъ и расположение къ нему грековъ и готовность константинопольской арміи и флота стать на его сторону по первому же приглашенію крестоносцевъ. Напротивъ, оказалось, что греки враждебно относились къ царевичу, островитяне не хотѣли давать ему присяги, а въ Константинополѣ принимали въ шутку его притязанія. Крестонос-

царь предостало начать съ враждебной демонстраціи, а этого имъ хотѣлось избѣжать, въ виду сравнительной слабости ихъ силъ.

Что касается оборонительныхъ мѣръ, принятыхъ царемъ Алексѣемъ III, то въ этомъ отношеніи вся надежда возлагалась на крѣпкія стѣны и недоступность столицы съ моря. Само собой разумѣется, никому въ голову не приходило, чтобы кака-нибудь горсть латвиновъ въ 30 съ небольшимъ тысячъ могла серьезно угрожать защищенному крѣпкими стѣнами городу, считавшему до милліона населенія. Самая слабая сторона защиты была въ отсутствіи флота. Со времени оборонительнаго и наступательнаго союза съ Венеціей въ 1187 году, возложивъ обязанность морской службѣ на венеціанцевъ, Византія доводила свой военный флотъ до минимума. Хотя деньги на устройство флота собирались, но они или по карманамъ чиновъ адмиралтейства, тогдашній адмиралъ флота Стрэфиа крайне злоупотреблялъ своей частію, и въ домыкъ византійскихъ оказалось всего 20 кораблей, да и то негодныхъ къ дѣлу. Горизонъ константинопольскій не былъ доведенъ до такой численности, чтобы быть въ состояніи защищать всѣ городскія укрѣпленія. Въ виду такого положенія дѣлъ царь Алексѣй III ограничился выжидательными мѣрами.

Крестоносцы пристали къ азіатскому берегу, запаслись тамъ продовольствіемъ, пограбивъ окрестности, и рѣшились 8 іюля погнать византійцевъ къ принятію на царство царовича Алексѣя. Главными условіями крестоносцевъ направлены были на Галатскую башню и на цѣпь, запирающую входъ въ Золотой Рогъ. Этотъ знаменитый заливъ, врѣзывающійся въ городъ и раздѣляющій его на двѣ части, представлялъ собой самое мѣсто защиты по случаю непригодности флота. Привлекъ на службу охотниковъ и собравъ свою гвардію и часть войскъ изъ ближайшихъ окрестностей, Алексѣй расположилъ 70 тысячамъ войска. Но какъ видно, этому войску не доставало организаціи, потому что оно не могло отстоять натиска крестоносцевъ, высадившихся съ кораблей и дѣйствовавшихъ уже на коняхъ. Башня Галата была взята и въ то же время прорвана цѣпь, запиравшая входъ въ Золотой Рогъ. Этими въ сущности обезпечивалось командованіе городомъ, потому что кре-

стеновыи могли теперь едѣвать высадку гдѣ угодно. И они дѣйствительно расположились лагеремъ у Влахернскаго дворца. Населеніе Константинополя было крайне встревожено непринимательностью царя. Духовенство въ своихъ проповѣдяхъ и уличныи ораторы прямо обвиняли правительство въ измѣнѣ и возбуждали народъ постоять за вѣру, которой угрожали латиняне. Подъ вліяніемъ общаго недовольства Алексѣй III рѣшился сдѣлать вылазку на 17 іюля; сначала осаждающіе были отбиты со стороны Галаты и Влахернскаго дворца, но греки не воспользовались побѣдой и по приказанію царя возвратились подъ защиту стѣнъ, не нанеся существеннаго вреда непріятелю. Когда вылазка окончилась неудачно, тогда Алексѣй III рѣшился на постыдное бѣгство изъ Константинополя, гдѣ онъ оставилъ жену и дѣтей.

Бѣгство Алексѣя развѣвывало крестоносцамъ рука, ибо они повидимому только того и добивались, чтобы посадить на престолъ своего царевича Алексѣя. Но утромъ 19 іюля въ городѣ начались волненія. На мѣсто бѣжавшаго Алексѣя III толпа провозглашаетъ царемъ сѣвшаго Исаака и приводитъ его изъ тюрьмы во дворецъ. Это уже было совершенно вопреки ожиданіямъ крестоносцевъ и усложняло для нихъ дѣло, ибо вслѣдствіе вовведенія на престолъ Исаака становилась излишней осада города и дальнѣйшія вымогательства. Греки сейчасъ же оповѣстили латинягъ о происшедшемъ и пригласили царевича Алексѣя раздѣлить власть съ отцомъ.— Не выступая на очередь вопросъ о денежныхъ обязательствахъ: кто же будетъ платить? Крестоносцы задержали у себя царевича и отправили четырехъ депутатовъ къ Исааку спросить его, намѣрежь ли онъ вознаградить ихъ за услугу, оказанную въ пользу его сына. Исаакъ спросилъ о суммѣ и отвѣтилъ: „конечно, вы оказали такую большую услугу, что за нее можно бы отдать и всю имперію, но я не знаю, изъ чего вамъ уплатить“.—Съ іюля по конецъ августа шли переговоры по разъясненію труднаго вопроса о денежныхъ обязательствахъ. Крестоносцы принужденны были выпустить Алексѣя Исааковича въ Константинополь, надѣясь при его помощи пробудить царя ратифицировать договоръ. Старикъ Исаакъ долго колебался, наконецъ далъ свою подпись. 1-го августа царевичъ Але-

каей объявленъ былъ императоромъ и съ этого времени начинаются для него ужасныя затрудненія по выполненію договора.

Правительство оказалось въ крайнеи затрудненіи въ виду недовольства грековъ на своеволие и дерзость латинянъ и въ виду безцеремонныхъ вымогательствъ новыхъ и новыхъ въпосовъ. Съ большимъ трудомъ, посредствомъ конфискаціи имущества приверженцевъ прежняго правительства, посредствомъ присвоенія церковныхъ цѣнностей и переплавки памятниковъ искусства, удалось Исааку реализовать 100.000 марокъ. Эту сумму слѣдовало раздѣлить поровну между венеціанцами и франгузами, послѣднимъ осталось изъ нея очень мало, ибо они должны были выплатить Венеціи 34.000 марки за провозъ. Первый взносъ слѣланъ въ сентябрѣ, но онъ не удовлетворилъ крестоносцевъ, которые требовали слѣдующихъ въпосовъ, а Исаакъ положительно не зналъ откуда ихъ взять. Прямымъ послѣдствіемъ этого было соглашеніе между Исаакомъ и Г. Дандоло, по которому крестоносцы обязались продлить на годъ пребываніе свое въ Константинополь, дабы, какъ говорилось официально утвердить на престолѣ Исаака, на самомъ же дѣлѣ, чтобы получить всю сумму по обязательствамъ царевича.

Положеніе однако ухудшилось со дня въ день. Хотя теперь крестоносцы не были осаждающей арміей, а скорѣе наемниками на службѣ имперіи, но кварталъ, гдѣ они расположились, былъ мѣстомъ, мимо котораго ни одинъ грекъ не могъ проходить хладнокровно. Между греками и латинянами происходили частыя свалки, всѣ иностранцы, проживающіе въ Константинополь заподозрѣны въ вѣроломствѣ и подвергались дневнымъ нападеніямъ и грабежу. Самъ царевичъ Алексій слѣдился предметомъ ненависти и отвращенія; и въ самомъ дѣлѣ, появляясь въ латинскомъ платьѣ и окруженный иностранцами, онъ слишкомъ оскорблялъ національныя чувства и возбуждалъ противъ себя общее неудовольствіе.

Когда выяснилось, что Исаакъ не можетъ исполнить обязательствъ, крестоносцы поняли, что имъ придется снова прибѣгнуть къ оружію. Г. Дандоло старался всѣми мѣрами ускорить развязку, указывая въ лагерь крестоносцевъ, что Исаакъ не внушаетъ довѣрія и что положеніе его совсѣмъ не прочно. Къ концу 1203

года правительство даже прекратило доставку съѣстныхъ припасовъ латинянамъ, послѣдніе отправили къ царямъ 6 уполномоченныхъ съ извѣстіемъ, что если не желаютъ удовлетворять ихъ требованія, то они будутъ добывать свои права по своему усмотрѣнію. Въ нашей землѣ, говорили послы, есть обычай не прежде вступать съ врагомъ въ войну, какъ объявивъ ему объ этомъ. Вы слышали наши слова, а теперь дѣлайте какъ заблагорасудится.

Въ январѣ 1204 года въ Константинополь подготовлена была революція. Во главѣ движенія находился царедворецъ Алексѣй Дука, по прозванію Мурузфль, принадлежавшій къ партіи тѣхъ государственныхъ людей, которые желали порвать всякія сношенія съ крестоносцами. Организуя оборону города, онъ въ то же время возбуждалъ народъ и войско противъ царя Исаака. Старый и слѣпой Исаакъ, котораго ничему не научило несчастье, больше дорожилъ расположеніемъ латинянъ, чѣмъ популярностью.

Въ концѣ января монахи и рабочее населеніе Константинополя стали собираться на площадяхъ и поднимали вопросъ объ избраніи новаго царя. Исаакъ допустилъ при этомъ ошибку, предложивъ крестоносцамъ вступить въ городъ для водворенія порядка. Переговоры по этому деликатному дѣлу поручены были Алексѣю Мурузфлу, а онъ выдалъ тайну народу. Тогда начался полный мятежъ, за время анархіи А. Дука избранъ царемъ, а Исаакъ не могъ перенести горя и умеръ, сынъ же его посаженъ въ тюрьму и тамъ убитъ.

Разсказанныя событія ставили для крестоносцевъ совершенно новыя задачи и цѣли. За смертію царевича Алексѣя они теряли прямую цѣль похода на Константинополь, вопросъ объ уплатѣ денежныхъ обязательствъ теперь получалъ новое значеніе. Согласится ли Алексѣй Дука выполнить обязательства царей, на мѣсто которыхъ онъ избранъ? По всѣмъ внѣшнимъ признакамъ нѣтъ, потому что новый царь старался заслужить довѣріе населенія и дѣятельно занимался укрѣпленіемъ стѣнъ, восстановленіемъ разрушенныхъ частей города, на предложеніе-же уплатить деньги по контракту и ратификовать другія статьи договора отвѣчалъ отказомъ. Въ мартѣ 1204 года имѣлъ мѣсто весьма любопытный договоръ между Бо-

нифаціемъ и Дандоло, имѣющій предметомъ планъ раздѣла имперіи. Если предыдущія дѣйствія крестоносцевъ могутъ еще имѣть для себя какое-нибудь оправданіе, то съ марта всякій видъ легальности былъ уже оставленъ. Актъ, заключенный въ это время, обращаетъ на себя вниманіе именно тѣмъ, что онъ представляетъ зрѣло обдуманнѣйшій планъ дѣйствій, отъ котораго крестоносцы не отступили ни на іоту. Этимъ актомъ рѣшено было 1) взять Константинополь вооруженной рукой и установить въ немъ новое правительство изъ латинянъ; 2) городъ предать расхищенію и всю добычу, сложивъ въ одно мѣсто, раздѣлить полюбовно. Три доли изъ добычи должны идти на погашеніе долга Венеціи и удовлетвореніе обязательствъ царевича Алексѣя, четвертая доля на удовлетвореніе частныхъ претензій Бонифація и французскихъ князей; 3) по завоеваніи города, 12 избирателей, по 6 отъ Венеціи и Франціи, приступать къ выбору императора; 4) тотъ, кто будетъ избранъ въ императоры, получаетъ четвертую часть всей имперіи, остальные дѣлятся по ровну между венеціанцами и французами; 5) та сторона, изъ которой не будетъ избранъ императоръ, получаетъ въ свою власть церковь св. Софіи и право на избраніе патріарха изъ духовенства своей земли; 6) договаривающіеся обязываются годъ прожить въ Константинополѣ, чтобы утвердить новый порядокъ вещей; 7) изъ венеціанцевъ и французовъ избрана будетъ коммиссія изъ 12 лицъ, на обязанности которыхъ будетъ лежать распредѣленіе леновъ и почетныхъ должностей между всѣми участниками въ походѣ; 8) всѣ вожди, имѣющіе получить лены, дадутъ императору вассальную присягу, отъ которой освобождается одинъ дожъ Венеціи.—За подписаніемъ этого договора послѣдовалъ подробный планъ распредѣленія частей имперіи. Можно замѣтить, что этотъ планъ составляли хорошо знающіе имперію люди: на долю Венеціи выпалъ самый лакомый кусокъ: приморскія области, важныя въ торговомъ, промышленномъ и военномъ отношеніи.—Такъ написана была исторія ближайшихъ судебъ имперіи.

Между тѣмъ съ той и другой стороны шли дѣятельныя приготовленія къ окончательной развязкѣ. Въ военномъ совѣтѣ у латинянъ рѣшено было сдѣлать штурмъ со стороны Золотаго Рога у

Влахерискаго дворца. Выгода византийскаго положенія заключалась въ высокихъ стѣнахъ и рвахъ. Долго крестоносцы напрягали крайнія усилія, чтобы засыпать рвы и подойти къ стѣнамъ съ лѣстницами, но сверху осыпали ихъ градомъ стрѣлъ и камней. Къ вечеру 9 апрѣля взята была башня, и крестоносцы ворвались въ городъ, но не посмѣли воспользоваться занятымъ положеніемъ и на ночь оставили позицію. Въ городѣ произошелъ третій, начиная со времени осады, пожаръ, истребившій двѣ трети города. Второй штурмъ имѣлъ мѣсто 12 апрѣля, и это былъ день взятія Константинополя. Алексѣй Дука, отчаявшись въ благоприятномъ исходѣ, бѣжалъ; въ городѣ началась паника, народъ разбѣжался по отдаленнымъ кварталамъ и организовалъ отчаянную защиту въ тѣсныхъ улицахъ, устраивая загражденія латинянамъ. Утромъ 13 апрѣля вступилъ въ городъ Бонифаций, греки просили у него пощады, но онъ обѣщалъ войску трехдневный грабежъ, и не отмѣнилъ своего слова.

Эти три дня грабежа при заревѣ пожара превосходятъ всякое описаніе. По истеченіи многихъ лѣтъ, когда все уже пришло въ обычный порядокъ, греки не могли безъ ужаса вспомнить о пережитыхъ сценахъ. Отряды крестоносцевъ бросались по всѣмъ направленіямъ собирать добычу. Магазины, частные дома, церкви и императорскіе дворцы тщательно обысканы и разграблены, безоружные жители подвергались избиенію. Счастливыми считали себя тѣ, кто успѣлъ въ общей суматохѣ пробраться къ стѣнамъ и бѣжать изъ города; такъ спаслись патриархъ І. Каматиръ и сенаторъ Н. Аюкхинатъ, который впоследствии картинно описалъ ужасные дни грабежа. Въ особенности нужно отмѣтить варварское отношеніе латинянъ къ памятникамъ искусства, къ библіотекамъ и святынямъ византийскимъ. Врываясь въ храмы, крестоносцы бросались на церковную утварь и украшенія, вламывали раки съ мощами святыхъ, похищали церковные сосуды, ломали и били драгоценныя памятники, жгли рукописи. Многія частныя лица составили себѣ богатства въ это время, и потомство ихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій гордилось похищенными въ Константинополь дровностями. Епископы и аббаты монастырей впоследствии подробно описали въ назиданію потомству, какія святыни и какъ пріобрѣли они въ Кон-

стантинополѣ. Хотя они описывали исторію хищеній, но называли это святымъ хищеніемъ. Нѣкто Мартинъ, аббать монастыря въ Парижѣ, вошелъ въ эти дни въ греческій храмъ, куда греки снесли изъ окрестныхъ домовъ свои сокровища и святыни въ надеждѣ, что носители креста пощадятъ церкви Божіи. Аббать, предоставивъ солдатамъ расправляться съ толпой, искавшей защиты въ церкви, самъ сталъ обыскивать на хорахъ и въ ризницѣ, не попадется ли чего поцѣннѣй. Тутъ онъ наткнулся на стараго священника и потребовалъ отъ него подъ угрозой смерти показать, гдѣ скрыты мощи святыхъ и сокровища. Священникъ, видя, что имѣетъ дѣло съ духовнымъ лицомъ, указалъ ему на окованный желѣзомъ сундукъ, въ который аббать запустилъ руки и выбралъ то, что ему казалось болѣе важнымъ. Такъ аббату удалось похитить ковчежець съ кровью Спасителя, кусочекъ дерева крестнаго, кость І. Крестителя, часть руки св. Іакова.

Такими святынями украшались церкви и монастыри западные.

А вотъ другой рядъ наблюденій о дѣяніяхъ другихъ отрядовъ. „Завтра же солнцу восходящу внидоша во св. Софію и одраша двери и разсѣкоша эмболъ окованный серебромъ и столпы серебряныя 12, и 4 иконостаса и тѣбло изсѣкоша и 12 престоловъ, и преграды алтарныя, а то все было изъ серебра, и со св. трапезы отодраша дорогіе камни и жемчугъ. Захватили 40 кубковъ и наникадила и свѣтильники серебряныя, имъ же нѣсть числа. Съ безцѣнными сосудами похитили евангеліе и кресты и иконы, послѣднія снимали съ нѣсть и отдирали съ нихъ ризы. А подъ трапезой нашли 40 кадей чистаго золота, а на хорахъ и въ ризницѣ и не сочтешь сколько взяли драгоцѣнностей. Такъ обобрали св. Софію, Св. Богородицу Влахернскую, идѣже св. Духъ схождаше во вся пятницѣ, и ту одраша, а о другихъ церквахъ и сказать нельзя, яко безъ числа. Черницѣ и черноповъ и поповъ облупяша, а нѣкоторыхъ избяша“. Свирѣпостью и неумолимостью отличался болѣе всѣхъ Бонифацій и сопутствовавшій ему отрядъ нѣмецкихъ крестоносцевъ; одинъ изъ нѣмецкихъ графовъ по фамиліи Катценелленбогенъ по преимуществу запятналъ себя поджогами.

Когда насыщена была жадность побѣдителей, приступили къ

исполненію статьи договора о раздѣлѣ добычи. Нельзя конечно думать, что всѣ крестоносцы честно выполнили обязательство и показали все награбленное. Тѣмъ не менѣе, по оцѣнкѣ и той части, которая была показана, добыча французовъ простиралась на 400 т. марокъ (8 милл.). По удовлетвореніи обязательствъ царевича Алексѣя и по выплатѣ перевозной платы Венеціи, остатокъ былъ раздѣленъ между крестоносцами: досталось каждому пѣхотинцу по 5 марокъ, кавалеристу по 10, рыцарю по 20 (въ дѣлежъ участвовало всего до 15 т. человекъ). Если принять во вниманіе еще долю Венеціи, да долю главныхъ вождей, то общая сумма добычи будетъ простираться до 20 милл. рублей. Лучше всего о громадныхъ богатствахъ, найденныхъ въ Константинополѣ, можетъ свидѣтельствовать предложеніе венеціанскихъ банкировъ взять на откупъ всю добычу и выплатить по 100 марокъ каждому пѣхотинцу, по 200 кавалеристу и по 400 рыцарю. Но это предложеніе не было принято, ибо сочтено невыгоднымъ. Что касается памятниковъ искусства, въ которыхъ крестоносцы не понимали толку, то въ этомъ отношеніи никакія цифры не могутъ изобразить сумму вреда и порчи. Латиняне придавали нѣкоторое значеніе только металлу, который переливали въ слитки, а мраморъ, дерево, кость—шли ни по чемъ. Только Дандоло оцѣнилъ 4 бронзовыхъ съ позолотой коней на ипподромѣ, которые и до нынѣ украшаютъ портикъ св. Марка въ Венеціи.

Затѣмъ приступлено къ осуществленію второй статьи плана—объ организаціи власти. Всѣхъ болѣе на титулъ императора имѣлъ конечно права главнокомандующій походомъ Бонифацій. Но когда наступила пора выборовъ, то шесть избирателей отъ Венеціи и шесть отъ Франціи далеко не расположены были подать голосъ за итальянскаго князя. Бонифацій хотѣлъ было повліять на избирателей тѣмъ, что заявилъ желаніе жениться на вдовѣ Исаака, императрицѣ Маргаритѣ, но и это не помогло. Такъ какъ шесть венеціанскихъ избирателей естественно склонялись подать голосъ за своего дожа, но результатъ голосованія непременно долженъ былъ рѣшиться французскими избирателями, составленными на половину изъ духовенства Шампани и прирейнскихъ областей Германіи. Но

избиратели отъ Франціи могли дать перевѣсъ только такому лицу, которое будетъ поддержано и венеціанцами. Г. Дандоло не желалъ титула императора, притомъ Венеція хорошо обезпечивала свои права другими статьями конвенціи, влѣдствіе этого окончательное рѣшеніе въ выборѣ переходило къ венеціанскимъ избирателямъ. Для Венеціи не было политическаго расчета уславлять маркграфа Монферратскаго, т. е. сѣверо-итальянскаго князя, который въ будущемъ могъ стѣснять Венецію. Такъ выступила кандидатура князя Балдуина фландрскаго, который какъ болѣе отдаленный владѣтельный князь представлялся менѣе опаснымъ Венеціи. При голосованіи Балдуинъ получилъ 9 голосовъ (6 отъ Венеціи и 3 отъ духовенства при-рейнскаго), Вонифацій только 3. Провозглашеніе Балдуина послѣдовало 9 мая.

Новое правительство съ латинскимъ императоромъ во главѣ должно было осуществить теперь 3 статью договора о выдѣлѣ ленновъ и о раздѣлѣ имперіи. Когда въ сентябрѣ подошли къ этому вопросу, то нашли, что осуществить проектъ раздѣла въ высшей степени не легко. Дѣйствующая армія крестоносцевъ простиралась лишь до 15 т., а между тѣмъ ей предстояло вѣсть дѣло съ имперіей, въ которой парализована была голова, но все другіе члены обнаруживали еще признаки жизни. Провинціи имперіи не признали совершившихся фактовъ: кромѣ двухъ императоровъ, Алексѣя III и IV, бѣжавшихъ во время осады,—въ ночь, передъ вступленіемъ латинявъ въ Константинополь, избранъ былъ еще новый императоръ Федоръ Ласкарисъ, который также бѣжалъ изъ города. Итакъ, нужно было считаться съ 3 императорами, которые держались въ провинціяхъ.

Осенью 1204 года латинское правительство предпринимаетъ задачу подчиненія имперіи, т. е. походы въ провинціи съ цѣлью завоеванія ихъ. Нужно было удовлетворить ожиданія всей массы крестоносцевъ по отношенію къ леннымъ владѣніямъ. Желающихъ получить лены было много, а раздавать пока было не откуда. Между тѣмъ войны Христовы давно уже томились надеждой устроиться въ областяхъ имперіи какъ у себя дома, получить населенныя земли во владѣніе и отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ. Правительство

щедро раздавало титулы и званія, рыцари тщательно изучали карту имперіи и выбирали себѣ мѣста по вкусу. Появились герцоги никейскіе, филиппонольскіе, лакедемонскіе, графы менѣе значительныхъ городовъ, герцогства и графства проигрывались и выигрывались въ кости. Выше сказано, что болѣе удачно обставлены были интересы Венеціи, она заранее обезпечила себѣ владѣніе промышленными и торговыми центрами. Далматинское побережье, часть острововъ, приморскіе пункты въ Сиріи — все это была часть Венеціи. Но не меньше было желанія обезпечить себя и у другихъ князей. Бонифацій, обманувшись въ расчетахъ на титулъ императора, скоро понялъ, что и доставшаяся ему при дѣлѣжѣ часть далеко не выгодна. По проекту на его долю выпадали восточныя области. Но теперь, когда избранъ былъ въ императоры Балдуинъ, онъ нашелъ, что было бы лучше получить что-нибудь болѣе вѣрное на западѣ. Фамильныя воспоминанія тянули его къ Македоніи, именно къ Солуни, гдѣ братъ его, служившій въ имперіи, имѣлъ земельныя пожалованья. Когда онъ заявилъ Балдуину, что охотно откажется отъ Востока въ обмѣнъ на Солунскій округъ, то Балдуинъ выразилъ по этому поводу неудовольствіе. Въ самомъ дѣлѣ, ему могли внушать серьезныя опасенія намѣренія Бонифація утвердиться въ Солуни, ибо отсюда онъ могъ доминировать въ Греціи, гдѣ имѣли лены французскіе рыцари, кромѣ же того Бонифацій, какъ мужъ экъс — императрицы Маргариты, дочери венгерскаго короля, могъ угрожать въ союзѣ съ венгерами и самому Константинополю.

Такимъ образомъ, Балдуинъ рѣшительно высказался противъ предложенія Бонифація, что породило охлажденіе между вождями и угрожало усобицей. Но въ то время какъ Балдуинъ, предпринявъ экспедицію въ Македонію, старался фактически распространить здѣсь свою власть, заставляя населеніе присягать себѣ, Бонифацій перехитрилъ его дипломатическими переговорами съ Г. Дандоло. 12 августа 1204 г. состоялся актъ запродажи Бонифаціемъ въ пользу Венеціи всѣхъ его правъ и притязаній на области имперіи и на обязательства, данныя царевичемъ Алексѣемъ, за что Венеція выплатила ему одновременно 1000 марокъ серебра и обязалась дать ему ленъ на западѣ, доходы съ котораго равнялись бы 30 т.

рублей. Въ послѣдствіи оказалось, что не названный въ формальномъ контрактѣ ленъ былъ именно Солунскій округъ. Этимъ актомъ Бонифаціи выигрывалъ очень много: 1) онъ получалъ (европейскую область, расположенную у моря; 2) получалъ ее не какъ ленъ императора, которому слѣдовательно не давалъ присяги на вѣрность, и съ которымъ могъ смѣло вступить даже въ борьбу.

Итакъ, латинская имперія въ Константинополѣ съ осени 1204 года можетъ считаться совершившимся фактомъ.

Мнѣ необходимо еще сказать нѣсколько словъ о возмездіи, постигшемъ крестоносцевъ за содѣянные ими неправды. Прежде всего, какъ понять то обстоятельство, что имперія, военныя силы которой простирались до сотни тысячъ, пала подъ ударами горсти иноземцевъ, въ 15 съ небольшимъ тысячъ? — Важнѣйшіе факты Византійской исторіи всегда оставались загадкой, пока не было оценено значеніе славянской стихіи въ имперіи. Въ трудныя историческія эпохи, обозначившія крайнюю слабость Византіи, необходимо въ особенности тщательное обследованіе роли славянской стихіи. Посмотримъ, же, въ какомъ отношеніи стояли греки къ славянамъ и обратно при династіи Ангеловъ. Самымъ выразительнымъ въ этомъ отношеніи фактомъ было освобожденіе Болгаріи изъ подъ власти Византіи, начавшееся въ 1185 году и во время 4 крестоваго похода вполне уже совершившееся. Здѣсь, за Балканами, ожидала латинянь неумолимая немезида. Царь Іоаннъ Асенъ рядомъ удачныхъ войнъ съ имперіей не только освободилъ Болгарію отъ византійскихъ гарнизоновъ, но перешагнулъ за Балканы и завладѣлъ городами Тракіи и Македоніи съ славянскимъ населеніемъ. Во времени латинскаго вторженія только треугольникъ между Константинополемъ и Андрианополемъ признавалъ власть имперіи, вся остальная часть Балканскаго полуострова тянула къ Болгаріи. Вотъ гдѣ причина, что имперія не могла стянуть въ Константинополь европейскія войска, морскія же сношенія съ Греціей, островами и Востокомъ были для нея отрѣзаны за отсутствіемъ флота. Послѣ завоеванія латинянами Константинополя была одна живая сила, которая въ состояніи была помѣряться съ ними, это болгаре. Даже та уступчивость, съ которой Исаакъ и Алексій вели себя по отно-

шенію къ латинянамъ и готовность, съ которой они приняли услугу крестоносцевъ, находить себѣ объясненіе въ грозѣ, надвигавшейся съ сѣвера.

И крестоносцы и болгаре хорошо понимали, что имъ придется оспаривать другъ у друга власть на Балканскомъ полуостровѣ. Былъ моментъ, когда Іоаннъ Асень питалъ надежду войти въ соглашеніе съ крестоносцами и полюбовно раздѣлить имперію. Но латинскіе вожди посматрѣли на дѣло иначе и подвергли сомнѣнію самую политическую свободу Болгаріи, хотя Асень получилъ уже отъ папы королевскій титулъ. Асень выступилъ тогда противъ крестоносцевъ съ болѣе широкими претензіями. Такъ какъ латиняне въ упоеніи легкой побѣдой слишкомъ оскорбляли самолюбіе грековъ, осмѣивали ихъ вѣру и обряды и посягали на обращеніе ихъ въ католичество, то многіе знатные греки нашли справедливымъ перейти на службу къ болгарскому царю и внушили ему такіе политическіе и военные планы, какихъ самъ онъ, можетъ быть, не былъ въ состояніи придумать. Прежде всего греки начинаютъ движеніе противъ латинянь и организуютъ народную войну. Этимъ опредѣлился планъ Асеня: выступить защитникомъ православія и греко-болгарской народности противъ латинскаго преобладанія и съ тѣмъ вмѣстѣ принять на себя задачу оживленія оскудѣвшаго въ Византіи императорства.

Между тѣмъ латиняне нисколько не догадывались о положеніи дѣлъ. Занявъ нѣкоторые города Балканскаго полуострова, Балдуинъ и Бонифацій оставили въ нихъ небольшіе гарнизоны и со всѣми остальными силами пошли на Востокъ, чтобы и тамъ водворить вновь пожалованныхъ герцоговъ и графовъ въ греческіе города и области. Этимъ то временемъ и пользуется Асень, чтобы поднять и руководить народнымъ движеніемъ. Оно приобрѣло громадную силу и сопровождалось поголовнымъ истребленіемъ латинянь, такъ что послѣдніе совсѣмъ очистили Балканскій полуостровъ и приносили вождямъ извѣстіе одно хуже другого. Это была роковая эпоха для латинянь, точно также и для Болгаріи. Напуганные дурными вѣстями съ запада, крестоносцы бросили свои военныя операціи противъ Никеи и Трапезунта и перевели снова свои силы на западъ. Это единственная причина, объясняющая образованіе на Востокъ Никейской имперіи: не будь сдѣлана въ это время диверсія со стороны Асеня

никогда бы не могла образоваться на Востокъ новая греческая имперія со столицей въ Никеѣ, а если бы она не организовалась, то съ XIII столѣтія на Востокъ не было бы центра греческой національности, и для Болгаріи не было бы политическаго соперника.

Весной 1205 года латинскіе вожди пошли противъ І. Асеня. Въ битвѣ подъ Адрианополемъ 15 апрѣля погибъ цвѣтъ латинскаго рыцарства и взятъ въ плѣнъ царь Балдуинъ. Оставшіеся въ живыхъ послали на западъ печальныя извѣстія о ходѣ дѣлъ и умоляли папу о собраніи новаго крестоваго похода.

Но этимъ не кончились невзгоды крестоносцевъ. Совершенно отрѣзанные отъ западныхъ провинцій, они заперлись въ Константинополѣ и со страхомъ ожидали осады. Папа отказался преповѣдовать новый походъ и рекомендовалъ регенту константинопольскому искать союза и дружбы съ болгарами. — Для царя Асеня открывались неожиданныя перспективы, весь Балканскій полуостровъ былъ въ его власти, ему оставалось сдѣлать только шагъ къ завоеванію Константинополя. — Почему Асень не сдѣлалъ этого послѣдняго шага? Здѣсь я нахожу еще поучительный урокъ, которыхъ такъ много даетъ исторія грекославянскихъ отношеній. Асень не удержался на высотѣ политическаго призванія, напротивъ сдѣлался орудіемъ глухой, вѣками подготовлявшейся народной ненависти славянъ къ грекамъ, далъ полную волю этому чувству и смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ его болгаре и союзники ихъ половцы стали обращать въ развалины греческіе города и поселенія. Одна мѣра, не лишенная впрочемъ политическаго смысла, иначе не можетъ быть названа, какъ мѣрой возмездія грекамъ. Извѣстно, что греческое правительство часто практиковало систему переселеній съ востока на западъ въ видахъ ослабленія на Балканахъ славянскаго элемента. Теперь Асень въ свою очередь нашелъ полезнымъ, чтобы дать мѣсто болгарамъ во Фракіи и Македоніи, переселить массу грековъ къ Дунаю. Такія дѣйствія болгарскаго царя заставили грековъ призадуматься надъ той мыслью, лучше ли имъ будетъ подъ болгарскимъ господствомъ, чѣмъ подъ латинскимъ. Эти колебанія скоро рѣшились противъ болгарскаго царя. Онъ потерялъ въ грекахъ самыхъ полезныхъ въ данный моментъ союзниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ выпустилъ изъ рукъ Константинополь. Въ 1206 году благоприятный моментъ

былъ уже пропущенъ, противъ болгаръ стояли теперь греки въ союзѣ съ латинянами. Но царь Асень упорно отставалъ свои притязанія, и въ битвѣ подъ Салунью палъ другой герой IV крестоваго похода, Бонифаций Монферратскій. Только дожъ Венеціи умеръ своею смертію въ Константинополѣ въ іюнь 1205 года.

Изложенный эпизодъ изъ исторіи отношеній западной Европы къ Востоку имѣетъ глубокой исторической смыслъ. Не будемъ особенно настаивать на томъ, что ничья властная рука не поднялась въ защиту попираемаго ногами права и ничей голосъ не высказался противъ издѣвательства надъ религиознымъ чувствомъ народныхъ массъ. Властные люди были ослѣплены страстью и дѣйствовали или подъ вліяніемъ политическихъ разсчетовъ, или экономическихъ финансовыхъ соображеній. Уступимъ политическимъ дѣятелямъ ихъ право слѣдовать мотивамъ холоднаго разсчета, но и считаю, что исторія утратила бы свой образовательный и гуманизирующій характеръ, если бы человѣческія дѣянія не подвергались оцѣнкѣ со стороны другихъ мотивовъ. Чувство справедливости до известной степени удовлетворено тѣмъ, что крестоносцы жестоко поплатились за свою неправду противъ грековъ. Но ужели въ началѣ XIII в. дѣянiе латинянъ не представлялось никому зазорнымъ? Во время осады и взятія Константинополя былъ тамъ одинъ новгородецъ, который потомъ и сообщилъ свои впечатлѣнія лѣтописцу. Въ Новгородской лѣтописи „подвигъ“ крестоносцевъ сведенъ съ пьедестала и представленъ какъ возмутительное злодѣянiе. Русская точка зрѣнiя выдвигаетъ нравственные мотивы и клеймить эту авантюру, называемую крестовымъ походомъ, какъ позорное дѣло. „Крестоносцы возлюбили золото и серебро, пренебрегли наказомъ папы и сплели темную интригу, вслѣдствіе которой царство греческое погибло жертвой зависти и вражды къ нему со стороны Запада“.

Если изученіе исторіи должно сообщать полезныя уроки, то почерпаемый въ новгородской лѣтописи урокъ гуманности, терпимости и любви къ человѣку, нельзя не рекомендовать, какъ національное воззрѣнiе, которое тѣмъ больше имѣетъ цѣны, что стоитъ совсѣмъ одиноко и оказывается въ полномъ противорѣчiи съ хвалебными латинскими и французскими описанiями IV похода.

ГЛАВА VI.

Пятый крестовый поход *).

Съ начала крестовыхъ походовъ прошло сто лѣтъ. Въ этотъ періодъ Европа четыре раза дѣлала громадное напряженіе силъ для осуществленія своего грандіознаго предпріятія на Востокъ, но ея силы таяли, не нанося существеннаго вреда мусульманамъ. Оказывается, что какъ ни были многочисленны крестоносныя арміи, онѣ были недостаточны для достиженія имѣвшейся въ виду цѣли — ослабленія мусульманъ и подчиненія европейской культурѣ отдаленнаго Востока. Когда четвертый крестовый походъ открылъ для европейской колонизаціи области Византійской имперіи, когда въ Греціи, въ Македоніи, Эпирѣ и на островахъ обнаружилось новое поприще для добыванія чести и славы, большая часть западныхъ рыцарей нашла полное основаніе предпочесть болѣе вѣрное сомнительному и трудно достижимому въ Сиріи и Палестинѣ. Вотъ причина, по которой четвертый походъ, расширивъ поле дѣятельности крестоносцевъ и отвлекши силы ихъ отъ Востока на Византію, долженъ былъ сопровождаться весьма печальными послѣдствіями для христіанскаго дѣла на Востокъ. Первоначальный расчетъ руководителей четвертымъ походомъ — сдѣлать изъ поработенной имперіи орудіе для подчиненія мусульманскаго Востока — оказался невѣрнымъ, потому что потребовались новыя жертвы, которыя тоже должна была

---

*) Счетъ дальнѣйшихъ крестовыхъ походовъ точно не установленъ. Одинъ подъ именемъ пятаго похода разумѣютъ и излагаютъ походы дѣтей, иногда присоединая сюда же и походъ короля Венгерскаго, другіе относятъ этотъ послѣдній къ шестому походу, излагая его вмѣстѣ съ походомъ Фридриха. Тогда получается всего семь или восемь походовъ, если раздѣлить на два отдѣла походы Людовика. Соединяя въ одинъ рассказъ походъ Фридриха съ крестовымъ походомъ Венгерскаго короля Андрея и не разбивая на два отдѣла походы Людовика, мы сокращаемъ на два все число походовъ и получаемъ, вмѣсто семи или восьми, шесть.

выставлять Западная Европа, для удержанія и обезпеченія сдѣланныхъ на счетъ Византіи завоеваній.

Между тѣмъ и положеніе дѣлъ въ Сиріи требовало серьезнаго вниманія. По смерти Саладина (1193 г.) начавшіяся въ его семьѣ раздоры отвлекли силы мусульманъ къ внутренней войнѣ, братъ Саладина, Альмеликъ Аладиль, воспользовался начавшимися смутами и соединилъ подъ свою власть Египетъ, Сирію и Месопотамію, получивъ отъ калифа титулъ „короля королей“. Съ этимъ вмѣстѣ противъ слабыхъ и разрозненныхъ христіанскихъ княжествъ выступила вновь организованная сила, руководимая умнымъ политикомъ и храбрымъ вождемъ. Титулярнымъ королемъ Іерусалима былъ Генрихъ графъ Шампани, владѣвшій береговой полосой отъ Яффы до Тира и имѣвшій въ своемъ распоряженіи небольшія отряды іерусалимскихъ рыцарей, да тѣхъ крестоносцевъ, какихъ выставляли итальянскія торговыя республики. Въ Антиохіи и Триполи правилъ одинъ домъ, такъ какъ съ прекращеніемъ тулузскаго дома въ Триполи (1187) оба княжества соединились подъ властью Бозмунда III антиохійскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для обоихъ княжествъ народился соперникъ въ сосѣдственной Киликіи. Здѣсь возвысился армянскій владѣтельный домъ, въ лицѣ князя Льва II, который обращеніемъ своимъ къ римскому обряду создалъ себѣ на Востокъ исключительное положеніе и расширилъ область своего политическаго вліянія на сосѣднія страны. Усвоивъ себѣ западно-европейскія учрежденія и обычаи, Левъ II преобразовалъ свое княжество на франкскій образецъ и ввелъ у себя феодальное устройство. Вслѣдствіе чего на службѣ у него появляются западные рыцари, тампліеры и іоанниты, а итальянскіе купцы охотно стремились въ его княжество съ своими товарами и заводили у него факторіи. Словомъ, франкское вліяніе нашло въ князѣ Львѣ II ревностнаго поборника и защитника, а для дѣятельности крестоносцевъ открылось въ его земляхъ широкое и почетное поле. Особенно обѣтъ вліяній увеличился съ тѣхъ поръ, когда Левъ II женился на дочери антиохійскаго князя, а антиохійскій князь женилъ своего наследника Раймунда на племянницѣ Льва. Отъ этого послѣдняго брака произошло Рувинъ, будущій князь армянской Киликіи и сосѣднихъ

областей, имѣвшій законныя притязанія на господство въ Антиохіи. Политика Льва II несомнѣнно отличалась большимъ умомъ и не безъ основанія сравниваютъ его съ гересемъ перваго похода Боэмундомъ сицилійскимъ, какъ тотъ, такъ и другой давали большое мѣсто армянскому элементу въ европейскомъ предпріятіи ослабить мусульманство и дать преобладаніе на Востокъ христіанамъ. На Западѣ вполнѣ оцѣнили политику Льва II; папа Целестинъ III далъ согласіе на возведеніе армянскаго князя въ королевское достоинство, а императоръ Генрихъ VI обѣщалъ короновать его, когда прибудетъ на Востокъ, что и исполнено было въ 1198 г., когда архіепископъ Конрадъ Майнцкій вѣнчалъ Льва II королевскимъ вѣнцомъ.

Далѣе, на Востокъ было еще кипрское королевство, перешедшее къ западнымъ князьямъ со времени завоеванія острова Кипра Ричардомъ, управляемое королями изъ дома Лузиньяновъ. Въ 1195 г. кипрское королевство получилъ Амальрикъ, братъ Гвидо, бывшаго короля Іерусалима, который также обѣщалъ подчинить островъ римскому престолу, и получилъ отъ папы и императора согласіе на вѣнчаніе его королевскимъ вѣнцомъ. Такимъ образомъ, къ концу XIII вѣка христіанскія владѣнія въ Сиріи организуются въ державнои и политическомъ отношеніи и вступаютъ въ тѣсный союзъ, который подъ вліяніемъ папы и императора и вопреки интересамъ восточнаго православія Византійской имперіи готовится съ новыми силами выступить противъ магометъ. Всѣмъ этимъ планамъ и надеждамъ нанесенъ былъ непоправимый ударъ направленіемъ и исходомъ четвертаго крестоваго похода.

Сирійскіе христіане, не получивъ своевременно большого подкрѣпленія изъ Европы, продолжали влечить жалкое существованіе, теряя силы на внутреннюю борьбу. Нѣсколько разъ армянскій король и антиохійскій князь доходили до открытой войны, приглашая на помощь мусульманъ. Не лучше было и положеніе іерусалимскаго королевства и кипрскаго княжества. Когда по смерти Амальрика право на іерусалимское королевство перешло къ его падчерицѣ Маріи Іолантѣ, а Кипръ къ его сыну Гуго, въ обѣихъ областяхъ назначено было регентство за малолѣтствомъ правителей.

Повинуясь общему, никогда не угасавшему движенію, на Востокъ продолжали прибывать небольшіе отряды изъ разныхъ странъ, но ощущалась потребность въ большомъ движеніи, въ возбужденіи новаго крестоваго похода. За это дѣло взялся папа Иннокентій III. Что во Франціи и Германіи крестоносное движеніе продолжало дѣйствовать на умы, доказательствомъ служить безпримѣрное въ исторіи обнаруженіе его въ 1212 году. Во Франціи и Германіи экзальтація достигла такой напряженности, что вызвала движеніе среди дѣтей. Тысячи подростковъ обоого пола въ одеждѣ пилигримовъ собрались въ путешествіе за море, чтобы исполнить то дѣло, котораго Богъ не удостоилъ совершить отцамъ ихъ. Руководимыя темными личностями, толпы дѣтей добрались до Марсели и здѣсь посажены были на корабли. Часть ихъ погибла отъ крушенія на морѣ, а часть продана въ Египтѣ мусульманамъ. Говорятъ, что Фридрихъ II въ 1229 году возвращалъ свободу нѣкоторымъ изъ этихъ несчастныхъ. Подобнымъ же движеніемъ увлечены были нѣкоторыя германскія области, гдѣ также составилось ополченіе изъ дѣтей. Судьба этого послѣдняго была нѣсколько иная. Собравшаяся въ Германіи толпа въ 20 тысячъ мальчиковъ и дѣвочекъ съ большимъ трудомъ и потерями дошла до Бриндизи, но мѣстный епископъ оказалъ рѣшительное сопротивленіе этой арміи изъ дѣтей и не допустилъ ее продолжать сумасбродное дѣло. Почти всѣ участники этого похода погибли на обратномъ пути отъ истощенія и болѣзней.

Не смотря на энергичныя мѣры папы Иннокентія III, государи Европы съ большимъ трудомъ поддавались проповѣди о новомъ крестовомъ походѣ. Движеніе дѣтей вновь расшевелило религіозное чувство. Не только во Франціи и Германіи, но также въ Италіи и Англій начали организоваться большіе отряды, особенно когда папа приказалъ вербовать крестоносцевъ даже между преступниками и когда пущена была въ обращеніе мысль, что господству Магомета скоро придетъ конецъ, такъ какъ изъ числа 666 лѣтъ, данныхъ этому звѣрю по откровенію Іоанна, истекло уже 600 лѣтъ. И политическое положеніе Германіи повидимому благопріятствовало осуществленію мечты папы. Здѣсь одержала наконецъ верхъ партія Гогенштауфеновъ и король Фридрихъ II въ 1215 году далъ обѣтъ

участвовать въ крестовомъ походѣ. На соборѣ въ Римѣ принять былъ рядъ мѣръ по организаціи этого похода, который предполагено было осуществить къ 1 іюня 1217 года. Правда, со смертію Иннокентія III движеніе приостановилось, но все же походъ осуществился, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было задумано Иннокентіемъ. Этотъ походъ извѣстенъ по имени Венгерскаго короля Андрея, хотя въ немъ участвовали представители другихъ національностей, между прочимъ герцоги Лепольдъ австрійскій, Оттонъ меранскій и графъ голландскій Вильгельмъ.

Наиболѣе любопытное явленіе въ разсмотрѣнннхъ обстоятельствахъ этого похода состоитъ въ томъ, что собравшіеся подѣ Акрой крестоносцы и контингенты отъ мѣстныхъ сирійскихъ христіанъ замѣтно колебались въ выборѣ мѣста, на которое должны были направлены ихъ удары, для нихъ повидимому не было соответственной военной цѣли. Если пришлые изъ Европы крестоносцы не могли не имѣть въ мысли Іерусалима и освобожденія святыхъ мѣстъ, то въ средѣ мѣстныхъ христіанъ преобладало мнѣніе, что вопросъ объ Іерусалимѣ всего лучше можетъ быть разрѣшенъ перенесеніемъ театра военныхъ дѣйствій на Египетъ, отсюда мусульманскіе власти Сиріи черпали свои силы. Эта мысль уже была руководящей при первоначальной организаціи четвертаго похода, эта же мысль вновь подвигалась съ прибытіемъ крестоносцевъ пятаго похода. На этотъ разъ выставлялась Даміятта, какъ главный пунктъ, на который нужно направить военныя операціи. Само собой разумѣется, это соображеніе могло бы считаться вѣрнымъ, если-бы въ немъ не были замѣшаны частныя интересы—желаніе итальянскихъ республики получить возможность свободной торговли въ Египетъ. Но и указанная цѣль очевидно не всѣми считалась удовлетворительной. Дѣлается три похода въ Сирію къ Тиверіадѣ, къ Фавору и къ Бофору. Эти походы истощили силы христіанъ, заставили ихъ потерпѣть большія потери и въ концѣ концовъ не привели ни къ какому результату. Вслѣдствіе неудачъ король Андрей охладѣлъ къ дѣлу и несмотря на брошенное на него отлученіе отъ церкви іерусалимскимъ патріархомъ, оставилъ Палестину и возвратился въ Европу.

Весной 1218 г. крестоносцы приступили къ осадѣ Даміятты,

города, лежаваго на одномъ изъ рукавовъ Нила и играваго важное торговое и военное значеніе. Осада Даміетты надолго сосредоточила на себѣ все вниманіе христіанъ и, какъ прежде осада Акры, ведена была съ большой настойчивостью и упорствомъ. Даміетта окружена была тройнымъ рядомъ стѣнъ и кромѣ того пользовалась весьма выгоднымъ въ смыслѣ защиты натуральнымъ положеніемъ. Первые усилія крестоносцевъ направлены были противъ башни, съ одной стороны защищавшей городъ, съ другой же закрывавшей осаждающимъ доступъ къ морю. Они устроили изъ своихъ судовъ подвижныя плавучія машины, съ которыхъ пытались овладѣть башней. Хотя первые приступы были неудачны, но христіане не теряли энергій, дѣлали новыя приспособленія и усовершенствованія въ своихъ осадныхъ орудіяхъ и достигли того, что 24 августа часть башни была ими взята и мусульманамъ не оставалось возможности продолжать сопротивленіе; это дѣйствительно было большой успѣхъ, который привелъ въ смущеніе султана Алмелика Аладилла и былъ причиной его смерти (31 авг. 1218 г.). Но христіанамъ предстояло теперь имѣть дѣло съ городскими укрѣпленіями, ибо взятіе башни открывало имъ только сношенія съ моремъ и возможность прилива свѣжихъ силъ изъ Европы. Надежды на новыя подкрѣпленія были причиной того, что осаждающіе перестали подвергать себя новымъ опасностямъ, нѣкоторые даже снялись съ лагера и возвратились въ Европу. Правда, подкрѣпленія приходили, но вмѣстѣ съ тѣмъ, преемникъ Аладилла, сынъ его Алькамиль, постарался ввести въ Даміетту подкрѣпленія и поддержать осажденныхъ. Кромѣ того, перекинувъ мостъ черезъ Нилъ выше Даміетты, онъ сталъ тревожить лагерь крестоносцевъ частыми и неожиданными нападеніями. Къ этому присоединилось еще и то, что зимой въ лагерь крестоносцевъ начался болѣзнь, погубившій значительную часть войскъ, а разливъ Нила побудилъ ихъ позаботиться о перемѣнѣ расположенія лагеря. Въ февралѣ 1219 года крестоносцы дѣйствительно переправились на своихъ судахъ на другую сторону Нила, южнѣ Даміетты и обложили со всѣхъ сторонъ городъ. Между тѣмъ Алькамиль, справившись съ внутренними смутами, угрожавшими ему низверженіемъ, вновь собралъ подкрѣпленія

изъ Дамаска и подвелъ къ Даміэтту большія силы. Все лѣто прошло въ непрерывныхъ стычкахъ подъ Даміэттой, хотя рѣшительнаго перевѣса не имѣли ни христіане, ни мусульмане. Осажденные доведены были до крайней степени истощенія, всѣ попытки Алькамиля доставить имъ продовольствіе оказались напрасными, тогда онъ принужденъ былъ начать съ крестоносцами переговоры.

Какъ ни дорого стоила крестоносцамъ продолжительная осада Даміэтты, но все же можно было считать чрезвычайно счастливымъ то обстоятельство, что Алькамиль сдѣлалъ предложеніе возвратитъ христіанамъ королевство іерусалимское, отдать животворящій крестъ, взятый Саладиномъ, и освободитъ плѣнныхъ христіанъ, если крестоносцы снимутъ осаду съ Даміэтты. Съ точки зрѣнія цѣлей пятого похода это было бы весьма важное приобрѣтеніе, съ политической и военной стороны предложенія султана не могли не представляться весьма лестными, такъ къ нимъ и отнеслись военные люди въ лагерѣ крестоносцевъ. Но на бѣду въ пятомъ походѣ участвовалъ легатъ папы кардиналъ Пелагій, считавшійся главнокомандующимъ и въ обсужденіи предположеній Алькамиля давшій перевѣсъ не военнымъ и политическимъ соображеніямъ, а церковнымъ притязаніямъ. Его поддержали іерусалимскій патріархъ, рыцарскіе ордена и итальянцы, ставившіе на видъ торжество церкви, уничтоженіе преобладанія невѣрныхъ и предлагавшіе продолжать войну до конца. Близжайшія событія какъ будто оправдали Пелагія и его партію, Даміэтта взята была христіанами 5 ноября 1219 г., при чемъ они завладѣли громадной добычей.

Извѣстія о паденіи Даміэтты произвели сильное впечатлѣніе въ Европѣ и доставили торжество церковной партіи. Всѣ думали; что теперь пришелъ конецъ мусульманскому господству въ Египтѣ и въ Палестинѣ. И дѣйствительно, палестинскіе мусульмане начали разрушать стѣны Іерусалима и уничтожать возведенныя въ Палестинѣ укрѣпленія и казалось потеряли надежду удержаться здѣсь. Но скоро оказалось, что взятіе Даміэтты само по себѣ не обезпечивало спокойствія ни въ Египтѣ, ни въ Сиріи. Даміэтта была дѣйствительно ключемъ позиціи, но занятіе ея не обезпечивало за христіанами господство въ Египтѣ. Если бы вслѣдъ за паденіемъ

Даміэтты христіане были въ состояніи распространить свои завоеванія въ Никольской долині, тогда конечно Даміэтта была бы важнымъ приобрѣтеніемъ. Но недостатокъ общей организаціи и отсутствіе руководящей идеи сказались и теперь въ христіанскомъ войскѣ. Часть крестоносцевъ послѣ взятія Даміэтты возвратилась на родину. Оставшаяся часть и вновь прибывшіе пилигримы не могли согласиться насчетъ того, какъ поступить дальше. Король іерусалимскій Іоаннъ желалъ присоединенія Даміэтты къ іерусалимскому королевству, кардиналъ Пелагій не давалъ на это своего согласія и возбуждалъ противъ себя всеобщее недовольство въ лагерѣ своимъ высокоуміемъ и желаніемъ неограниченной власти. Кромѣ того, скоро обнаружилось, что легатъ Пелагій и его приверженцы были плохіе полководцы и далеко не знали, какъ воспользоваться плодами счастливой побѣды. Самымъ худшимъ было то, что крестоносцы продолжительное время оставались въ бездѣйствіи, чѣмъ не только утратили выгоды своего положенія, но и приготовили себѣ западню въ завоеванномъ городѣ.

Пользуясь непростительной небрежностью крестоносцевъ и раздорами въ ихъ лагерѣ, Алькамилъ успѣлъ собрать новыя подкрѣпленія и построить сильно укрѣпленный станъ въ мѣстности, господствующей надъ Даміэттой (Мансура), откуда началъ грозить христіанамъ. Было уже поздно, когда въ іюль 1221 г. крестоносцы рѣшились наконецъ перейти въ наступленіе. Ближайшей цѣлью ихъ была Мансура, а потомъ Кипръ. Предпріятіе потому въ особенности безнадежное, что оно начато было легкомысленно предъ наступленіемъ дождей и разлива Нила. Алькамилъ снова повторилъ предложеніе мира и обѣщалъ христіанамъ іерусалимское королевство, но строптивость Пелагія и на этотъ разъ была причиной, что выгодныя предложенія были отвергнуты. Христіане расположились станомъ подъ Мансурой и стали укрѣплять свои позиціи. Между тѣмъ вода въ Нилѣ стала подниматься, что позволило египтянамъ перевести свои корабли въ тылъ крестоносцамъ, прервать сообщеніе ихъ съ Даміэттой и окружить ихъ. Продержавшись нѣсколько дней въ мучительномъ страхѣ и видя, что разлитіе Нила угрожаетъ ихъ лагерю, они рѣшились наконецъ прорваться черезъ непріятельскую

цѣль и возвратиться въ Даміатту (26 августа). Но здѣсь имъ грозилъ непроходимый болото, тучи непріятельскихъ стрѣлъ и голодная смерть. Въ этомъ положеніи Пелагій отправилъ къ Алькамилу пословъ и просилъ мира. Хотя мусульмане знали отчаянное положеніе крестоносцевъ и безъ труда могли бы перебить ихъ, но Алькамилъ не хотѣлъ воспользоваться ихъ положеніемъ, дабы не возбудить противъ себя европейцевъ и не привлечь въ Египетъ новыя толпы ихъ для отмщенія. Поэтому онъ сознательно держался съ христіанами умѣренности и мягкости. 30 августа 1221 года заключенъ былъ миръ на 8 лѣтъ, христіане обязывались очистить Даміатту, а мусульмане возвращали Животворящій Крестъ. Такъ печально кончилось предпріятіе противъ Даміатты!

Несчастный исходъ египетскаго похода чрезвычайно тяжело подѣйствовалъ на европейскихъ христіанъ. Онъ стоилъ много денегъ, вначалѣ сулилъ блестящіе результаты и неожиданно окончился позорнымъ миромъ. Самое тяжелое разочарованіе испытывалъ папа, который въ лицѣ кардинала Пелагія распорядился этимъ походомъ и не могъ не считать большимъ ударомъ для церкви постигшія крестоносцевъ неудачи. Но на этотъ разъ нашлась очистительная жертва, въ письмѣ отъ 19 ноября 1221 года папа обвинялъ въ неудачѣ императора Фридриха II и угрожалъ ему отлученіемъ отъ церкви, если онъ и впредь будетъ такъ легкомысленно относиться къ данному слову, какъ дѣлалъ до сихъ поръ.

Фридрихъ давалъ обѣтъ (въ 1215 г.) участвовать въ крестовомъ походѣ столько же по религиознымъ, какъ и политическимъ мотивамъ. То обстоятельство, что по разнымъ поводамъ онъ принужденъ былъ откладывать исполненіе своего обѣта, не возбуждало особенныхъ неудовольствій папы до самаго исхода дѣла подъ Даміаттой. Справедливость требуетъ сказать, что не предпринимая лично похода на Востокъ, Фридрихъ не далѣе какъ въ 1221 году послалъ въ Египетъ очень значительныя подкрѣпленія и давалъ положительныя обѣщанія скоро начать походъ. При такихъ условіяхъ упрекъ, брошенный папой императору, не говоря уже о томъ, что былъ несправедливъ по существу, заключалъ въ себѣ еще весьма печальный фактъ, что Фридрихъ не будетъ имѣть за себя духовную власть

въ предпріятіи, къ которому серьезно готовился и которое едва ли кромѣ него кто могъ осуществить. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ не обратилъ вниманія на вызывающій образъ дѣйствія папы и продолжалъ сборы - къ крестовому походу. Назначенный на 1222 годъ соборъ въ Веронѣ для этой цѣли не состоялся не по винѣ императора. Соборъ въ Ферентино въ 1223 году назначилъ срокомъ выступленія въ походъ іюнь 1225 года. Въ то же время Фридрихъ тѣсно соединилъ свои интересы съ судьбами Святой Земли, давъ согласіе на бракъ съ Изабеллой, наслѣдницею іерусалимскаго королевства (отъ короля Іоанна и Маріи-Голанты). Такъ какъ въ этомъ же соборѣ было опредѣлено, что всѣ завоеванія, какія на будущее время сдѣланы будутъ на Востокъ, имѣютъ войти въ составъ іерусалимскаго королевства, то и личные интересы императора требовали отъ него неотложнаго похода. Императоръ и папа начали приготовленія въ широкихъ размѣрахъ. Но когда пришелъ срокъ, оказалось, съ одной стороны, что число изъявившихъ согласіе принять участіе въ походѣ, весьма недостаточно и что съ другой стороны новыя затрудненія въ Сициліи побуждали Фридриха отсрочить походъ на Востокъ. Чтобы побудить папу къ уступчивости, императоръ послалъ къ нему довѣренныхъ людей просить новой отсрочки. Гонорій, самъ находясь въ затруднительномъ положеніи, не хотѣлъ раздражать императора и долженъ былъ согласиться на представленные ему доводы. Въ Сень-Джермано состоялось соглашеніе между папою и императоромъ, по которому Фридрихъ давалъ клятву, что въ августѣ 1227 г. онъ предприметъ столько разъ откладывавшійся походъ и будетъ въ теченіи двухъ лѣтъ содержать на свой счетъ 1060 воиновъ, или обязуется платить по 50 марокъ за каждаго недостающаго воина. Кромѣ того, императоръ обѣщалъ приготовить 150 кораблей для перевозки крестоносцевъ въ Св. Землю и выдать королю іерусалимскому, патриарху и магистру нѣмецкаго ордена 100.000 унцовъ золота (около 2 милл. руб.) на войну съ невѣрными. Если бы какое изъ этихъ условій оказалось невыполненнымъ, то императоръ навлекалъ на себя кару церковнаго отлученія. Какъ ни были суровы условія этого соглашенія, но Фридрихъ безъ борьбы далъ на нихъ согласіе, считая

себя удовлетвореннымъ тѣмъ, что получалъ два года для устройства своихъ дѣлъ въ Италиі. Прежде всего онъ отпраздновалъ свадьбу съ Изабеллой, наследницей іерусалимской короны, и объявилъ своему тестю, что намѣренъ фактически воспользоваться своими правами короля іерусалимскаго. Это не понравилась королю Іоанну и оскорбило римскую курію.

Главнѣйшее вниманіе Фридриха обращено было на упроченіе императорской власти въ Италиі. Но здѣсь ему предстояли серьезныя затрудненія столько же по отношенію къ свѣтской власти папы, какъ и въ виду республиканскихъ тенденцій въ средѣ сѣверо-итальянскаго союза городовъ. Папѣ чрезвычайно опасны были стремленія Фридриха ввести въ южную Италию систему монархическаго устройства, такъ какъ это нарушило его сюзеренныя права; на каждомъ шагу стали возникать недоразумѣнія то по поводу назначенія на вакантныя епископскія катедры, то по поводу отношеній императора къ сѣверо-итальянскимъ городамъ. Пока былъ живъ папа Гонорій III, отношенія между государствомъ и церковью еще болѣе или менѣе поддерживались, но когда въ 1227 г. папой сдѣлался Григорій IX, дѣло дошло до полного разрыва. Для новаго папы стоялъ на первомъ планѣ вопросъ о томъ, чтобы осуществилось крестоносное предпріятіе, чтобы Фридриху не создавать затрудненій, которыя бы могли служить для него отговоркой противъ личнаго похода въ Святую Землю. Онъ помогъ ему устроить дѣло съ ломбардскимъ союзомъ и дружественными письмами поощрялъ его исполнить принятыя имъ на себя обязанности „знаменоносца христіанства“. Императоръ старательно дѣлалъ приготовленія къ походу. Лѣтомъ 1227 года начали приходять въ Южную Италию отряды изъ Франціи, Англіи и Ломбардіи, особенно много выставляла на этотъ разъ Германія. Такъ какъ посадка на судна назначена была въ Бриндизи, то въ городѣ и его окрестностяхъ сосредоточились громадныя массы народа, среди которыхъ скоро обнаружались болѣзни вслѣдствіе недостатка въ сѣбствыхъ припасахъ, лихорадокъ и лѣтнихъ жаровъ. Крестоносцы стали умирать тысячами, многіе отъ страха возвращались назадъ. Въ началѣ сентября императоръ посадилъ однако на суда 40.000 человѣкъ, а черезъ нѣсколько дней самъ

послѣдовалъ за отрядомъ. Но болѣзнь не пощадила и самого Фридриха и спутника его ландграфа Людвигъ Тюрингенскаго. Вслѣдствіе этого Фридрихъ долженъ былъ вновь высадиться на берегъ и по совѣту врачей отложилъ походъ до выздоровленія.

Григорій IX, не обращая вниманія на обстоятельства и не выслушавъ объясненія послдовъ императора, 29 сентября съ церковной кафедрой произнесъ отлученіе противъ ослушниковъ церкви. Съ этимъ вмѣстѣ церковь бросила вызовъ свѣтской власти; конечно, Григорій IX не за то подвергъ императора отлученію, что онъ въ назначенный имъ срокъ не выступилъ въ походъ, а за то, что папство видѣло въ Фридрихѣ своего врага, что боялась въ немъ найти опаснаго соперника для своихъ свѣтскихъ правъ и считало необходимымъ отдѣлаться отъ него. Въ окружномъ посланіи, извѣщая весь христіанскій міръ объ отлученіи императора, папа изложилъ свой взглядъ на вину Фридриха. Этотъ документъ пропитанъ такой страстностью, что въ немъ приписаны императору такіе поступки, которыхъ никто ему не могъ поставить въ вину. Въ немъ говорилось, что Фридрихъ умышленно довелъ крестоносцевъ до голода и заразы подъ Бриндизи, чтобы не допустить похода, что самая болѣзнь его притворство, что онъ измѣнникъ вѣры Христовой. Фридрихъ отнесся къ вызову папы съ достоинствомъ и сознаниемъ своей правоты. Не прибѣгая къ рѣзости, онъ опровергъ всѣ обвиненія папы и заявилъ, что походъ будетъ исполненъ въ слѣдующемъ году. Не смотря на то, что въ апрѣлѣ 1228 года умерла его супруга Изабелла—обстоятельство, которое могло бы служить извиненіемъ и для новой отсрочки, онъ въ іюнѣ сѣлъ на корабль, сопровождаемый проклятіями папы, утверждавшаго, что императоръ слуга Магомета и что онъ не крестоносецъ, а разбойникъ, котораго истинный сынъ церкви не долженъ слушаться. При такомъ положеніи дѣла предпринятый Фридрихомъ походъ не могъ рассчитывать на успѣхъ и вина за то, что Фридрихъ оказался связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, должна всецѣло быть отнесена на счетъ папы.

Положеніе дѣлъ на Востокъ было таково, что Фридриху нельзя было ожидать помощи отъ тамошнихъ христіанъ, которымъ

мстительный Григорій IX переслалъ актъ отлученія Фридриха отъ церкви вмѣстѣ съ запрещеніемъ повиноваться его приказаніямъ. Тѣмъ не менѣе, по прибытіи въ Акру въ сентябрѣ 1228 года, императоръ немедленно приступилъ къ переговорамъ о возвращеніи святихъ мѣстъ христіанамъ. Почва для этихъ переговоровъ приготовлена была уже давно. Еще ранѣе онъ имѣлъ дружественныя сношенія съ Алькамілемъ, еще въ Сициліи онъ научился цѣнить арабовъ и имѣлъ при себѣ на службѣ многихъ мусульманъ. Такимъ образомъ, по прибытіи на Востокъ, императоръ имѣлъ новыя основанія рассчитывать на переговоры съ султаномъ Алькамілемъ и добиться отъ него рѣшительныхъ уступокъ. Онъ отправилъ къ султану посольство съ подарками и предлагалъ ему сдать христіанамъ Іерусалимъ безъ войны. Султанъ отвѣтилъ съ своей стороны посольствомъ и увѣреніями въ дружбѣ, хотя уклонился отъ разрѣшенія вопроса объ Іерусалимѣ. Нужно было принять болѣе рѣшительныя мѣры. Съ большимъ трудомъ побѣдивъ упорство патріарха іерусалимскаго и магистровъ рыцарскихъ орденовъ, которые ссылались на актъ отлученія Фридриха отъ церкви, онъ сталъ издавать приказы „во имя Бога и христіанства“ и тѣмъ побудилъ присоединиться къ нему колеблющихся. Первая цѣль Фридриха была укрѣпить Яффу и сдѣлать въ ней укрѣпленный лагерь для дѣйствія противъ Іерусалима. Занимаясь приготовленіями къ походу въ Іерусалимъ, Фридрихъ продолжалъ пересылаться посольствами съ Алькамілемъ и достигъ того, что въ февралѣ 1229 года заключенъ былъ договоръ, которымъ мусульмане уступали христіанамъ городъ Іерусалимъ съ правомъ владѣть имъ какъ своей собственностью, за исключеніемъ той части, гдѣ находится мечеть Омара; въ эту послѣднюю остается свободный доступъ для мусульманъ. Кромѣ Іерусалима султанъ уступилъ христіанамъ Виледемъ, Назаретъ и весь путь отъ Іерусалима къ Яффѣ и Акрѣ. Въ замѣнъ Фридрихъ давалъ обѣщаніе защищать султана отъ всѣхъ его враговъ, хотя бы то были и христіане и не допускать, чтобы князья Антиохіи, Триполи и другихъ сирійскихъ городовъ нападали на султана. Этотъ миръ заключенъ былъ на 10 лѣтъ.

Нужно признать, что Фридрихъ достигалъ этимъ договоромъ

того, чего не могли достигнуть участники 3-го похода, что не удалось ни Фридриху I, ни папѣ Иннокентію III, чего напрасно добивались христіане болѣе сорока лѣтъ. Такъ и отнеслись къ этому договору тѣ, которые стояли вѣдѣ борьбы императора съ папой. Но не такъ отнеслись къ этому приверженцы папской партіи, которые увидѣли въ переговорахъ Фридриха съ султаномъ прямо измѣну христіанству и не останавливались ни передъ какими извѣтами противъ императора. Прежде всего патріархъ іерусалимскій Герольдъ, іоанниты и тампьеры отнеслись съ крайнимъ раздраженіемъ къ этому акту. Когда императоръ въ мартѣ 1229 года вступилъ въ Іерусалимъ, возложилъ на себя корону въ церкви Святого Гроба и объявилъ манифестомъ о радостномъ событіи возвращенія въ руки христіанъ Іерусалима, то патріархъ объявилъ запрещеніе совершать богослуженіе въ святыхъ мѣстахъ, пока въ городѣ находится отлученный императоръ, въ тоже время изъ Италіи получено извѣстіе, что папа освободилъ итальянцевъ отъ присяги императору и ввелъ войска въ сицилійское королевство. Фридриху нужно было поспѣшить возвращеніемъ въ Европу. Высадившись въ Бриндизи, онъ скоро возвратилъ къ повиновенію отложившіеся отъ него города и затѣмъ нанесъ нѣсколько пораженій палескимъ отрядамъ. Не смотря на новыя отлученія и на призывъ бороться противъ врага вѣры и церкви, папа не получалъ подкрѣпленій и голосъ его не возбуждалъ ревности въ Европѣ. Ему пришлось подчиниться. 23 іюня 1230 года былъ заключенъ миръ въ С. Джермано, по которому Григорій IX освобождалъ Фридриха отъ церковнаго отлученія и признавалъ его заслуги въ дѣлѣ крестоваго похода. Съ своей стороны императоръ отказался отъ своихъ завоеваній въ римской области и предоставилъ духовенству сицилійскаго королевства свободу выборовъ на епископскія каѳедры.

Послѣ удаленія Фридриха изъ Палестины сейчасъ же обнаружилось, что созданный имъ на Востокъ порядокъ вещей не могъ считаться обезпеченнымъ. Прежде всего, христіане не могли спокойно владѣть Іерусалимомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ мусульманами, которые нерѣдко нападали на европейскіхъ паллигримовъ, врывались въ Іерусалимъ и ставили въ большое затрудненіе хри-

стіанъ. Требовалась помощь извнѣ, чтобы удержать Святыя мѣста Затьмѣ, среди сирійскихъ христіанъ начались новые раздоры, которые частію имѣли своимъ основаніемъ рядъ мѣропріятій, по необходимости носившихъ, какими Фридрихъ желалъ утвердить свою власть на Востокѣ. Такъ, въ качествѣ іерусалимскаго короля императоръ долженъ былъ оберегать интересы своего наслѣдника Конрада, рожденнаго отъ Изабеллы, а между тѣмъ къ іерусалимскому наслѣдству предъявила притязанія Алиса, мать Кипрскаго короля Генриха и внучка прежняго іерусалимскаго короля Амальриха. Болѣе серьезнымъ соперникомъ Фридриха выступилъ Іоаннъ Ибелинъ, владѣтель Бейрута, который имѣлъ сильныхъ приверженцевъ среди мѣстнаго дворянства и духовенства и явился въ ихъ глазахъ освободителемъ Востока отъ тиранніи Фридриха. Назначенные Фридрихомъ въ Кипръ и іерусалимскомъ королевствѣ намѣстники подверглись гоженіямъ и притѣсненіямъ; противъ нихъ призванъ былъ Іоаннъ Ибелинъ, который лишилъ ихъ власти и началъ вводить на Востокѣ новую систему управленія. Въ 1231 г. Фридрихъ долженъ былъ послать въ Іерусалимъ военный отрядъ для возстановленія своихъ правъ, но этотъ отрядъ встрѣтилъ сопротивленіе въ средѣ бароновъ и духовенства какъ въ Іерусалимѣ, такъ и на Кипрѣ. Правда, благодаря миру съ папой, императоръ имѣлъ на своей сторонѣ авторитетъ церковной власти, и достигъ того, что церковь Гроба Господня была открыта для богослуженія, іерусалимское духовенство подчинялось распоряженіямъ его, а Конрадъ признанъ наслѣдникомъ іерусалимскаго престола, но въ общемъ состояніе дѣлъ на Востокѣ было далеко не утѣшительное и не соответствовало тѣмъ громаднымъ жертвамъ, которыя понесены были европейскимъ міромъ. Чтобы удержать Іерусалимъ въ рукахъ христіанъ требовались еще новыя жертвы.

Г Л А В А VII.

Шестой крестовый походъ.

Заключенный между Фридрихомъ II и египетскимъ султаномъ миръ, на десять слишкомъ лѣтъ обезпечивалъ спокойствіе на Востоку. Хотя папа призналъ съ своей стороны актъ договора, но не переставалъ питать надежду на возбужденіе новаго крестоваго похода и употреблялъ все зависящія мѣры къ тому, чтобы собирать пожертвованія и шевелить мысль о святыхъ мѣстахъ среди европейскихъ христіанъ. Вотъ почему, какъ только истекъ срокъ мира, въ 1239 году во Франціи и Англіи началось движеніе, во главѣ котораго стояли король Тибо наваррскій, герцогъ Гуго бургундскій, графы монфорскій, бретанскій и многіе другіе. Императоръ оказалъ содѣйствіе французскимъ крестоносцамъ, а папа, опасаясь, что этотъ походъ послужитъ только къ усиленію императорской партіи въ Іерусалимѣ, высказался теперь противъ направленія похода на Востокъ, а указалъ другую цѣль: поддержаніе Латинской Имперіи въ Константинополѣ. Такимъ образомъ, цѣль двоялась въ зависимости отъ интересовъ свѣтской и церковной партій, и предпріятіе въ самомъ началѣ обрекалось на неуспѣхъ. Одни изъ крестоносцевъ остались вѣрны первоначальному плану и отправились въ Сирію, другіе отдѣлились и подчинились указаніямъ папы.

Подъ Акрой французскіе отряды соединились съ войсками іерусалимскими, но между тѣми и другими не было согласія, а главное, недоставало плана дѣйствій. Одинъ рядъ выступилъ безъ содѣйствія тамплиеровъ и іоаннитовъ противъ мусульманъ, но при Газѣ потерпѣлъ полное пораженіе, причежь былъ убитъ графъ барскій и взятъ въ плѣнъ графъ монфорскій. За этимъ не-

счастьемъ послѣдовало другое. Ободренные легкимъ успѣхомъ при Газѣ, мусульмане рѣшились на смѣлый шагъ. Именно, одинъ изъ мелкихъ владѣтелей Сиріи, Анназиръ Даудъ, напалъ на Іерусалимъ, разрушилъ въ немъ укрѣпленія и произвелъ страшное опустошеніе въ городѣ. Это могло бы повести къ полному уничтоженію христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ, если бы сами мусульманскіе владѣтели не находились между собой въ постоянной войнѣ, которая давала христіанамъ возможность держаться въ занятыхъ ими пребрежныхъ мѣстахъ. Мало помогло имъ и новое подкрѣпленіе изъ Англіи подъ предводительствомъ графа Ричарда, племянника короля Ричарда Львиное Сердце. Но общее положеніе представлялось такъ испорченнымъ, что нечего было и думать о большихъ военныхъ предпріятіяхъ. Вслѣдствіе чего Ричардъ отклонилъ предложеніе мѣстныхъ христіанъ вступить въ союзъ съ дамасскимъ эмиромъ противъ египетскаго султана и ограничился тѣмъ, что занялся укрѣпленіемъ Акры и Яффы и возобновилъ мирный договоръ съ султаномъ (Февраль 1241 г.). Хотя французы и англичане не предприняли на Востокъ ничего важнаго и не измѣнили тамъ бывшаго до нихъ положенія дѣлъ, но все же возобновленный мирный договоръ съ султаномъ обезпечивалъ ихъ отъ самаго серьезнаго врага. Нужно приписывать исключительно самимъ сирійскимъ христіанамъ отвѣтственность за ближайшія событія, такъ повредившія имъ. На Востокѣ, какъ и на Западѣ, борьба свѣтской власти съ духовной вызвала рѣзкія обнаруженія вражды и сопровождалась образованіемъ партій. Тампьеры были озлоблены на іоаннитовъ и нѣмецкихъ рыцарей и съ оружіемъ въ рукахъ нападали на ихъ владѣнія. Сторону первыхъ поддерживали венеціанцы—самые сильные представители церковной партіи. Сторонники римской куріи задались цѣлью уничтожить на Востокѣ императорскую партію и воспользовались для того первымъ случаемъ. Въ 1243 г. Конрадъ, наслѣдникъ іерусалимской короны, достигшій къ тому времени совершеннолѣтія, потребовалъ отъ своихъ восточныхъ подданныхъ присяги на вѣрность. Но они снеслись съ кипрской королевой Алисой и предложили ей принять подъ свою власть іерусалимское королевство. Императорская партія,

во владѣніи которой былъ городъ Тиръ, не могла оказать сильнаго сопротивленія соединеннымъ войскамъ рыцарскихъ орденовъ и венеціанцевъ и принуждена была сдаться въ Тиръ. Кромѣ того, противники императорской партіи, чтобы противодействовать Фридриху и союзнику его египетскому султану, Эйюбу, заключили союзъ съ султаномъ Дамаска и эмиромъ Керака (Анназиръ Даудъ), который недавно отнялъ у христіанъ Іерусалимъ. Правда, этотъ союзъ обѣщалъ христіанамъ важныя выгоды, они вновь получали въ свое владѣніе Іерусалимъ и даже безъ того ограниченія, какое было въ договорѣ Фридриха съ Алькамилемъ, но подобныя выгоды оказались призрачными, такъ какъ союзъ съ сирійскими мусульманами не могъ обезпечить христіанъ отъ могущественнаго египетскаго султана, имѣвшаго въ Сиріи и Месопотаміи приверженцевъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого необдуманнаго шага было то, что султанъ Эйюбъ нанялъ себѣ на службу отрядъ ховарезмійцевъ—племени, кочевавшаго сначала у Аральскаго моря и въ XIII вѣкѣ достигшаго большой военной славы своими дикими наѣздами и необузданной храбростью. Ховарезмійцы выставили отрядъ въ 10.000 всадниковъ, который неожиданно явился въ Палестинѣ, повергая въ ужасъ населеніе и не дая никому пощады. Когда врагъ приблизился къ Іерусалиму, патриархъ Робертъ ничего другаго не могъ придумать, какъ оставить городъ и спастись въ Яффу. Когда оставшіеся въ Іерусалимѣ христіане въ страхѣ бѣжали изъ города, между ними вдругъ разнесся слухъ, что на воротахъ оставленнаго города развѣвается христіанское знамя. Эт была коварная хитрость ховарезмійцевъ, дѣйствительно обманувшая многихъ. Бѣглецы возвратились въ покинутый ими Іерусалимъ, и здѣсь окружены были непріятелемъ, который погубилъ въ этотъ день до 7.000 человекъ, частію въ городѣ, частію въ окрестностяхъ его по дорогѣ въ Яффу. Овладевъ Іерусалимомъ, дикіе хищники перорѣзали въ немъ всѣхъ христіанъ, разграбили церкви и не пощадили могилы іерусалимскихъ королей. Это случилось въ сентябрѣ 1244 года, съ этихъ поръ Іерусалимъ окончательно и навсегда потерявъ былъ для христіанъ. Когда палестинскіе христіане опомнились отъ страшнаго удара и начали думать о сред-

ствахъ къ спасенію, ужасная орда ховарезмійцевъ опустошила Вие-лоемъ и направилась къ Газъ, гдѣ соединилась съ войсками египетскаго султана. Мусульманскіе союзники христіанъ, правда, прислали помощь, но рассчитывать на то, что мусульманскіе отряды будутъ ревностно сражаться съ единовѣрцами было бы слишкомъ легкомысленно. Поэтому самымъ разумнымъ рѣшеніемъ въ данныхъ обстоятельствахъ было бы предоставить хищникамъ не защищенные мѣста и держаться подъ защитой Аскалонской крѣпости, пока неприятель перестанетъ находить добычу въ опустошенной странѣ и не принуждёнъ будетъ удалиться. Но на совѣтѣ вождей одержало верхъ мнѣніе іерусалимскаго патріарха Роберта, который требовалъ нападенія на войско султана и его союзниковъ. Дѣло подѣ Газой, 18 октября 1244 года, когда христіанъ покинули ихъ союзники и когда они имѣли противъ себя несравненно превосходящія силы, обратилось въ полное пораженіе и сопровождалось или избіеніемъ, или плѣненіемъ всего христіанскаго войска. Послѣ такой блестящей побѣды не могло быть сомнѣнія, что сирійскій союзъ, направленный противъ Египта, распадается. Въ 1245 г. султанъ Эйюбъ взялъ Дамаскъ и возстановилъ такимъ образомъ вновь единство мусульманскаго государства, которое основалъ Саладинъ и поддерживали Алькамиль и Аладиль. Въ 1247 году онъ отнялъ у христіанъ Аскалонъ, такъ что владѣнія ихъ въ Палестинѣ ограничивались теперь Акрой и немногими другими приморскими городами. Къ довершенію бѣдствій въ это же самое время Антиохійское княжество сдѣлалось добычей монголовъ. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, которыя поставили христіанскія владѣнія на Востокѣ въ крайне стѣсненное положеніе и угрожали лишить европейцевъ и послѣднихъ укрѣпленій, за которыми они еще держались, не оставалось никакого сомнѣнія, что нельзя обойтись безъ новаго и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ предпринятаго крестоваго похода. Извѣстія о происшествіяхъ въ Св. землѣ своевременно доходившія въ Европу, производили крайне удручающее впечатлѣніе, а между тѣмъ идея новаго крестоваго похода долго не находила искренныхъ приверженцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, Европа повидимому уже утомилась отъ понесенныхъ ею жертвъ, а римскій

папа имѣлъ болѣе интереса къ европейскимъ событіямъ, гдѣ борьба свѣтской власти съ духовной привлекала къ себѣ все его вниманіе, чѣмъ къ положенію христіанскаго дѣла въ Палестинѣ. Умный и энергичный Иннокентій IV, поощряя проповѣдь о крестовомъ походѣ и собирая для этой цѣли пожертвованія, не разъ указывалъ принявшимъ крестъ, что борьба съ Гогенштауфенами не менѣе угодна Богу, что и походъ въ Св. землю и спокойно обращалъ деньги, пожертвованныя для крестоваго похода, на потребности борьбы съ императорскими войсками. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ трудно было составиться большому походу въ Палестину.

Въ 1248 году состоялся крестовый походъ Людовика IX-го. Это было предпріятіе, скорѣй объясняемое личнымъ характеромъ короля, чѣмъ общественнымъ настроеніемъ. Приближенные, напротивъ, всѣмъ мѣрами пытались охладить аскетическій пылъ короля и объяснить ему бесполезность новыхъ попытокъ достигнуть такой цѣли, которая явно неосуществима, въ особенности въ виду того, что прочія христіанскія страны, занятая внутренней борьбой, холодно относятся къ новому походу въ Св. Землю. Крестовый походъ Людовика, повидному имѣвшій первоначальной цѣлью Сирію и Палестину, получалъ совершенно иное назначеніе, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Людовикъ присталъ къ острову Кипру, провелъ здѣсь осень 1248 г. и зиму слѣдующаго года и безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ совѣтовъ кипрскаго короля и представителей папской партіи въ Палестинѣ, принялъ роковое рѣшеніе, бывшее источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій. Именно, не взирая на урокъ, постигшій крестоносцевъ въ 1219 году въ Египтѣ, Людовикъ рѣшился вновь испытать попытку кардинала Пелагія „схватить быка за рога“, т. е. напасть на султана въ его египетскихъ владѣніяхъ. Весной 1249 года Людовикъ выступилъ съ огромнымъ флотомъ въ море и присталъ къ устьямъ Нила, расте-ривъ въ дорогѣ, вслѣдствіе морскихъ бурь значительную часть кораблей. Высадка послѣдовала тамъ же, гдѣ въ 1218 году пристали крестоносцы пятаго похода, то есть близъ Даміэтты. Султанъ Эйюбъ лежалъ больной въ Мансурѣ и потому на первыхъ

порахъ Людовика радовали неожиданные успѣхи. Тагъ, Даміетта занята была почти безъ сопротивленія, и въ ней найдено много запасовъ и оружія. Но въ дальнѣйшемъ христіанъ ожидала масса непредвидѣнныхъ затрудненій. Съ одной стороны памяты были событія 1219—1220 года, когда разлитіе Нила было причиною громаднхъ бѣдствій, съ другой продолжительная стоянка подъ Даміеттой вредно отзывалась на дисциплинѣ войска и давала время египетскому султану собирать свѣжія силы и тревожить христіанъ неожиданными нападѣніями на ихъ лагерь. Когда стали обсуждать планъ дѣйствій въ Египтѣ, то оказалось крайнее несогласіе въ мнѣніяхъ. Одни подавали голосъ за то, чтобы обезвечить прежде всего береговую полосу и овладѣть Аленсандріей, другіе говорили, что когда хочешь убить змѣю, нужно прежде всего раздавить ей голову, то есть держались мнѣнія о походѣ на Каиръ. Въ походѣ Людовика повторена была та же ошибка, какая сдѣлана была кардиналомъ Пелагіемъ. Въ ноябрѣ французы снялись съ лагеря и пошли вверхъ по теченію Нила. Двигались они чрезвычайно медленно и вслѣдствіе этого пропустили благоприятный моментъ, какой имъ давала смерть султана Эйюба. Подошедши въ декабрѣ къ крѣпости Мансуръ, крестоносцы имѣли противъ себя не только значительныя военныя силы, но и сильное укрѣпленіе, которое можно было взять только при помощи осадныхъ работъ. Пока не явился къ мѣсту военныхъ дѣйствій наслѣдникъ Эйюба Тураншахъ, крестоносцы могли бы еще рассчитывать на нѣкоторый успѣхъ, болѣшимъ для нихъ счастіемъ было то, что по указаніямъ одного бедуина они нашли бродъ черезъ каналъ, отдѣлявшій ихъ отъ Мансуры и приблизились такимъ образомъ къ стѣнамъ крѣпости. Осадныя работы подвигались однако медленно, египтяне разрушали и жгли съ помощью греческаго огня то, что удавалось построить крестоносцамъ, кромѣ того дѣлали вылазки и вносили осаждающимъ чувствительныя пораженія. Въ этихъ битвахъ погибъ братъ короля и множество французскихъ рыцарей и тампліеровъ. Въ концѣ февраля 1250 года прибылъ къ Мансуръ Тураншахъ съ новыми войсками изъ Сиріи и положеніе христіанъ стало принимать серьезный характеръ. Первымъ его дѣломъ было передвиженіе

ніе флота въ тылъ крестоносному лагерю, вслѣдствіе чего христіанское войско оказалось отрѣзаннымъ отъ Даміэтты, откуда оно получало продовольствіе и военные запасы. Египетскіе партизанскіе отряды перехватывали французскіе караваны, отряды мамелюковъ стали дѣлать дерзкія нападенія на лагерь. Это сопровождалось большими непріятностями для христіанъ, у которыхъ начался голодъ, а непривычная жара была причиной большой смертности. Въ виду этихъ обстоятельствъ Людовикъ рѣшился проложить себѣ путь къ отступленію въ Даміэтту (апрѣль 1250 г.). Но это отступленіе происходило при условіяхъ, чрезвычайно неблагопріятныхъ и сопровождалось почти полнымъ истребленіемъ крестоноснаго войска. При этомъ отступленіи захвачены были въ плѣнъ король Людовикъ и его братья Альфонсъ Пуату и Карлъ Анжуйскій и съ ними множество знатныхъ рыцарей. Большая масса была взята въ плѣнъ и продана въ рабство. Торжествуя побѣду, султанъ писалъ своему намістнику въ Дамаскъ: если хочешь знать число убитыхъ, то подумай о морскомъ нескѣ и ты не ошибешься. Когда начались переговоры о выкупѣ плѣнныхъ, король Людовикъ представилъ королеву, находившейся въ Даміэттѣ, рѣшеніе вопроса о своемъ выкупѣ и согласился безъ всякихъ вопросовъ выплатить громадную сумму до 10 мил. франковъ за освобожденіе изъ плѣна рыцарей. По мирному договору съ Тураншахомъ французы обязались очистить Даміэтту и десять лѣтъ не возобновлять войны.

Несмотря на страшную катастрофу, какая постигла предпріятіе Людовика IX-го, несмотря на всю опасность, въ которой оказались христіанскія владѣнія послѣ побѣды египетскаго султана, дошедшія въ Европу извѣстія не произвели уже такого впечатлѣнія, какъ это было въ XII в. Европейцы извѣрились въ дѣло крестовныхъ походовъ и не хотѣли болѣе дѣлать безплодныхъ попытокъ. Въ это время, какъ большинство отпущенныхъ на свободу изъ египетскаго плѣна рыцарей возвратилось на родину, самъ Людовикъ отправился изъ Даміэтты въ Акру и здѣсь началъ обдумывать мѣры къ продолженію войны. Но можно ли было предпринять что-либо рѣшительное, когда все его воззванія не имѣли во Франціи успѣха и когда тамъ рѣшительно отказывались отъ по-

хода на Востокъ? Еще четыре года Людовикъ оставался въ Сиріи, ожидая подкрѣпленій изъ Европы, занимаясь усиленіемъ крѣпостей Акры, Яффы и Сидона и давая небольшія сраженія. Въ концѣ 1252 года умерла его мать Бланка, правившая въ его отсутствіе Франціей и общій голосъ народа требовалъ, чтобы Людовикъ возвратился на родину. Король уступилъ наконецъ необходимости и лѣтомъ 1254 года отплылъ изъ Сиріи.

Судьба христіанскихъ владѣній зависѣла теперь исключительно отъ доброй воли мусульманскихъ владѣтелей Сиріи и Египта. Нельзя впрочемъ думать, что вообще христіане были лишены средствъ для энергичной борьбы. Въ рукахъ у нихъ находилось нѣсколько городовъ, ведущихъ большую торговлю и служившихъ посредниками въ обмѣнѣ европейскихъ и азіатскихъ товаровъ, въ этихъ городахъ было много населенія, владѣвшаго богатствами и роскошью. Хотя боевая сила христіанъ была не велика, но все же военныя учрежденія и французскій отрядъ, оставленный Людовикомъ, съ прибавкой тѣхъ крестоносцевъ, которые ежегодно въ небольшомъ числѣ прибывали изъ Европы, могли внушать мусульманамъ нѣкоторое уваженіе. Вся бѣда заключалась въ томъ, что христіане отвыкли думать объ общихъ интересахъ, а руководились личной выгодой въ зависимости отъ случайныхъ и минутныхъ капризовъ мѣняли свою политику: сегодня дружили съ мусульманами, а на завтра переходили въ лагерь ихъ враговъ. Тамплиеры и іоанниты ревниво слѣдили другъ за другомъ и часто вступали между собой въ открытую вражду. Торговый элементъ, дававшій тонъ жизни сирійскимъ городамъ, отличался большой нравственной испорченностью и пріятно поражалъ вновь прибывшаго. Самимъ большимъ бѣдствіемъ для сирійскихъ христіанъ было соперничество итальянскихъ республикъ Венеціи, Генуи и Пизы и представителей ихъ на востокъ. Банки этихъ республикъ, имѣвшіе свои канцеляріи во всѣхъ почти городахъ Сиріи, представляли собой могучую аристократію, которая своимъ богатствомъ и вліяніемъ затмѣвала феодальныхъ владѣтелей и находилась съ ними въ постоянной враждѣ. Можно утверждать, что торговые люди и торговые интересы были главной причиною, подточившею существованіе хри-

стіанскихъ владѣній. Одна война генуэзцевъ съ венеціанцами, веденная въ 1256—8 году стоила Акрѣ 20000 человекъ, кромѣ того громадное количество кораблей погибло въ гавани Акры и на морѣ. Эта война свирѣпствовала почти безостановочно въ пятидесятыя и шестидесятыя годы XIII-го вѣка и увлекла какъ сирійскихъ христіанъ, такъ и никейскихъ императоровъ. Повидимому все забыли, что эта борьба только приближаетъ окончательный ударъ, который мусульмане приготовлялись нанести христіанскимъ владѣніямъ. Когда монгольскій ханъ Гулагу вторгся въ Персію и затѣмъ покорилъ Месопотамію и опустошилъ Сирію (1259 г.), часть христіанъ прикнула къ монголамъ и тѣмъ возбуждала крайнее раздраженіе среди мусульманъ, которые не могли имъ простить союзъ съ ихъ ожесточеннымъ врагомъ.

Мусульманскія владѣнія Египта и Сиріи вновь объединились подъ властію султана Бибарса, который по своему значенію и могуществу напоминаетъ Саладина. Поставивъ главной цѣлью своей политики дать преобладаніе мусульманству и окончательно уничтожить европейскія владѣнія на Востокъ, Бибарсъ не пренебрегалъ для этого никакими средствами и хорошо воспользовался враждой и противоположными теченіями, подмѣченными имъ среди самихъ христіанъ. Такъ, онъ не упустилъ изъ виду важнаго событія, подготавливавшіяся въ Никейской имперіи и вступилъ въ дружественныя сношенія съ Михаиломъ Палеологомъ, отнявшимъ у латинянъ Константинополь. Такъ, онъ дорожилъ мирными сношеніями съ Манфредомъ сицилійскимъ и считалъ полезнымъ поддерживать императорскую партію на Востокъ. Явное нерасположеніе европейскихъ христіанъ приносить новыя жертвы для походовъ на Востокъ и равнодушіе сирійскихъ и палестинскихъ христіанъ къ общимъ интересамъ давало султану Бибарсу полную возможность оцѣнить сравнительныя преимущества мусульманъ и воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы положить конецъ христіанскимъ владѣніямъ. Въ 1262 г. онъ предпринялъ первый походъ въ Сирію, и потомъ въ теченіи шести лѣтъ четыре раза повторялъ эти походы. Слѣдствіемъ его удачныхъ войнъ было то, что онъ отнялъ у христіанъ Антиохію, взялъ Кесарію, Арсуфъ и Яффу, опустошилъ окрестности

Тира и Акри. Нельзя сказать, чтобы эти успѣхи очень дорого достались Бибарсу, ни разу онъ не имѣлъ противъ себя соединенныхъ силъ христіанъ, а поражалъ отдѣльные отряды іерусалимскихъ и антиохійскихъ бароновъ, госпиталитовъ, Іоаннитовъ и кипрскихъ рыцарей. Трудно найти болѣе выразительную характеристику нравственнаго и политическаго положенія восточныхъ христіанъ, какъ слѣдующія слова Бибарса, сказанныя на ходатайство Карла Анжуйскаго за своихъ единовѣрцевъ: „не отъ меня зависятъ помѣнать гибели франковъ, они сами себя готовятъ погибель, самый послѣдній изъ нихъ разрушаетъ то, что создаетъ самый великій“.

Блестящія успѣхи Бибарса и отчаянныя просьбы о помощи изъ Сиріи вызвали еще разъ значительное движеніе въ пользу крестоваго похода. Во главѣ этого движенія во второй разъ сталъ король французскій Людовикъ IX. Можно изумляться настойчивости Людовика, съ которой онъ преслѣдовалъ свою завѣтную цѣль, не смотря на тяжкій урокъ, вынесенный изъ перваго похода. Быть можетъ онъ и не могъ бы на нѣсколько лѣтъ продлить господство христіанъ въ Сиріи, если бы подкрѣпилъ ихъ свѣжими силами, но мечтать о нанесеніи чувствительнаго удара мусульманамъ было уже теперь поздно. Когда въ 1270 году французскіе рыцари съ королемъ, его братьями и сыновьями во главѣ сѣли на генуэзскія суда, прямая цѣль похода повидимому не была еще опредѣлена. Она въ первый разъ стала извѣстной въ Кальяри (въ Сардиніи), гдѣ происходилъ военный совѣтъ и гдѣ поставлено было рѣшеніе идти на Тунисъ (нынѣ Марокко). Внѣшнимъ образомъ мотивировался этотъ походъ тѣмъ, что будто бы тунисскій эмиръ обнаруживаетъ склонность къ христіанству и что привлеченіемъ его въ лоно католической церкви можно было приобрести важнаго союзника для послѣдующей войны съ египетскимъ султаномъ. Но на самомъ дѣлѣ Людовикъ въ этомъ отношеніи былъ орудіемъ ловкой интриги, которая приготовлена была вѣроятно въ Сициліи и которая имѣла цѣлью подчиненіе Туниса политической власти сицилійскаго королевства, перешедшаго незадолго передъ тѣмъ къ французскому королевскому дому. Во всякомъ случаѣ тунисскій походъ былъ предпріятіемъ, весьма мало отвѣчающимъ цѣлямъ и нуждамъ

христіанъ на Востокъ. Онъ таковымъ оказался и по своимъ послѣдствіямъ. Высадившись 17 іюля 1270 года въ тунисскомъ рейдѣ, Людовикъ не только не встрѣтилъ готовности со стороны тунисскихъ мусульманъ принять христіанство, но напротивъ, имѣлъ въ нихъ непріятеля, готоваго защищаться. Не начиная однако серьезныхъ предпріятій противъ Туниса и ожидая прибытія Карла Анжуйскаго, французы дали время эмиру собраться съ силами и снестись съ султаномъ Бибарсомъ. Единственнымъ приобретеніемъ крестоносцевъ было завоеваніе карагенской крѣпости, которая впрочемъ не имѣла для нихъ значенія. Между тѣмъ эмиръ тунисскій началъ тревожить христіанскій лагерь нападеніями, а непривычныя африканскія жары провзвели болѣзни и большую смертность. Въ началѣ августа умеръ сынъ короля Тристанъ, затѣмъ смерть похитила папскаго легата епископа Рудольфа, наконецъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой сошелъ въ могилу 25 августа и самъ король. Все крестоносное предпріятіе этимъ разстраивалось. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ тунисскими войсками, не находя ни охоты, ни важныхъ побужденій тратить силы на осаду крѣпко защищеннаго города, наследникъ Людовика Филиппъ и Карлъ Анжуйскій начали переговоры о мирѣ. Обѣ стороны согласились на слѣдующія условія: 1) тунисскій эмиръ дастъ свободу христіанамъ жить въ его областяхъ и совершать богослуженіе въ устроенныхъ ими храмахъ; 2) соглашается вносить вдвойнѣ противъ прежней дань сицилійскому королю, выплачиваетъ военныя издержки. Съ своей стороны христіанскіе короли обязывались немедленно очистить занятыя имъ области Туниса. Большинство рыцарей считало свой обѣтъ исполненнымъ и возвращалось на родину. Лишь небольшая часть французовъ и принцъ Эдуардъ англійскій сочли обязанностію идти въ Сирію.

Хотя гроза сирійскихъ христіанъ султанъ Бибарсъ умеръ въ 1277 году, но это мало вліяло на общій ходъ дѣлъ. На Востокъ, въ Сирію и Египтъ, свирѣпствовала война изъ за обладанія султанатомъ, среди христіанъ продолжались мелкія распри, споры изъ за власти и соперничество между тамплиерами и іоаннитами. Наконецъ, султанъ Килавунъ блестящей побѣдой при Гинсѣ надъ

своими соперниками, оправившимися на помощь монголовъ, снова придавъ единство и значеніе мусульманству. Въ это же время заключенъ имъ рядъ договоровъ съ рыцарскими орденами, съ графомъ Триполи и властителями Акры, по которымъ христіанамъ обезпечивалось спокойствіе на десять лѣтъ десять мѣсяцевъ и девять дней и они съ своей стороны обязывались не возводить новыхъ укрѣпленій и давать знать султану о приближеніи въ Сирію новыхъ крестоносцевъ изъ Европы. Эти договоры однако нарушились и главнымъ образомъ по вѣнѣ христіанъ. Въ 1289 году борьба изъ за власти въ Триполи была причиной того, что египетскія войска осадили и взяли этотъ городъ, положивъ конецъ существованію триполійскаго графства. Въ слѣдующемъ году военные люди изъ Акры произвели грубыя насилія въ сосѣдней магометанской области. Султанъ потребовалъ удовлетворенія и объявилъ Акрѣ войну. Акра была цвѣтущимъ и населеннымъ городомъ, жители котораго отличались богатствомъ и изысканной роскошью. На защиту Акры христіане могли выставить до 20.000 войска, но на бѣду въ гарнизонѣ не было дисциплины и каждый предводитель считалъ себя въ правѣ слѣдовать своему плану защиты. Между тѣмъ въ мартѣ 1291 года султанъ подступилъ къ городу съ огромнымъ военнымъ снарядомъ и съ сильнымъ войскомъ. Дѣло началось мелкими стычками подъ стѣнами и хотя христіане не щадили своихъ силъ и энергій, но можно было предвидѣть, что имъ не удержаться передъ врагомъ. Въ маѣ къ Акрѣ прибылъ король кипрскій Генрихъ съ небольшимъ вспомогательнымъ отрядомъ, но онъ оставался здѣсь не больше десяти дней и видя, что осада угрожаетъ неминуемымъ паденіемъ города, вернулся въ Кипръ, за нимъ послѣдовало до 3 тысячъ бѣглецовъ изъ Акры. Нѣсколько разъ египтяне дѣлали приступы, причемъ разрушили часть стѣны и врывались въ городъ. Осажденные собрали послѣднія усилія, мужественно отразили мусульманъ и послѣшно за дѣлали обвалившуюся стѣну, но было ясно, что противъ новаго приступа Акра не устоитъ. 18 Мая было послѣднее и рѣшительное дѣло. Магометане съ особенной силой ударили на стѣны Акры, сломали одни ворота и густыми толпами ринулись въ городъ. Многія тысячи пали жертвой меча, множество женщинъ и дѣтей взято въ

плѣнъ и продано въ рабство. Египтяне не оставили въ Акрѣ камня на камень и сравняли городъ съ землей. Хотя за христіанами оставались еще нѣкоторые города и замки съ Сиріи (Бейрутъ, Сидонъ, Тиръ и др.), но держаться здѣсь они уже не считали возможнымъ и скоро послѣ 18 мая сирійскій берегъ былъ вполне свободенъ отъ христіанскихъ поселеній. Мусульманскій міръ, казалось, безповоротно овладѣлъ Сиріей, Палестиной и Египтомъ, лишивъ христіанъ всѣхъ позицій на Востокъ.

Заключеніе.

Недостатки въ организаціи крестоносныхъ ополченій, обуславливавшіе неуспѣхъ имѣвшихся въ виду военныхъ операцій, не остались тайной для современниковъ и участниковъ въ крестовыхъ походахъ и частію указаны были въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. Прежде всего, крестоносцамъ предстояло разрѣшить политическую задачу и разрѣшить ее силой оружія. Большинству участниковъ въ крестовыхъ походахъ было чуждо это сознаніе, главныя массы крестоносцевъ возбуждаемы были религіозными мотивами, которые были недостаточны для методическаго проведенія обширной задачи, преслѣдуемой крестовыми походами. Эта цѣль вообще направлялась не только къ тому, чтобы освободить Іерусалимъ и святыя мѣста изъ подъ власти мусульманъ, но что еще важнѣй, къ тому, чтобы обезпечить за христіанами фактическое господство на Востокъ. Въ муарахъ, составленныхъ въ XIV в. для достиженія этой цѣли указано весьма реальное средство—заселеніе Сиріи и Палестины густыми массами христіанъ, передача туземцамъ европейскихъ языковъ и образованія, словомъ постепенное поглощеніе сирійцевъ и арабовъ и ассимиляція ихъ. Ясно, что крестовые походы, при всемъ громадномъ напряженіи европейцевъ, не выбрасывали на сирійскій берегъ такихъ массъ, которыя бы были въ состояніи поглотить туземцевъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи дѣлалось весьма мало, потому что та половина крестоносцевъ, которая достигла Святой земли, исполнивъ обѣтъ, считала себя свободной отъ дальнѣйшихъ заботъ и возвращалась на родину. Такимъ образомъ неудача крестовыхъ

походовъ зависѣла главнымъ образомъ оттого, что недостаточно громадно было движеніе европейцевъ и сравнительно ничтожно число тѣхъ, которые оставались въ Святой землѣ для постоянного поселенія.

Цѣли крестовыхъ походовъ нельзя было достигнуть безъ содѣйствія Византійской имперіи и безъ участія греческаго элемента. Оставляя даже въ сторонѣ политическое вліяніе византійскаго царя, которое могло быть замѣнено другимъ равносильнымъ авторитетомъ, руководители крестовыми походами просмотрѣли громадную силу въ греческомъ духовенствѣ и востановили его противъ себя на всемъ театрѣ своего политическаго вліянія. Не озаботившись установленіемъ правильныхъ отношеній съ Византіей и не разграничивъ на Востокъ сферу византійскаго и европейскаго вліянія, крестоносцы предпринимали рискованное дѣло. Завоеваніемъ Византійской имперіи думая облегчить свою задачу, они на самомъ дѣлѣ уклонились отъ нея и создали себѣ въ будущемъ непреодолимые затрудненія. Итакъ, отсутствіемъ гуманности и политической дальновидности по отношенію къ Византіи крестоносцы лишили себя серьезнаго союзника. Слишкомъ хорошо сознавали участники и современники крестовыхъ походовъ, что почти ни разу прибывавшіе на Востокъ военные люди не примѣняли свои силы на одно общее предпріятіе. Напротивъ, при недостаткѣ военной организаціи и дисциплины, при различіи цѣлей, преслѣдуемыхъ вождями разныхъ національностей и наконецъ, въ валу борьбы и интригъ, разбѣдавшихъ общины сирійскихъ христіанъ, равно какъ соперничества между итальянскими торговыми республиками, никогда почти не удавалось достигнуть соглашенія взаимно противорѣчащихъ интересовъ и направить къ одной военной цѣли все наличныя крестоносныя силы. Борьба папской и императорской власти и вражда свѣтской и духовной партій въ Сиріи и Палестинѣ не разъ уничтожала выгоды, добытыя договоромъ съ египетскимъ султаномъ.

Наконецъ, нельзя не усматривать основную причину неудачи крестовыхъ походовъ въ политическомъ и торговомъ соперничествѣ самихъ европейскихъ народовъ. Этимъ соперничествомъ объясняется прежде всего направленіе четвертаго похода на Константинополь, затѣмъ отклоненіе походовъ Людовика Святаго на Египетъ и Ту-

нись, этому же соперничеству нужно приписать истощеніе силъ сирійскихъ христіанъ, поглощаемыхъ борьбой Венеціи и Генуи въ XIV вѣкѣ.

Не достигнувъ цѣли крестовыхъ походовъ, западно-европейцы несутъ тяжкую отвѣтственность предъ судомъ исторіи. Вслѣдствіе ошибокъ, допущенныхъ въ XII и XIII в., оказалась надолго утраченными для европейскаго культурнаго вліянія Малая Азія, Сирія и Палестина. Ошибками христіанъ воспользовались ихъ враги. Монголы и затѣмъ османскіе турки основали прочное господство на тѣхъ мѣстахъ, которыя были предметомъ неудачнаго домогательства со стороны христіанъ. Вопросъ о возвращеніи святыхъ мѣстъ отошелъ на задній планъ, а на первое мѣсто выступилъ восточный вопросъ, стоявшій Европѣ уже громадныхъ жертвъ и донныи привлекающій къ себѣ вниманіе отчаянными криками о помощи.

Въ виду несказанно тяжелыхъ потерь, понесенныхъ во время крестовыхъ походовъ, и неисчислимаго количества погибшихъ христіанъ, а равно въ виду полного несоотвѣтствія результатовъ съ предположенными цѣлями—трудно говорить о томъ, уравниваются ли громадныя жертвы и потери той пользой, которую извлекло средневѣковое общество изъ знакомства съ Востокомъ. Указываютъ на сравнительно высокую арабскую культуру въ XI вѣкѣ и на заимствованія, усвоенныя отъ арабовъ и перенесенныя въ Европу; приписываютъ большую важность остаткамъ античной культуры въ греческихъ земляхъ, чуждымъ для европейцевъ формамъ жизни на Востокѣ и находятъ многочисленныя заимствованія европейцами въ предметахъ домашняго обихода, въ терминахъ торговли, промышленности; наконецъ, обращаютъ вниманіе на измѣненія въ общественной жизни европейцевъ послѣ крестовыхъ походовъ (развитіе городской свободы, протестъ противъ абсолютизма римской церкви) и пытаются все это поставить на приходъ и разсматривать, какъ прямой результатъ крестовыхъ походовъ. По нашему мнѣнію, выгоды неизмѣримо ниже потерь и убытковъ. Вліяніе крестовыхъ походовъ на прогрессъ средневѣковаго общества подвергается значительному колебанію, если принять во вниманіе естественный процессъ эволюціи, который и безъ крестовыхъ походовъ могъ привести средневѣковые

народы къ успѣхамъ на пути политическаго развитія и эмансипаціи. Независимо отъ того періодъ крестовныхъ походовъ оставилъ Западной Европѣ тяжелое бремя въ восточномъ вопросѣ, который требуетъ отъ нея новыхъ жертвъ и служитъ препятствіемъ къ ея дальнѣйшимъ успѣхамъ на пути развитія.

Оглавление.

	Стр.
Гл. I. Близжайшія обстоятельства, вызвавшія крестовые походы .	1.
Гл. II. Первый крестовый походъ	11.
Гл. III. Второй крестовый походъ	52.
Гл. IV. Третій крестовый походъ	69.
Гл. V. Четвертый крестовый походъ	98.
Гл. VI. Пятый крестовый походъ	140.
Гл. VII. Шестой крестовый походъ	155.
Заключеніе	167.

Просимъ читателей исправить вѣршіяся опечатки:

Стран.	Строка.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
22	5 снизу	дали ему	дали императору
26	10 сверху	видѣвши	видѣвшіе
38	2 снизу	государства	государствъ
41	8 снизу	Риллонъ	Роллонъ
45	1 сверху	уничтожить	уничтожить власть
»	2 снизу	идей,	идей
49	5 и 8 снизу	госпиталисты	госпиталиты
51	2 сверху	королевства,	королевства
55	1 снизу	рѣзки	рѣзкихъ формахъ
59	10 снизу	послѣднимъ	послѣдними
60	15 снизу	Галиполи	у Галиполи
65	14 сверху	окончательною	оконченною
69	12 снизу	отступать	наступать
»	1 снизу	княжествомъ	княжествамъ
74	13 снизу	припятствій	препятствій
84	16 снизу	Sancti Basilli	Sancti Basilli
96	14 сверху	выговаривалъ	выговорить
108	8 снизу	austriacum	Austriacum
110	10 снизу	снести	свести
118	17 снизу	враждебную	враждебныхъ
119	2 снизу		своихъ
»	1 снизу		Бонифація
120	2 снизу	проъ	про-
»	1 снизу	нам-	намъ
126	12 снизу	условія	услія
»	9 снизу	самое	слабое
128	8 снизу	появлясь	появлясь
136	13 снизу	Асень	Асень
139	14 снизу	но и	но я
140	прим. 2 сверху	одинъ	одни
»	1 снизу	господство	господства
»	14 снизу	согласиться не	согласиться на
151	10 сверху	выступалъ	выступилъ
152	10 сверху	султанамъ	султаномъ
162	16 снизу	руководились	руководась
167	7 сверху	Сирій	Сиріей

На стр. 104—111 имя графа де-Ріана.

неправильно напечатано де-Ріонъ.